

---

---

# **КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ОПЫТ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА**

*Сборник научных трудов*

Издательство  
Воронежского государственного университета  
2012

УДК 94:329.11(470+430)«18/20»(082)  
ББК 66.1(2)+66.1(4 Гем)  
К65

Редакционная коллегия:

А. Ю. Минаков (отв. редактор), Ф.-Л. Кроль, С. Г. Алленов,  
Д. Н. Нечаев, С. В. Кретинин, С. В. Хатунцев, А. О. Мещерякова

**Консерватизм в России и Германии : опыт интернационального диалога : сборник научных трудов / отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2012. – 212 с.**

ISBN 978-5-9273-1946-6

В сборнике помещены материалы международной научной конференции, прошедшей в сентябре 2011 г. в Воронежском государственном университете. Исследуются различные аспекты истории русского и немецкого консерватизма XIX–XXI вв.

Книга рассчитана на профессиональных историков, политологов, а также на всех интересующихся теорией и практикой русского и немецкого консерватизма.

УДК 94:329.11(470+430)«18/20»(082)  
ББК 66.1(2)+66.1(4 Гем)

ISBN 978-5-9273-1946-6

© Воронежский государственный университет, 2012  
© Бокова О. В., Кашкина О. В., Семочко С. В., перевод, 2012  
© Оформление, оригинал-макет. Издательство Воронежского государственного университета, 2012

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие .....	5
<i>Минаков А. Ю.</i> (Воронеж). Истоки и зарождение русского консерватизма .....	7
<i>Краус Г.-К.</i> (Пассау). Истоки и зарождение политического консерватизма в Германии и Западной Европе .....	16
<i>Акульшин П. В.</i> (Рязань). Политический опыт Запада и формирование концепции «просвещенного консерватизма» в первой половине XIX века .....	30
<i>Кроль Ф.-Л.</i> Консервативный социализм как особое идейно-политическое течение в немецкой мысли XIX века .....	41
<i>Сендеров В. А.</i> (Москва). О германской ориентации российского консерватизма .....	49
<i>Хатунцев С. В.</i> (Воронеж). К. Н. Леонтьев о Германии .....	55
<i>Аленова В. А.</i> (Воронеж). Образ Запада в контексте русского мессианизма XIX – начала XX века .....	66
<i>Омельянчук И. В.</i> (Владимир). Парламентаризм и самодержавие в идеологии русских консерваторов начала XX века .....	81
<i>Репников А. В.</i> (Москва). Образ Германии в представлениях русских консерваторов накануне и в период Первой мировой войны .....	90
<i>Колмаков В. Б.</i> (Воронеж). Русские немцы в публицистике Д. В. Скрынченко (1914 – 1916 годы) .....	105
<i>Иванов А. А.</i> (Санкт-Петербург). От симпатий к противоборству: представления В. М. Пуришкевича о Германии и немцах .....	114
<i>Фольмер М.</i> (Хемниц). Образ России в «Размышлениях аполитичного» Томаса Манна .....	121
<i>Зёлльнер А.</i> (Хемниц). Вестернизация немецкого консерватизма и эмиграция: опыт идейно-исторического обзора .....	133

<i>Князева И. Ю.</i> (Хемниц). Роль России в европейских представлениях немецкой «консервативной революции» .....	144
<i>Алленов С. Г.</i> (Воронеж). Отзвуки «русской идеи» в идеологии немецкой «консервативной революции» .....	155
<i>Кретицин С. В.</i> (Воронеж) Немецкие консервативные организации в Польше в 1920 – 1930-е годы: политическая практика, идеология, лидеры .....	168
<i>Тосс Х.</i> (Хемниц). Рейхсвер и «консервативная революция» .....	175
<i>Мюнке М.</i> (Хемниц). История как оружие: «Национально-консервативное движение русских немцев» и его связи с немецким правым экстремизмом .....	185
<i>Селиванова Е. С.</i> (Воронеж). Консервативные ценности в идеологии и программных документах Всероссийской политической партии «Единая Россия» .....	198
<i>Нечаев Д. Н.</i> (Воронеж). Между теорией и действительностью: консервативные установки в программах политических партий Российской Федерации .....	204

## ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время в России наблюдается подлинный ренессанс консервативной мысли и политической теории консерватизма. Понятие «консерватизм» берется на вооружение самыми разными политическими силами и используется ими в качестве средства самоидентификации. Российская пресса, публицистика и общественный политический дискурс пестрят рассуждениями о консервативных ценностях, консерватизме и церковности, консерватизме и «русской идее», консерватизме и «западничестве». Характерными чертами этого дискурса являются размытость дефиниций и весьма широкий, порой произвольно определяемый содержательный диапазон. В то же время он нередко оказывается связанным с сильным антизападным аффектом и антиамериканизмом, переходящими в общую враждебность к институтам и ценностям демократии. Одновременно консервативные ценности тесно связаны с такими явлениями, как патриотизм и следование позитивным культурно-историческим традициям.

Ввиду этой сложной и запутанной картины представляется целесообразным подвергнуть анализу российские представления о консерватизме с учетом их исторических корней, их интеллектуального потенциала и выразительной силы, а также их соотношения с западноевропейскими «образцами». Эту цель ставила перед собой конференция «Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога», прошедшая в сентябре 2012 г. в Воронежском государственном университете. Она была организована Центром изучения консерватизма (доц. А. Ю. Миных, доц. С. Г. Алленов) и группой немецких исследователей из Технического университета г. Хемниц (ФРГ) (проф. Ф.-Л. Кролль, проф. А. Зёлльнер). Конференция состоялась благодаря финансовой поддержке германского Фонда имени Конрада Аденауэра, руководства ВГУ и автономной некоммерческой организации (АНО) «Агентство региональных социально-экономических проектов

(Е. С. Селиванова). Конференция получила широкий научный и общественный резонанс. Несколько дней ведущие российские и немецкие специалисты – историки, политологи и социологи вели в междисциплинарной перспективе дискуссии по проблемам, связанным с взаимоотношениями российского консерватизма и немецкой консервативной мысли. Многообразные аспекты темы, которой была посвящена конференция, рассмотрены в хронологической последовательности, охватывающей двухвековой путь развития теории и практики консерватизма. Доклады, прочитанные на конференции, легли в основу данного сборника.

Ответственный редактор –  
доктор исторических наук, доцент *А. Ю. Минаков*

**А. Ю. Минаков**

*доктор исторических наук, доцент*

## **ИСТОКИ И ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

В Российской империи консерватизм в период возникновения представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX в. стали реформы Петра I, либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства, проекты преобразований, связанные с именем М. М. Сперанского, галломания русского дворянского общества, наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир 1807 г., Отечественная война 1812 г., а также послевоенная политика создания экуменического евангельского государства, приведшая к понижению статуса православной церкви как государственной. Эти явления и события воспринимались русскими консерваторами как угроза, ведущая (как это воспринималось в традиционалистско-консервативном дискурсе) к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии вообще, языка, патриархального быта, национальных традиций, сословных перегородок и т.д. Угрозы и вызовы существующему порядку вещей неоднократно возникали и раньше, однако они не подрывали основополагающие принципы монархической власти, религии, культурно-языковой идентичности.

К концу XVIII в. ситуация резко изменилась. Процессы модернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, стали носить всеобъемлющий характер. Под модернизацией следует в данном случае понимать одновременные изменения в ключевых сферах жизни человека и общества: переход от аграрного традиционного общества к современному индустриальному, урбанизацию, маргинализацию роли религии, рационализацию человеческого мышления и деятельности, демократизацию и уменьшение социальных различий, усиливающуюся индивидуализацию.

Соответственно, беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности.

В начале XIX в. значимой проблемой для русского образованного общества были споры о влиянии французской культуры на русское дворянство, когда многие ее аспекты воспринимались и заимствовались предельно некритически, порождая так называемую галломанию – ориентацию образованного дворянского общества на французские идейные и культурно-поведенческие модели. Эти споры способствовали «кристаллизации» консервативного направления. Галломания зародилась в царствование императрицы Елизаветы и особенно усилилась в результате наплыва французских эмигрантов после 1789 г. Галломания возникла первоначально в высшем, аристократическом слое, затем охватила среднее и мелкое дворянство. Консервативно настроенные современники утверждали, что галломания вела к распаду семейных связей и традиций, поскольку иностранные гувернеры приучали дворянских детей к европейским сексуальным нравам и алкоголю, внушали детям неуважение к родителям, а также если не презрение, то полное равнодушие ко всему русскому и сочувствие ко всему иностранному. Более того, галломания представлялась консерваторам тем идейным злом, в котором оказались сфокусированы все угрозы, которые несли с собой Великая французская революция и наполеоновская агрессия для традиционно-христианского мира.

В описании А. С. Шишкова, лидера русских консерваторов начала XIX в., галломания выглядела как тяжкая духовная болезнь, поразившая русское общество. «Они (французы. – А. М.) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Рускую песню», – заявлял Шишков<sup>1</sup>. Всё это, по его мнению, чрезвычайно опасно для самой будущности русского государства и народа, по-

---

<sup>1</sup> *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 252.



скольку «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством»<sup>2</sup>.

Подобное положение, по Шишкову, было совершенно недопустимо, ибо означало, что французы, по сути, завладели Россией без единого выстрела и господствуют в ней: «они запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостью, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честию возить их!»<sup>3</sup>. В итоге, заявлял Шишков, возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение.

Процессы всеобщей нравственной деградации, «растления», «заразы», предшествующие революции, по мнению Шишкова, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Всё это однозначно расценивалось им как своеобразная подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые «вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю»<sup>4</sup>. А это вело к разрушению моральных устоев общества, ибо Шишков не отделял литературы от общественной нравственности. Следует отметить известный параллелизм взглядов на язык Шишкова и Ж. де Местра, который писал: «Всякое вырождение отдельного человека или целого народа тотчас же дает о себе знать строго пропорциональной деградацией языка»<sup>5</sup>.

По Шишкову, сугубая вина литераторов-галломанов состояла в том, что, вводя в русский язык многочисленные кальки с французского, они игнорировали собственное языковое богатство, что в перспективе могло привести к неминуемой деградации. Богатством русский язык ни с каким другим языком не сопоставим, тем более с французским: «Французы не могли из духовных книг своих столько заимствовать, сколько мы из своих можем: слог в них величествен, краток, силен, богат; сравните их с Французскими

---

<sup>2</sup> Там же. С. 6.

<sup>3</sup> Там же. С. 252–253.

<sup>4</sup> Там же. С. 3.

<sup>5</sup> *Местр Ж де*. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С. 58.

духовными писаниями, и вы тотчас сие увидите»<sup>6</sup>. Тем более недопустимы были, согласно Шишкову, заимствования из современных французских книг: «надлежит с великою осторожностью вдаваться в чтение Французских книг», ибо «нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во Французских книгах»<sup>7</sup>.

Неприятие Шишковым, как, впрочем, и большинством русских консерваторов, французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить «Просвещенческому» проекту собственную, национальную, русско-православную традицию, ядром которой и являлся язык. При этом язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. Интересно отметить «параллелизм» данных представлений Шишкова с популярной в то время идеей В. фон Гумбольдта о том, что человеческий дух в конкретной истории проявляется в форме духа народов, а формой выражения духа народа является язык. Кроме того, литературная борьба Шишкова против галломании, его попытки указать на национальную природу словотворчества и вытеснить французские заимствования с помощью новообразований со славянским корнем отчетливо восходят к изданному И. Г. Кампе в 1798 г. «Словарю улучшения и онемечивания нашего языка».

Шишков наметил собственную программу исправления русского языка: «возвращение к коренным словам своим, и употребление оных по собственным своим о вещах понятиям... хотя бы оные по отвычке от них нашей сначала и показались нам несколько дики»<sup>8</sup>. С его точки зрения, несмотря на известное «повреждение нравов», в России еще сохранялись остатки мощной культурно-религиозной традиции, которые можно и нужно было использовать консерваторам: «Мы оставались еще, до времен Ломоносова и современников его, при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божиим, при умствовани-

---

<sup>6</sup> *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. С. 121.

<sup>7</sup> Там же. С. 369.

<sup>8</sup> Там же. С. 227.

ях о христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды, после толикого пролития крови, и поныне еще во Франции гнездятся»<sup>9</sup>. Американский историк А. Мартин отмечал, что Шишков «занимался тем, что английский историк Эрик Хобсбаум называет «изобретением традиции: разработкой на основе... просветительски и романтически перетолкованных народных обычаев... теорий о национальной самобытности собственного народа, в целях защиты от господства какого-нибудь иностранного народа или государства. В интересующий нас период это стремление к «изобретению традиций» наблюдается по всей Европе: шотландцы, немцы, чехи – все составляли словари, собирали народные предания и сказки и т.д.»<sup>10</sup>.

Отметим, что ряд западноевропейских идеологов относился к галломании столь же негативно, как и русские консерваторы. Так, Руссо утверждал, что влияние наставника-француза на русского питомца будет неизбежно пагубным, оно сведется к тому, «чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством»<sup>11</sup>. Подобное воспитание приведет к утрате русскими своего национального характера, т.е. определяющего, согласно Руссо, начала государственного бытия.

Консервативно настроенные иностранцы осуждали галломанию едва ли не в более резких выражениях, нежели их русские единомышленники. Так, де Местр писал: «У меня нет слов описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь»<sup>12</sup>. Этот факт расценивался французским консерватором крайне негативно, поскольку «российская цивилизация по времени совпала с

<sup>9</sup> Там же. С. 423.

<sup>10</sup> *Мартин А. М.* «Россия есть Европейская держава...»: проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5. С. 16.

<sup>11</sup> Цит. по: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла...: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 167.

<sup>12</sup> *Местр Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 178.

эпохой максимального развращения человеческого духа... Ужасная литература XVIII века сразу, без какой-либо подготовки проникла в Россию, и на первых уроках французского языка, который слышало русское ухо, звучали слова богохульства»<sup>13</sup>. Барон фон Штейн доказывал в 1812 г., что Россия «должна была сохранить... свои первоначальные нравы, образ жизни, одежду; она не должна была подкапывать и портить свою самобытность, изменяя все это. Ей не нужно было ни французской кухни, ни французской одежды, ни иностранного типа; она могла исключить из собственного все грубое, не отказываясь от всех его особенностей. Положение столицы России (т. е. Петербурга), пример правителей, естественная склонность нации к подражанию способствовали усилению пристрастия к иностранным обычаям. И кого же избрали себе за образец русские? Самую изнеженную и испорченную нацию из всех европейских – французскую. Язык французов, их литература, их способ воспитания сделались господствующими в высших классах и имели самые гибельные последствия для нравственности и народного образования. Не пора ли... ввиду этого последнего обстоятельства положить предел дальнейшему вторжению иностранного элемента, не следовало ли бы возвратиться к столь целесообразной и удобной национальной одежде, не следовало ли бы императорскому двору перенестись в Москву», – вопрошал фон Штейн<sup>14</sup>.

Русский консерватизм первой четверти XIX столетия в значительной мере содержал в себе националистические тенденции. В этом отношении он был отнюдь не уникален. По всей Европе на смену космополитизму эпохи Просвещения пришли идеи национальной самобытности. Одним из главных течений европейской мысли начала XIX в. был романтический национализм, основателем и выразителем которого стал И. Г. Гердер, утверждавший в конце XVIII в., что всякая культура должна быть основана на национальности и что истинный носитель национального характера – простой, не тронутый космополитизмом народ. Чтобы познать

---

<sup>13</sup> *Местр Ж. де.* Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007. С. 40–41.

<sup>14</sup> Цит. по: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 2. С. 42.

народ, нужно изучать его фольклор, предания, язык. Такой национализм противостоял рационализму и космополитизму наполеоновской Франции и осуждал вредные последствия Просвещения для нравственного состояния высших слоев. При этом принцип монархии и сословных привилегий не оспаривался. Именно в поэзии литераторов-«шишковистов» периода наполеоновских войн происходит «открытие» нации как единого народа. Это был национализм, воспринимающий нацию как единое политическое тело, как некий национальный субстрат, существующий поверх сословных и классовых барьеров.

Галлофобия обусловила на первых порах специфические особенности русского консервативного национализма. Это была консервативно-националистическая реакция на поведение нации, разрушившей «алтари» и «троны» и в глазах остального мира выступившей символом революционности и якобинского террора. Несмотря на достаточно острую реакцию консерваторов-националистов на появление польского, еврейского, позднее – остзейского вопросов, вызов со стороны соответствующих национальностей воспринимался в начале XIX в. не так болезненно, как со стороны бонапартистской Франции. Именно Франция воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла».

Первая четверть XIX в. явилась важнейшим этапом в формировании русского консервативного национализма. Именно тогда были сформулированы основные концепты русского консервативного национализма: народ как единое, органическое, иерархически организованное целое, большая патриархальная семья, в которой главную роль играет воля царя, выражающая волю коллективного целого и опирающаяся на собственные, глубоко отличные от западных, национальные традиции. Такое целое не нуждалось в верховной власти народного представительства, ограничении власти самодержца конституцией, разделении властей, отмене сословных привилегий. Иначе говоря, русский консервативный национализм имел четко выраженную антиреволюционную, антилиберальную и антизападную окраску.

Вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I, был довольно остро поставлен русским консерва-

тизмом уже в первой четверти XIX в. Однако следует отметить, что критика Петра I еще раньше была предпринята представителями западноевропейской мысли. В частности, Руссо утверждал: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись влиянию цивилизации чересчур рано. Петр... хотел сначала создать немцев, англичан, тогда как надо было начать с того, чтобы создавать русских»<sup>15</sup>. Исключительно резко высказывался о Петре I и его реформах Ж. де Местр: «Я ставлю в вину вашему Петру I величайший грех – неуважение к своей нации»<sup>16</sup>. «Вообще же страна сия отдана иностранцам, и вырваться из их рук можно лишь посредством революции. Повинен в этом Петр, коего именуют великим, но который на самом деле был убийцей своей нации. Он не только презирал и оскорблял ее, но научил и ненавидеть самое себя. Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал ее под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен»<sup>17</sup>. Ж. де Местр нарочито сгущал краски, перенося на Петровские реформы свою ненависть к протестантской Европе, на которую, как он считал, ориентировался Петр.

В период своего становления русский консерватизм был явлением, родственным западноевропейскому консерватизму, возникшему прежде всего как идейно-политическая реакция на идеологию Просвещения и Великой французской революции, при этом имел вполне оригинальные черты. В силу исторических особенностей русские традиционалисты и консерваторы первоначально реагировали не столько на эксцессы французской революции (в консервативном дискурсе ламентации по поводу кровавого террора и разрушения тронов и алтарей занимают сравнительно немного места), сколько на реформы Петра Великого и вызванные ими модернизационные процессы.

Одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в западноевропейских универси-

---

<sup>15</sup> Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 167.

<sup>16</sup> Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 176.

<sup>17</sup> Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 179.

татах, в масонских ложах, хорошо знакомой с работами Вольтера, Монтескьё, Руссо, Гердера и др. Следует отметить также непосредственное влияние на складывание русского консерватизма прежде всего французских роялистов. Без наличия этого тонкого слоя европейски образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же происходило бы в других формах.

Ранние русские консерваторы разделяли с западноевропейскими единомышленниками их основные ценности, вместе с ними ставили своей целью защиту и актуализацию позитивных традиций и ценностей идеализированного традиционного общества. Русский консерватизм, как и западноевропейский, признавал неравенство естественным состоянием общества, высоко ценил самобытность, патриотизм и т.д. Он был типологически близок к западноевропейскому, поскольку обладал теми же основными чертами, такими, например, как традиционализм. В то же время идейное влияние западноевропейских мыслителей-консерваторов на русских единомышленников было сравнительно невелико, скорее следует говорить о том, что возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским и под влиянием сходных факторов.

Политическая роль русского консерватизма первой четверти XIX в. заключалась в том, что он способствовал блокированию попыток коренных преобразований, предпринятых верховной властью: введения конституции, отмены крепостного права и реформирования религиозной сферы в протестантском духе. Одновременно консервативно-националистическая идеология и настроения объективно стали необходимым условием победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании заметной части дворянского общества.

**Г.-К. Краус**

*профессор, доктор*

**ИСТОКИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО  
КОНСЕРВАТИЗМА В ГЕРМАНИИ  
И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

**I**

Консерватизм, возникнув в XIX в., как и многие другие политические направления, первоначально представлял собой течение политической мысли и только спустя некоторое время оформился в партию в прямом смысле этого слова. Это подтверждает и история данного термина. Встречающиеся в настоящее время понятия «conservative», «conservateur» и «консервативный» появились в Западной и Центральной Европе только в период Реставрации, после завершения наполеоновской эпохи<sup>1</sup>. Однако их истоки лежат глубже. Об этом свидетельствует тот факт, что политические направления и партии возникли во Франции уже во время революции 1789 г. и в последующие годы, а в Великобритании – еще раньше, в рамках первой крупной революции в середине XVII в. «Виги» и «тори» образовались из враждебных конфессиональных, династических и политических группировок, которые на протяжении пятидесяти лет с применением насилия боролись за власть до тех пор, пока не стали мирно сосуществующими внутривнутриполитическими конкурентами в политической системе Великобритании.

Уже этот краткий экскурс в историю показывает, что истоки политических течений XIX в., в том числе и консерватизма, надо искать в начале Нового времени. Преобладавшая долгое время точка зрения (представленная, прежде всего, социологом Карлом Маннгеймом)<sup>2</sup>, согласно которой консерватизм возник не ранее 1800 г.

---

<sup>1</sup> См.: *Vierhaus R. Konservativ, Konservatismus // Geschichtliche Grundbegriffe – Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, hrsg. von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck, Bd III. Stuttgart, 1982. S. 531–565.

<sup>2</sup> Известная работа Карла Маннгейма о консервативной мысли первоначально появилась в издании: *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 57 (1927). S. 68–142, 470–495. Это исследование впоследствии вошло в издание: *Mannheim K. Wissenssoziologie*, hrsg. v. Kurt H. Wolff. Berlin–Neuwied,



как реакция на Французскую революцию 1789 г., а до этого в нерелефированном виде существовал только «традиционализм», уже давно считается несостоятельной. Еще историк Фриц Вальявец вскоре после Второй мировой войны в своем новаторском для того времени исследовании об истоках политических течений в Германии указал на интенсивную просветительскую критику немецких авторов периода раннего консерватизма<sup>3</sup>. Греческий философ и историк Панайотис Кондилис в 1986 г. в классическом фундаментальном труде о возникновении европейского консерватизма исчерпывающе описал социальные, политические и исторические истоки этого политического течения раннего Нового времени<sup>4</sup>.

Определяя политическую мысль дворянства, направленную против возрастающего притязания на власть государства раннего Нового времени как исток и ядро политического течения, которое позднее было названо консерватизмом, Кондилис тем самым указывал на противопоставление традиционной и современной картин мира<sup>5</sup>. Чтобы понять истоки консерватизма и его развитие, недостаточно обратиться только к политическим и конфессиональным конфликтам и разногласиям раннего Нового времени. Необходимо изучить исторические и идеологические изменения в картинах мира и связанных с ними представлениях об общественно-политическом порядке. Политические идеи и убеждения, как правило, обосновываются в определенных, уже устоявшихся теориях об устройстве мира и о сформированной в нем социальной и политической действительности в целом.

---

1964. S. 408–508. Полностью это исследование впервые увидело свет много лет спустя после смерти автора в издании: *Mannheim K. Konservatismus – Ein Beitrag zur Soziologie des Wissens*, hrsg. von David Kettler / Volker Meja / Nico Stehr. Frankfurt am Main, 1984.

<sup>3</sup> См.: *Valjavec F. Die Entstehung der politischen Strömungen in Deutschland 1770–1815*. Neuausg. Kronberg/Ts., – Düsseldorf, 1978. S. 255–342.

<sup>4</sup> См.: *Kondylis P. Konservatismus – Geschichtlicher Gehalt und Untergang*. Stuttgart, 1986. Об этом фундаментальном исследовании см.: *Kraus H.-Ch. Konservatismus im Widerstreit – Zur neueren Literatur über seine Geschichte und Theorie // Der Staat*. 28 (1989). S. 225–249 ; *Straub E. Konservatismus // Horst F. (Hrsg.): Panajotis Kondylis. Aufklärer ohne Mission*. Berlin, 2007. S. 77–87.

<sup>5</sup> См.: *Kondylis P. Konservatismus – Geschichtlicher Gehalt und Untergang*. S. 80.

Во втором и третьем пунктах статьи остановимся на традиционной картине мира и картине мира Нового времени, а также связанных с ними концепциях об общественно-политическом порядке. В четвертой части будет рассмотрено возникновение раннего консерватизма в сопоставлении с Просвещением, а в пятой части – с событиями Французской революции. В шестой части будут описаны некоторые основные черты консерватизма в XIX в.; в седьмой части подведем итоги наших наблюдений и укажем на перспективу дальнейшего изучения темы.

## II

В основе консервативной идейно-политической мысли вплоть до XX в. лежит традиционное представление о порядке, в котором прослеживаются античные и средневековые истоки<sup>6</sup>. Доминирующая античная картина мира, которую можно найти у Аристотеля или в учениях Отцов Церкви, прежде всего Августина, конструировала реальный жизненный мир человека как всеобъемлющий, рационально устроенный «естественный порядок» или «божественный порядок»<sup>7</sup>. Этот порядок, согласно теориям того времени, был создан не человеком. Человек должен был принимать этот порядок таким, какой он есть, и подчиняться ему в соответствии со своим рангом, статусом и иногда даже со своими способностями.

Мир рассматривался как продуманно и целесообразно упорядоченный и разделенный на части Космос<sup>8</sup> или, как его еще называли в Средневековье, «Божественный порядок»<sup>9</sup>, описывающий упорядоченную Богом структуру бытия и мир, в котором существуют вещи и живые существа, в том числе и люди. Сотворенный Богом мир не может быть плохим, он может быть только поврежден или

---

<sup>6</sup> См. об этом подробную и основательную коллективную статью: Ordnung // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, hrsg. v. Joachim Ritter / Karlfried Gründer. Bd 6. Basel, 1984. Sp. 1249–1303. О значении политической идеи порядка см. исследование: *Anter A. Die Macht der Ordnung. Aspekte einer Grundkategorie des Politischen*. Tübingen, 2004.

<sup>7</sup> *Eibl H. Augustin und die Patristik // Geschichte der Philosophie in Einzeldarstellungen*. München, 1923. № 10–11. S. 268, 342, 384.

<sup>8</sup> *Ibid.* S. 385.

<sup>9</sup> Ср.: *Manz L. Der Ordo-Gedanke. Ein Beitrag zur Frage des mittelalterlichen Ständegedankens*. Stuttgart, 1937; *Krings H. Ordo – Philosophisch-historische Grundlegung einer abendländischen Idee*. Halle a. S., 1941.

частично испорчен грехами людей, но в своей сути людьми не затронут, поскольку именно это означало бы, что люди ставят себя наравне с Богом или даже выше. А в рамках традиционной картины мира, в которой определяющей была религия, это представлялось самым большим грехом.

Такое традиционное, доминирующее в Средневековье представление о порядке было не только теоцентричным, но и строго иерархичным. Считалось, что социальная иерархия задана уже самим бытием. Средневековое общество и общество раннего Нового времени можно охарактеризовать термином социолога Никласа Луманна «дифференцированное», т.е. разделенное на страты<sup>10</sup>. Судьба человека предопределена Богом. Человек по рождению принадлежит к какому-либо сословию, социальному слою, в зависимости от этого в жизни у него есть определенные права и возможности. Но это не означает, что исключен подъем или спуск по «социальной лестнице». Границы между социальными слоями в стратификационной системе проницаемы, но упорядоченное таким образом «социальное целое» как таковое остается неприкосновенным, поскольку так угодно его творцу – Богу.

Такое понимание мира и порядка определяет правомерность существования господства одного человека над остальными людьми, как правило, в форме монархии. Это своего рода отражение божественного прообраза: так же, как Господь правит миром, короли управляют своими народами, а главы семей – своими семьями, своим так называемым «ойкосом»<sup>11</sup>. Такая картина логично объясняет фундаментальное, не подвергающееся сомнению правовое и социальное неравенство. Поскольку права и возможности человека основаны на его социальном статусе, который он имеет по воле Бога, то, соответственно, Богу угодно и то, что существуют привилегированные высшие сословия с лучшим материальным и социальным положением, обладающие большими правами, но в то же время и выполняющие больше обязанностей, чем люди, принадлежащие к среднему или низшему социальному слою.

<sup>10</sup> См.: *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Bd 1. Frankfurt am Main, 1980. S. 21, 72.*

<sup>11</sup> Об «Ойкосе» и «Домашней ойкумене» в традиционном европейском представлении см. классический труд: *Brunner O. von. Das «Ganze Haus» und die alteuropäische «Ökonomik» // Brunner O. von. Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 3. Aufl. Göttingen, 1980. S. 103–127.*

В рамках такой картины мира и такого понимания порядка оправдываются не только традиционные политические формы правления – монархия и аристократия, – но и особое, привилегированное в материальном, правовом и духовном плане положение дворянства. В этом отношении дворянство является в наибольшей степени носителем ранних консервативных политических идей, основанных, по сути, на традиционной картине мира и на вытекающих из нее представлениях о порядке. Именно этот аспект изучал и развивал Кондилис<sup>12</sup>. Любое отклонение от этих идей рассматривается как революционное выступление против установленного Богом порядка и, следовательно, должно быть подавлено словом и делом.

### III

Картина мира Нового времени (этот вопрос освещается здесь лишь в общем и очень кратко) возникает с появлением мировоззрения раннего Нового времени, медленно и не без проблем сменяя обычаи традиционного мышления. Известная формулировка философа Ханса Блюменберга «Легитимность Нового времени» основывается на «самоутверждении человека», который как самодостаточный, рационально мыслящий, самостоятельно действующий индивидуум ставит себя в центр мира и тем самым – в центр Космоса и исторического мира<sup>13</sup>. Проще говоря, современный человек способен сотворить свой собственный мир, в то время как традиционный человек подчиняется созданному Богом порядку.

Это новое мышление постепенно проявляется во всех областях: в искусстве эпохи Возрождения человек больше не типизируется, а представляется индивидуально<sup>14</sup>, в натурфилософии, например Фрэнсисом Бэконом, разрабатывается программа увеличения власти человека над природой на основе эмпирических исследований; в политической мысли Н. Макиавелли утверждает, что политическое поведение основано на собственных законах и далеко не всег-

---

<sup>12</sup> См.: *Kondylis P.* Konservativismus (Anm. 4). S. 123.

<sup>13</sup> См.: *Blumenberg H.* Die Legitimität der Neuzeit. Frankfurt am Main, 1996.

<sup>14</sup> См.: *Burckhardt J.* Die Kultur der Renaissance in Italien, 13. Aufl. Leipzig, 1922. S. 99.

да соответствует нравственным требованиям Декалога<sup>15</sup>. Столетие спустя Т. Гоббс – в противоположность концепции Аристотеля о человеке как «политическом животном» (*Zoon politikón*), ориентированном на общность и включенном в существующий рациональный порядок, – определил жизнь людей в естественном состоянии «войны всех против всех» как «одинокую, бедную, беспросветную, тупую и кратковременную»<sup>16</sup>. Следовательно, человек всегда должен сначала сам создать соответствующий ему социальный и политический порядок, например, основав общество посредством объединения.

Резюмируя сказанное о политической мысли, можно сделать следующий вывод: легитимность политических устройств определяется в предмодернистском мышлении *традиционно*, т.е. существующий порядок хороший и легитимный потому, что он является таковым с незапамятных времен и в известной степени соответствует «природе вещей», передаваясь от поколения к поколению по воле Божьей. Имеющиеся возможные недостатки в деталях этого порядка обусловлены греховностью и неправильным поведением людей, но в целом несовершенство отдельных частей не может качественно изменить ценность традиционного порядка.

Легитимность политических устройств в рамках нового мышления, напротив, определяется *функционально*, т.е. порядок хорош не потому, что он уже долго существует, а потому, что он функционирует, оптимальным образом выполняет свое предназначение. По мнению Макиавелли, это означает, что если имеются сильные институты и способный правитель, позволяющие народу или государству оказывать эффективное сопротивление врагам, то порядок является хорошим и легитимным. Это может означать, что сообщество людей должно быть создано таким образом, чтобы, говоря словами Гоббса или Локка, была обеспечена его личная безопасность, а его свободы и собственность охранялись. Таким образом, общество *функционально легитимировано*,

---

<sup>15</sup> Касательно Бэкона и Макиавелли достаточно обратить внимание на несколько основных суждений Хеннинга Оттманна: *Ottmann H. Geschichte des politischen Denkens. Bd III/1. S. 11 (Machiavelli), 178 (Bacon).*

<sup>16</sup> *Hobbes T. Leviathan, hrsg. v. Michael Oakeshott, Oxford, 1946. S. 82.*

оно получает свою легитимацию благодаря выполняемым функциям, направленным на защиту человеческого существования.

В политической мысли эпохи Просвещения эта функциональная форма аргументации достигает своей первой высшей точки. Даже умеренные просветители, такие как Монтескьё и Фридрих Великий, пользуются исключительно этими аргументами: разделение власти в конституции имеет функцию ограничения власти<sup>17</sup>, дворянство выполняет функцию смягчающего «посредника» – «*rouvoir intermédiaire*» (термин Монтескьё)<sup>18</sup>, абсолютный монарх, согласно Фридриху Великому, является своего рода «мозгом» государства с функцией разумного и хорошего управления судьбами всех граждан и др.<sup>19</sup>

#### IV

Раннее Новое время исторически рассматривалось как переходный период, когда одновременно существовали традиционные формы политического мышления и современные просветительские идеи и дискурсы, конкурирующие друг с другом. Старые идеи и образ мышления не могли просто так внезапно исчезнуть, наоборот, в условиях усиливающегося соперничества с новым духом Просвещения, укореняющегося с середины XVIII в., они временами переживали новый подъем. Именно в такой ситуации конкуренции старого и нового, которую можно охарактеризовать как «одновременность неодновременного», появились предпосылки для возникновения нового политического консерватизма<sup>20</sup>.

Во Франции идеям раннего Просвещения очень влиятельный

---

<sup>17</sup> См. об этом: *Kraus H.-Ch. Englische Verfassung und politisches Denken im Ancien Régime 1689–1789. München, 2006.*

<sup>18</sup> *Montesquieu Ch.L. de S. de. Oeuvres complètes, hrsg. v. Roger Caillois. Bd I–II. Paris, 1949–1951. Bd II. S. 247.*

<sup>19</sup> *Friedrich der Große: Regierungsformen und Herrscherpflichten ('Essai sur les formes du gouvernement et sur les formes des souverains', 1777) // Montesquieu Ch. L. de S. de. Die Werke in deutscher Übersetzung, hrsg. v. Gustav Berthold Volz. Bd VII. Berlin, 1913. S. 225–237.*

<sup>20</sup> Наряду с мыслителями раннего Просвещения во второй половине XVII столетия существовали представители специфического, «староевропейского» политического традиционализма, глубоко укорененного в традиционном видении порядка, их мировоззрение было прекрасно проанализировано Отто Брюнером (см.: *Brüner O. Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helmhards von Hohberg 1612–1688. Salzburg, 1949.*)

учитель дофина Жак Бенинь Боссюэ противопоставлял свое строго христианское учение о правлении, взятое непосредственно из сентенций Библии<sup>21</sup>. В Великобритании Сэмюэл Джонсон в середине XVIII в. выступал против требований североамериканских революционеров, указывая на традиционную конституцию Англии, воплощающую истинный политический строй<sup>22</sup>. В Германии специалист по государственному праву Иоганн Якоб Мозер и ландфогт (“*Advocatus Patriae*”) в Оснабрюке Юстус Мёзер боролись за сохранение традиционного, а значит, проверенного временем и хорошего политического порядка<sup>23</sup>. Известная полемика о свободе и основах христианской веры между Г. Э. Лессингом и И. М. Гёце закончилась (хотя и временно) победой консервативного гамбургского пастора над выдающимся просветителем<sup>24</sup>.

Если рассматривать ранний консерватизм в конкретной исторической перспективе, то можно сказать, что он был направлен против действий политических деятелей современного государства. Монархии раннего Нового времени (по отношению к которым употребляют понятие «абсолютистские») стремились к установлению контролирующего и по-новому, более эффективно воздействующего на ход событий бюрократического аппарата. Этот процесс сегодня обобщенно именуется «творением государства». В рамках такого «творения государства» постепенно были поставлены под сомнение и частично отменены старый порядок, унаследованные привилегии, социально-экономические преимущества и существующие структуры власти<sup>25</sup>. Права старых сословий, в которых, как правило, доминировало дворянство, последовательно были ограничены и урезаны. Таким образом, против распространяющейся деятельности государства раннего Нового времени возникла свое-

<sup>21</sup> См.: *Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte.* Paris, 1709.

<sup>22</sup> [Samuel Johnson] *Taxation no tyranny; an Answer to the Resolutions and Adress of the American Congress.* London, 1775.

<sup>23</sup> См.: *Rürup R. Johann Jacob Moser. Pietismus und Reform.* Wiesbaden, 1965 ; *Welker K. H. L. Rechtsgeschichte als Rechtspolitik. Justus Möser als Jurist und Staatsmann.* Bd 1–2. Osnabrück, 1996.

<sup>24</sup> См.: *Schmidt E. Lessing. Geschichte seines Lebens und seiner Schriften.* 2. Aufl. Bd 1–2. Berlin, 1899. Bd 2. S. 248–306.

<sup>25</sup> См.: *Hintze O. von. Gesammelte Abhandlungen.* Bd I: Staat und Verfassung, hrsg. v. Gerhard Oestreich. 3. Aufl. Göttingen, 1970.

го рода дворянская оппозиция, которая во многом оказала влияние на ранний консерватизм.

В течение всего XVIII в. сторонникам «староевропейского» мышления удавалось взять верх над представителями новых идей Просвещения. Их аргументы не только воспринимались всерьез, но и все еще могли частично утвердиться в общественном дискурсе, однако в основном только благодаря политической власти. В сущности, эта аргументация раннего консерватизма была ориентирована на основы предмодернистского мышления. Традиционный аргумент противопоставлялся функциональному, велась борьба с заметной в политическом мышлении секуляризацией, т.е. прилагались усилия для того, чтобы восстановить теологически обоснованные представления о порядке, а также приводились аргументы против просветительской идеи о безусловной автономии человека и его разума, будь то в религиозной, социальной или политической сфере.

Однако такая конкуренция в конце XVIII в. внезапно заканчивается двойной революцией, которая хотя и не означала победоносного шествия новых идей, но вынудила представителей консерватизма основательно продумать и пересмотреть содержание своих идей и формы аргументации. Здесь имеются в виду, во-первых, Французская революция, свергнувшая Старый режим (*Ancien Régime*) и установившая в стране совершенно новый порядок<sup>26</sup>, и, во-вторых, совершенный Иммануилом Кантом «коперниканский переворот» в современном мировоззрении<sup>27</sup>, согласно которому реальность существующего «мира» рассматривается не как уже данный феномен, а как воспринимаемая человеком посредством познания и таким образом впервые сформированная картина мира. Тем самым вера в данный свыше божественный мировой порядок была, как никогда ранее, сильно подорвана.

---

<sup>26</sup> См.: *Ozouf M. Erneuerung // Kritisches Wörterbuch zur Französischen Revolution*, hrsg. v. François Furet / Mona Ozouf. Bd 1–2. Frankfurt am Main, 1996. Bd 2. S. 1071–1086.

<sup>27</sup> О толковании «коперниканского переворота» самим Кантом см.: *Kant I. Gesammelte Schriften. Akademie-Ausgabe*. Bd III. Berlin, 1911. S. 12, 14.



## V

В ходе критического рассмотрения событий Французской революции и их последствий консервативные противники революции были вынуждены продумать и частично пересмотреть основы своих собственных идей<sup>28</sup>, поскольку инициаторы революции на самом деле достигли той цели, которая до этого консерваторами ставилась под сомнение: они, руководствуясь принципами рациональности, установили новый политический порядок, основанный на положениях свободы и равенства (даже если он поначалу достаточно плохо функционировал).

Можно назвать двух представителей консерватизма, решительно выступавших против Французской революции и ее принципов и при этом стремившихся приспособить старые идеи и догматы веры к новым требованиям. Первый – Эдмунд Бёрк, превозносивший над новым порядком революционной Франции якобы исконную, исторически сложившуюся английскую конституцию. Он отмечал, что только такая политическая система, основанная на традициях и истории, правильно соотносится и находится в абсолютной симметрии с мировым порядком и только такая конституция соответствует «божественным методам природы». Старое представление о порядке Бёрк в своих «Размышлениях о революции во Франции» переформулировал и противопоставил рационально-конструктивистским революционным догматам веры<sup>29</sup>.

В то же время Бёрк привнес в консервативное мышление нечто новое – мысль об изменении, естественной исторической трансформации. Он утверждал, что обществу, которому не хватает средств для своего изменения, необходимы «средства для своего сохранения»<sup>30</sup>. Изменения, по мнению Бёрка, являются в области политики жизненно необходимыми, а непреклонное удерживание старого, напротив, может привести к гибели. Он был убежден, что изменения должны происходить *последовательно*, а любых *нарушений последовательности (преемственности)*, наоборот, нужно все время избегать. Британский политик-консерватор и писатель

<sup>28</sup> См.: *Kondylis P.* Konservativismus (Anm. 4). S. 207.

<sup>29</sup> См.: *Burke E.* Reflections on the Revolution in France and on the Proceeding in Certain Societies in London Relative to that Event, ed. by Conor Cruise O'Brien. Harmondsworth, 1982. P. 120.

<sup>30</sup> Ibid. P. 106.

представил эту мысль в виде соглашения между поколениями. По его словам, политическое общество с точки зрения истории является ничем иным, как сообществом живущих, уже умерших и тех, кто еще только должен родиться<sup>31</sup>.

Второй представитель консерватизма – французский философ и политик Жозеф де Местр, который в своем произведении «Размышления о Франции» («*Considérations sur la France*») вновь выразил, хотя и более радикальным образом, идею о созданном Богом политическом порядке как части управляемого Богом развития мира. По словам де Местра, конституции либо сложились исторически, в результате развития народа, либо были созданы законодателем, посланным Богом и поэтому обладающим авторитетом. Создание абсолютно нового политического порядка по рациональным принципам он называет безумной попыткой человека.

Мысль о преемственности у де Местра, как и у Бёрка, играет ключевую роль. Только французский автор видит в нарушении преемственности в результате Французской революции «наказание Божье». В его трактовке греховное человечество было вынуждено пережить ад Французской революции, чтобы потом прийти к осознанию того, что нужно снова подчиниться введенному Богом порядку. В связи с этим его политическая программа гласила: «Восстановление Монархии, называемое контрреволюцией, отнюдь не будет революцией противоположной, но явится противоположностью Революции»<sup>32</sup>.

## VI

Эдмунд Бёрк в рамках своей критики революции наметил определенные возможности обновления консервативного мышления, на которые в дальнейшем могли опираться другие<sup>33</sup>. Жозеф де Местр, напротив, со своим радикальным скепсисом по отношению к возможностям человеческого «самооформления» и мрачным

---

<sup>31</sup> См.: *Burke E. Reflections on the Revolution in France...* P. 194.

<sup>32</sup> Цит. по: *Maistre Joseph de. Oeuvres*. Paris, 1841. Sp. 94 (*Considérations sur la France*, Kap. X).

<sup>33</sup> О рецепции идей Бёрка в Германии см.: *Braune F. Edmund Burke in Deutschland. Ein Beitrag zur Geschichte des historisch-politischen Denkens*. Heidelberg, 1917.

представлением о человеке стал решительным критиком прогрессивной мысли<sup>34</sup>.

Таким образом, оба автора предвосхитили некоторые основные идеи, которые в разной форме можно найти в более поздней консервативной мысли. В любом случае послереволюционный консерватизм должен был реагировать на фундаментальные изменения, произошедшие в результате Французской революции и наполеоновской эпохи. Это означало, что сначала нужно было проститься с тем достаточно статичным пониманием порядка, которое еще во многом определяло ранний консерватизм XVIII в. Конечно, консерваторы в основном продолжали придерживаться религиозной легитимности политического порядка, например, утверждая о Божьей милости как о свидетельстве законности монархии, но при этом *исторический аргумент* выходил на передний план.

Еще Бёрк сформулировал следующую идею: политический порядок является легитимным в том случае, если он уже долго и успешно существует, сохраняет сложившиеся традиции и противостоит радикальным изменениям<sup>35</sup>. Эти аргументы были в корне антиреволюционными и исключали любую революцию как нарушение фундаментальных традиций. Но такая позиция не исключала последовательных реформ<sup>36</sup>. Тем самым консерватизм принимал принцип исторических, привнесенных человеком изменений, но только при сохранении и соблюдении исторической преемственности.

Добавился и второй момент: некоторые влиятельные писатели и политики-консерваторы стали соглашаться с *функциональным* аргументом, считавшимся когда-то просветительским и революционным. Устоявшиеся конституционные формы, порядки и институты в целом оправдывались теперь не только традиционно (т.е. не только потому, что это даный Богом, существующий с незапа-

---

<sup>34</sup> См.: *Rohden P. R. Joseph de Maistre als politischer Theoretiker – Ein Beitrag zur Geschichte des konservativen Staatsgedankens in Frankreich. München, 1929. S. 122, 176.*

<sup>35</sup> С подобной позиции рассматривал Бёрк и «Славную революцию» 1688 г. (см.: *Burke E. Reflections on the Revolution in France (Anm. 31). S. 107).*

<sup>36</sup> См.: *Kondylis P. Konservativismus (Anm. 4). S. 351.*

мятных времен и поэтому хороший и естественный порядок)<sup>37</sup>, но и благодаря приписываемым им и воспринимаемым как положительные *функциям*.

В этом случае монархию необходимо сохранить, поскольку ее *функция* – оставаться элементом стабильности и преемственности во времена революционной угрозы и слишком стремительных исторических изменений; дворянство должно сохранить свое привилегированное положение в обществе, потому что оно выполняет *функцию* стабилизации существующего политического порядка и является своего рода согласующим элементом между буржуазией и пролетариатом; новое сословие теоретиков-консерваторов требовало учреждения сословно-представительного парламента, так как только таким образом, а не путем всеобщих выборов возможно создать функционирующее народное представительство всех «творящих сословий», и т.д.<sup>38</sup>

## VII

Таким образом, можно сказать, что консерватизм в Германии и Западной Европе возникает в раннее Новое время в рамках двойного столкновения с современными тенденциями развития: во-первых, в конфликте с основными идеями европейского раннего Просвещения и с мыслью о «самоутверждении человека», способного создать по принципам своего собственного разума новый политический порядок, и, во-вторых, в процессе фундаментальной критики теории и практики нового «творения государства», целью которого в конечном итоге была замена исторически сложившегося староевропейского сословного порядка на новое, современное административное государство, образованное по рациональным и функциональным принципам, охватывающее все больше и больше сфер жизни и регулирующее их.

---

<sup>37</sup> См.: *Kriele M. Recht als gespeicherte Erfahrungsweisheit – Zu einem Argument Ciceros // Kriele M. Die demokratische Weltrevolution und andere Beiträge. Berlin, 1997. S. 383–393.*

<sup>38</sup> См. об этом: *Kraus H. Ch. Vom Traditionsstand zum Funktionsstand. Bemerkungen über “Stände” und “Ständetum” im deutschen politischen Denken des 19. Jahrhunderts // Gehrke R. (Hrsg.) Aufbrüche in die Moderne – Frühparlamentarismus zwischen altständischer Ordnung und monarchischem Konstitutionalismus 1750–1850. Schlesien – Deutschland – Mitteleuropa. Köln ; Weimar ; Wien, 2005. S. 13–44.*

Необходимо отметить также национальные особенности: во Франции писатели и философы раннего консерватизма сначала выступали против права абсолютной королевской власти, а потом – под впечатлением от радикального Просвещения и революции – оправдывали эту власть; английские тори вначале защищали притязание на власть династии Стюартов, но в течение XVIII в. они превратились в хранителей и защитников нового порядка, установленного в ходе «Славной революции» 1688 г.; немецкие консерваторы, в свою очередь, пытались оправдать устоявшийся сословный порядок до тех пор, пока в XIX в. им не пришлось защищать с помощью «функциональных аргументов» права сильной королевской власти от угрозы обрушившейся революции.

Это напряжение между определенными, в целом сохраняющими свои основные принципы, но меняющими содержание идеями, такими как порядок, традиция, преемственность, религия, с одной стороны, и между особенными национально-государственными традициями и тенденциями развития, базирующимися на истории соответствующего государства и его национальной специфике, с другой стороны, обуславливает своеобразие консервативной теории и практики в различные эпохи новой европейской истории. И только учитывая это напряжение, можно получить адекватное представление о трудно определимом феномене политического консерватизма.

**П. В. Акульшин**

*доктор исторических наук, профессор*

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЗАПАДА  
И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ  
«ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА»  
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Несколько поколений государственных и общественных деятелей Российской империи стремились сочетать принцип нерушимости монархической власти и привилегированного положения дворянства с теми реалиями, которые возникли в Европе в ходе бурных событий конца XVIII – начала XIX в. Они продолжили традиции «просвещенного абсолютизма» XVIII в., пытаясь соединить реформы государственного строя и отмену крепостного права с сохранением внутренней стабильности и статуса России как великой европейской державы, выработав то, что можно назвать «просвещенным консерватизмом». В дальнейшем «просвещенный консерватизм» нашел продолжение в идеологии и политической практике второй половины XIX – начала XX в., в том числе в деятельности П. А. Столыпина.

Составной частью формирования «просвещенного консерватизма» стало появление в старой столице в 1810-х гг. кружка образованной дворянской молодежи и его дальнейшее развитие. В 1815 г. члены этого кружка создали в Петербурге литературное общество «Арзамас». В качестве литераторов и публицистов участники обоих объединений внесли заметный вклад в общественную жизнь России. Впервые это стало заметно в ходе так называемой «полемики о старом и новом слоге», когда будущие «арзамасцы» выступали против традиционалистских настроений в обществе с позиций, близких политическому курсу, проводимому Негласным комитетом и М. М. Сперанским.

Важнейшей сферой приложения сил «арзамасцев» была государственная служба; в ходе бюрократической карьеры они уже в середине 1820-х гг. заняли высокие должности и стремились реформировать страну. Их политические идеалы включали призна-

ние необходимости конституционных преобразований и отмены крепостного права. Свидетельством этого является оценка исторических трудов Н. М. Карамзина «арзамасцем» А. И. Тургеневым в феврале 1816 г.: «...история его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического правления и, Бог даст, русской возможной конституции»<sup>1</sup>.

Помимо Отечественной войны 1812 г. важной вехой в формировании политической концепции этого поколения «просвещенных консерваторов» явились события декабря 1825 г. Общественные идеалы членов «Арзамаса» во многом совпадали с программой тайных обществ декабристов. Но восстание 14 декабря 1825 г. провело между ними четкую грань. «Арзамасцы», проявляя милосердие и сострадание к его осужденным участникам, не отрицали право власти на подавление восстания и наказание его участников. Они решительно отвергали создание тайного общества и вооруженное выступление как путь преобразования страны. Воплощением общественно-политических исканий «арзамасцев» в 1830-е гг. стала теория официальной народности, которая представляла собой российскую модификацию общеевропейского консерватизма, сложившегося в эпоху наполеоновских войн и кризиса феодальных монархий. Его концепция не означала полного отказа от признания прав подданных и предусматривала ограничение законом произвола властей и введение элементов народного представительства, что должно было укрепить власть законных монархов и исключить возможность новой узурпации власти.

В России основное внимание сторонников «просвещенного консерватизма» было сосредоточено на поиске способов такого реформирования страны, которое позволило бы сохранить внутреннюю стабильность и международный статус Российской империи как великой европейской державы. Его представители сформулировали тезис о самобытности России, связав его с необходимостью реформирования страны. Их взгляды в эпоху правления Николая I нашли практическое воплощение в деятельности достигших министерских постов «арзамасцев» С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова, а также наставника наследника престола В. А. Жу-

---

<sup>1</sup> Тургенев А. И. Письмо С. И. Тургеневу. 2 марта 1816 г. // Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. М. ; Л., 1936. С. 12.

ковского. Значительное влияние на формирование их мировоззрения и политической концепции оказал политический опыт стран Запада<sup>2</sup>.

Свидетельством этого являются взгляды друга и единомышленника «арзамасцев» князя Петра Андреевича Вяземского (1792 – 1878). В историю России он вошел прежде всего как поэт и литературный критик, друг А. С. Пушкина и целого ряда других представителей «золотого века» отечественной культуры (К. Н. Батюшкова, А. С. Грибоедова, Д. И. Давыдова, В. А. Жуковского). Кроме того, этот литератор являлся заметной фигурой в общественно-политической жизни России первой половины XIX в.: он внес заметный вклад в развитие отечественной политической мысли. Благодаря его публицистике в оборот вошли такие термины, как «романтизм», «либеральный консерватизм», «народность» и «квасной патриотизм». На протяжении всей жизни он считал, что Россия «... что ни говори, все же частичка европейской общины и связана с нею круговою порукою»<sup>3</sup> и критиковал многие стороны тогдашней отечественной действительности, оставаясь сторонником ее самобытного развития.

Становление общественно-политических взглядов П. А. Вяземского проходило под влиянием европейских традиций современной ему эпохи. Отец будущего литератора пытался воспитывать сына согласно педагогическим рецептам века Просвещения, хотя и не очень в этом преуспел. Стремясь дать наследнику систематическое образование, князь А. И. Вяземский в 1805 г. отправил его в Петербург. Два года юноша обучался в иезуитском пансионе,

---

<sup>2</sup> См.: *Тарасов Е. И.* Русские «геттингеры» первой четверти XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России // *Голос минувшего*. 1914. № 7; *Степанов М. (Шебунин А. Н.)* Жозеф де Местр в России // *Литературное наследство*. М., 1937. Т. 29–30; *Минаева Н. В.* Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н. М. Карамзина // *История СССР*. 1982. № 5; *Реморова Н. Б. В. А. Жуковский и немецкие просветители*. Томск, 1989; *Виттакер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... : литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815 – 1818 гг. М., 2008.

<sup>3</sup> *Вяземский П. А.* По поводу записок графа Зенфта // *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1881. Т. VII. С. 435.



затем несколько месяцев в пансионе при Главном педагогическом институте. В 1807 г. по требованию отца, которому сообщили о легкомысленном поведении отпрыска, он возвратился в Москву, где непродолжительное время брал домашние уроки у профессоров университета И. Г. Буле, Ф. Ф. Рейса и Х. А. Шлецера.

Вяземский так и не овладел немецким и латинским языками, которые изучал в пансионах, в зрелом возрасте пытался изучать английский и польский языки, но не очень преуспел и в этом. Однако князь прочно усвоил французский язык и французскую литературу, которые позволили ему приобщиться к достижениям общеевропейской культуры и стать одним из ярких представителей отечественной политической мысли первой половины XIX в. Знание французского и основ других иностранных языков стало важным фактором развития личности и взглядов Вяземского.

Письменной речью на родном языке потомок Рюриковичей овладевал позже в процессе самообразования. Раннее бессистемное и жадное чтение книг из обширной библиотеки отца сделало Вяземского убежденным поклонником французской просветительской литературы XVIII в. Все последующие жизненные впечатления и новые идеи накладывались у него на прочный базис идеалов «века Просвещения» и прежде всего идей Вольтера, которые дополнялись влиянием происходящих на европейском континенте событий.

Вяземский постоянно обращался к мысли о роли литератора как носителя просвещения и выразителя общественного мнения. В качестве воплощения своего общественного идеала он называл французское общество «в царствование Людовика XV и Людовика XVI до начала революции», когда литераторы-просветители «всемогущее влияние... имели не только на общую образованность народа, но и на частные мнения и привычки общества. Парижское общество было тогда республикою, управляемою олигархией сего города, составленною из умных людей и литераторов»<sup>4</sup>.

Важным этапом идейной эволюции Вяземского стало пребывание в Варшаве в 1817 – 1821 гг. в качестве чиновника канцелярии Н. Н. Новосильцева, представителя императора при Администра-

---

<sup>4</sup> *Вяземский П. А. Сочинения в прозе господина Жуковского // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1877. Т. I. С. 268.*

тивном совете Королевства Польского. Там он не только становится непосредственным наблюдателем европейских политических событий, но и участвует в подготовке правительственных реформ, в частности конституционного проекта «Государственной уставной грамоты Российской империи», основой которого являлась конституция Королевства Польского 1815 г.

Пребывание в польской столице расширило знакомство Вяземского с новыми политическими доктринами, которые появились в Европе в эпоху Реставрации. Страны Запада были наводнены огромным количеством брошюр и памфлетов, в которых идеологи и политики разных направлений развивали свои взгляды. Князь, окунувшись в это море политической литературы, писал в Москву И. И. Дмитриеву: «...Мы живем в век брошюр и листов публичных. В старое время на просторе писали на пергаменте и о мелочах; в наше – едва успевают на летучих листках писать о происшествиях важнейших»<sup>5</sup>.

Западноевропейские периодические издания, брошюры и памфлеты по политическим вопросам доходили до Вяземского и в Москве. Но за время длительного путешествия печатной продукции по просторам Европы, а затем от северной столицы до Москвы острота политических событий, отраженных в них, терялась. К тому же, помимо правительственной цензуры, на пути этих изданий стояли вкусы петербургских арзамасцев. Таким образом, самые актуальные европейские политические известия приходили к нему с опозданием, через вторые руки. Во время пребывания в Варшаве положение изменилось. В польскую столицу новинки западноевропейской литературы попадали быстрее и в большем количестве, чем в Петербург и Москву. Тем более, что первоначально в Королевстве Польском отсутствовал запрет на ввоз иностранной литературы. Вяземский получил возможность самостоятельно выбирать ориентиры в океане политической информации, и сам стал источником политических новостей для своих друзей, снабжая их новинками иностранной литературы. В письме И. И. Дмитриеву он писал: «Конечно, можете вы и не выписывая пользоваться в Москве чтением парижских изданий, но кроме той неприятности, что вы всегда далеко отстае

---

<sup>5</sup> *Вяземский П. А.* Письмо И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1866. Стлб. 1703.

от происшествий, предстоит еще другая опасность: лапы цензуры, которая часто захватывает любопытнейшие листы»<sup>6</sup>.

Результатом знакомства с политической жизнью современной Европы стал быстрый рост интереса к политике и политическим событиям. Это означало избавление от характерного ранее для князя восприятия общественных проблем через призму эстетических и этических проблем. Он писал о своих варшавских впечатлениях: «...Политика все завоевала. На сцене трагической и комической, в романах, в одах, в баснях, куда ни оглянись везде и везде политика. Как у нас нет книжного объявления, речи Антоновского, комедии Шаховского без незабвенного 1812 года и нашествия общего врага, так и во Франции не печатается двух страниц о чем ни было без признания хартии, упрека министерству и так далее»<sup>7</sup>.

Расширение кругозора заставляло Вяземского определиться со своими политическими симпатиями. Переписка и публицистика свидетельствуют о том, что его идеалом являлся политический режим, существовавший во Франции и ряде других стран Европы в период Реставрации. Внимательно следя за политическими событиями в зарубежных странах, он выделял наиболее близких к нему по духу деятелей, к числу которых относил И. П. Каподистрию, германского государственного деятеля Г. фон Штейна, премьер-министра Великобритании Дж. Каннинга, одного из лидеров парламентской оппозиции во Франции генерала М. Фуа.

Вяземский настороженно относился как к представителям крайнего консерватизма (Ж. де Местр, Л. де Бональд, Ф. Р. Шатобриан), так и к европейским радикалам. Он, в частности, осуждал «военные революции» в таких европейских государствах, как Испания, Неаполь, Пьемонт. Закономерным следствием этого стало отношение Вяземского к событиям декабря 1825 г. И хотя некоторые его отзывы, клеймящие власти, давно стали хрестоматийными и дали основание назвать его «декабристом без декабря», взятые сами по себе, без учета всех мыслей Вяземского, они не передают сути его позиции. Возмущаясь ходом следствия и суда над декабристами, он не ставил под сомнение необходимость подавления восстания и право власти на это.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. Стлб. 1702.

К периоду пребывания князя в Варшаве относится рукопись «О Пруссии», в которой он пытался сформулировать свои представления по вопросам государственного устройства на примере этого германского государства<sup>8</sup>.

Под конституцией Вяземский понимал не ограничение монархической власти, а юридическое упорядочение отдельных элементов государственного управления. Он писал: «Без сомнения конституция необходима для Пруссии не столько для того, чтобы даровать то, чем она уже давно пользуется, как для того, чтобы устроить разнообразные части ее народного духа, которые в теперешнее время метутся в каком-то хаосе». По его мнению, население Пруссии уже пользуется основными гражданскими свободами: «Пруссаки, хотя еще не ограждены конституционной обнадуженностью, на деле свободны: их свобода основана на обычае и соизволении нынешнего короля, книгопечатание не стеснено, присутственные места решали с беспристрастием и часто противу властей»<sup>9</sup>.

В записке «О Пруссии» отмечалось, что между обещанием введения конституции и его реализацией неизбежно пройдет определенное время: «Власти свойственно хранить в уступках некоторую скупость, которая не всегда полезна, по натуральности, у которых сила в руках, обыкновенно бывают довольны настоящим положением и говорят: к чему перемены? Но от сей нерешительности до решительного отказа в конституции расстояние непомерное»<sup>10</sup>.

В 1830 – 1850-х гг. разочарование в практических делах Николая I и его приближенных сочеталось у П. А. Вяземского с отчуждением от новых явлений в общественной жизни Европы. Весьма скептически он относился к охватившему образованную часть общества увлечению немецкой философией. В августе 1833 г. Вяземский писал склонному к ней А. И. Тургеневу: «...Я не дам шиллинга за всего вашего Шеллинга не потому, что не уважаю его – уважаю всякое действующее лицо в сфере умственной деятельности; но потому, что не понимаю это и слишком стар, чтобы учиться по-

---

<sup>8</sup> См.: *Вяземский П. А. О Пруссии* // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1052.

<sup>9</sup> Там же. Л. 3 об.

<sup>10</sup> Там же. Л. 3.

нимать... Ты досадил мне своею немчурностью»<sup>11</sup>. Он совсем не проявлял интереса к разного рода формам утопического социализма, ограничиваясь ироническими высказываниями: «Он (П. Я. Чадаев. – П. А.) в Москве кажется сен-симонствует»<sup>12</sup>.

Благодаря образу мысли и жизни Вяземский имел у современников репутацию «русского европейца». Но вплоть до сорокалетнего возраста он не покидал территорию Российской империи, не считая короткой поездки на территорию вольного города Кракова в 1819 г. Долгое время представления Вяземского о странах Запада основывались на книгах и рассказах знакомых. В 1834 г. он совершил первое заграничное путешествие, побывав в Германии и Италии, в 1838 – 1839 гг. путешествовал по Германии, затем посетил Францию и Англию, в 1849 – 1850 гг. ездил в Турцию и Палестину, вернувшись домой через Францию и Голландию, 1851 – 1853 гг. провел в путешествии по Австрии, Италии и Германии. Эти поездки, как и служба в Департаменте внешней торговли Министерства финансов в 1832 – 1846 гг. в качестве вице-директора, усилили его внимание к международным проблемам.

Вяземский стремился определить место России среди других государств и защитить ее от нападков европейской печати. На усиливающуюся в европейской печати критику политики Российской империи он весной 1833 г. откликнулся запиской «О безмолвии русской печати». В ней доказывалась необходимость аргументированно отвечать на враждебные выпады зарубежных изданий. Образцом дальновидной и эффективной политики в вопросах печати князь в эти годы называл действия Наполеона и Екатерины II. Главное практическое предложение Вяземского состояло в том, что правительство должно выпускать «на русском языке журнал под своим руководством, с двойной целью: этот журнал должен был бы стать посредником между Европой и Россией, между правительством и народом»<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> Вяземский П. А. Письмо А. И. Тургеневу. 20 августа 1833 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1908. Т. 3. С. 249.

<sup>12</sup> Там же. С. 236.

<sup>13</sup> Вяземский П. А. Письмо А. Х. Бенкендорфу (1832 г.) // Русская литература. 1966. № 4. С. 126. Об отношении Вяземского к известной книге А. де Кюстина см.: Невелев Г. А. А. де Кюстин и П. А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск,

Наблюдения за жизнью Европы и Ближнего Востока заставляли Вяземского отказываться от идеализации политики государств Запада. Особенно негативное впечатление производили на него британская внешняя политика и политические нравы Франции эпохи Наполеона III. В годы Крымской войны князь пытался опубликовать в европейских газетах статьи, объясняющие и защищающие русскую политику в восточном вопросе. Когда это не удалось, он издал их отдельной книжкой на французском языке под названием «Письма русского ветерана 1812 г. о восточном вопросе». Главной мишенью в ней была избрана политика правительства Великобритании, которую автор считал своекорыстной и проникнутой «фанатизмом гиней». В качестве примера он приводил Первую «опиумную» войну, о которой писал: «Англичане, например, находят весьма естественным и разумным начать войну против миролюбивого народа за то только, что правители этого народа мешают иностранцам оскотинивать и отравлять его посредством тайного ввоза опиума»<sup>14</sup>. Вспоминал Вяземский и «...бедственное и унижительное положение, в котором английское правительство держит Ирландию. Оно, вероятно, находит..., что ирландцев слишком много и что поэтому нельзя себе позволить в отношении к ним справедливости и великодушия»<sup>15</sup>. «Вторую империю» во Франции он считал «незаконною в ней властью» и младшим союзником островного государства, презрительно говоря, что «мы были во Франции в эпоху 2 декабря (1851 г. – государственный переворот, устроенный Наполеоном III. – П. А.) и несколько знакомы с тогдашними ее порядками»<sup>16</sup>.

Российскую империю Вяземский рассматривал как полноправного партнера европейских держав, но отличие этих двух сторон видел в том, что первая «... прежде всего, есть земля благочестивая и царелюбивая. Ее исторические предания ей так же

---

1992; Мильчина В. А., *Освоит А. Л.* Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели: (по неизданным материалам 1830–1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 8.

<sup>14</sup> Вяземский П. А. Письма русского ветерана 1812 г. о восточном вопросе // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1881. Т. VI. С. 284. Впервые опубликовано на французском языке в Лозанне в 1855 г.

<sup>15</sup> Там же. С. 360.

<sup>16</sup> Там же. С. 328.

дороги, как и предания веры, потому, что и те и другие проистекают из одного источника. Россия то, что она есть, преимущественно потому, что она дочь восточной церкви, и потому, что она всегда останется верна ей. В православии заключается ее право на бытие; в нем развивалась протекшая ее жизнь, и в нем задатки ее будущности»<sup>17</sup>.

В дни своей молодости Вяземский часто употреблял слова «Азия» и «азиатчина» для обозначения косности и невежества. К 1850-м гг. он стал умереннее в суждениях, заявляя по поводу азиатского соседа России: «Между турками и славянами есть нечто общее по восточному их происхождению, чего нельзя не признать и нельзя истребить. Настоящие турки мягкосердечны и откровенны. Близкое сожительство и, за исключением веры, общие патриархальные обычаи и многие другие сходные черты могли бы, при известных благоприятных обстоятельствах, привести к соединению двух племен, ныне разделенных. Имея миллионы мусульман в числе своих подданных, Россия знакома с мусульманским характером и натурой»<sup>18</sup>.

Вглядываясь во внутреннюю жизнь Европы, он обратил внимание на быстрый рост сторонников радикального переустройства общественной жизни, которых, как и многие современники, обобщенно называл «коммунистами». Их радикальная позиция, которая проявилась во время событий революции 1848 г., вызывала у него чувство тревоги. Он понимал, что они несут угрозу той Европе, с которой он был связан и своим социальным положением, и мировоззрением, и образом жизни<sup>19</sup>.

Идеалом и кумиром П. А. Вяземского оставался Н. М. Карамзин. В 1876 г. он писал: «Карамзин в языке и литературе нашей был новатор..., в историческом и государственном отношении был он консерватор, но из тех, которые глядят вперед, а не из тех, у которых глаза на затылке. Он не думал, что Россия дело уже законченное. В будущем ее ожидал он новые, духовные силы на пути преспеяния и просветительных и гражданских усовершенствований.

<sup>17</sup> Там же. С. 277.

<sup>18</sup> Там же. С. 283.

<sup>19</sup> См.: *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский о распространении коммунистических идей в России // Новое литературное обозрение. 1992. № 1.

Но он опасался, но он не хотел, чтобы будущее было насильственно и преждевременно перетянута на берег настоящего»<sup>20</sup>.

Пытаясь определить свое место в общественной жизни России, Вяземский за два года до смерти писал: «Карамзин был совершенно вправе написать обо мне, что я пылал свободомыслием, то есть либерализмом в значении Карамзина. Не отрекаюсь от него и даже не раскаиваюсь в этом. Но либерализм либерализму рознь. Я и некоторые сверстники мои, в то время мы были либералами той политической школы, которая возникла во Франции с падением Наполеона и водворением конституционного правления при возвращении Бурбонов... Но из этого не следует, что мы, либералы того времени, были и ныне послушниками либерализма, который проповедуется разными Гамбетта, Флока, Рошфор и им подобными... Нечаев тоже слывет либералом и почитал себя либералом»<sup>21</sup>.

---

<sup>20</sup> *Вяземский П. А.* [Записные книжки] // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. X. С. 288.

<sup>21</sup> *Вяземский П. А.* Кое-что о себе и о других, о нынешнем и вчерашнем // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. X. С. 291–292. Речь идет о французских левых республиканцах Л. Гамбетте (1838 – 1882), Ш.-Т. Флока (1828 – 1896) и В. А. Рошфоре (1831 – 1913), активно выступавших против монархии и клерикалов, а также о русском революционере С. Г. Нечаеве (1847 – 1882).



**Ф.-Л. Кроль**

*профессор, доктор*

## **КОНСЕРВАТИВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК ОСОБОЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В НЕМЕЦКОЙ МЫСЛИ XIX века**

Понятие «консервативный социализм» на первый взгляд кажется парадоксальным, даже нелепым, поскольку оно соединяет две исходные величины, которые, по давно устоявшейся традиции, никак не соотносятся друг с другом, по крайней мере, в политической мысли Германии<sup>1</sup>. Как известно, в самом начале XIX в. в Германии сформировались пять крупных, конкурирующих друг с другом идеологических течений, ставших впоследствии основой для политических направлений, а потом – для образования политических партий: консерватизм, либерализм, политический католицизм, демократический радикализм и социализм. При этом консерватизм и социализм образовали два противоположных крыла, их сторонники постоянно боролись друг с другом. Поэтому, как могло показаться, у них не было никаких оснований для сближения позиций и взаимопонимания как в теории, так и на практике. И сегодня в Германии ситуация такова, что консерваторы, которые представлены в парламенте фракциями ХДС и ХСС, и социалисты, являющиеся преемниками бывшей партии власти в Восточной Германии, т.е. так называемые «левые», находятся в непримиримом антагонизме по отношению друг к другу. Коалиции между этими силами, по крайней мере в настоящее время, совершенно невозможны.

И все же немецкий «консервативный социализм» существовал. Его исповедовали отдельные люди и целые группы, думая как правые, а действуя как левые. Другими словами, это были «левые с правой стороны» или, вернее, социально ангажированные, отторгнутые своими консерваторы. Тут важно помнить, что для немец-

---

<sup>1</sup> Частично предложенные здесь рассуждения в скором времени появятся в статье: *Kroll F.-L. Die Idee eines sozialen Königtums im 19. Jahrhundert // Kroll F.-L., Urbach K., Weiß D. J. Inszenierung als Legitimation. Die Monarchie im 19. und 20. Jahrhundert: ein deutsch-englischer Vergleich* (в печати).

ких консерваторов, по крайней мере для ранних, в центре внимания всегда был социальный вопрос, забота о благе малоимущих, нуждающихся и угнетенных. Как правило, это были консервативные представители немецкого романтизма, такие как А. Мюллер и Ф. фон Баадер, которые за четверть века до появления К. Маркса, в 1820 – 1830-е гг. в своих статьях остро обсуждали проблемы обнищания целых народных слоев (это называется одним словом *науперизм*). Таким образом, в Германии впервые прозвучала критика консерватизмом капитализма. Денежное хозяйство и свободное предпринимательство, по словам авторов, разрушили все межличностные традиционные связи и отношения. Общественный строй превратился в поле битвы постоянно конкурирующих друг с другом индивидов. Свобода и равенство – эти магические слова той эпохи шли на пользу лишь богатым, а для неимущих низших слоев населения свобода и равенство не означали ничего другого, как лишение всякого рода защиты, которую они могли бы получить в процессе организации сословного сообщества.

Но в любом случае романтический антикапитализм, т.е. социальная идея немецких консерваторов, не имел по большому счету будущего, поскольку хотя и предусматривал резкую критику индустриальной системы со всеми ее негативными последствиями, но не предлагал реальных мер, как выбраться из этого положения. Лишь в вышедшем в 1835 г. труде Ф. фон Баадера «О неимущих или пролетариях» содержались неясные указания на необходимость правового и политического равенства принадлежащих к четвертому сословию в качестве предпосылки для их интеграции в общество.

Сторонники социальной идеи, которых было особенно много в Пруссии, «законсервировались» в рамках абсолютно неплодотворной в политическом отношении патриархальной социально-романтической утопии. Они остановились на идее решить социальный вопрос переносом сложившихся в аграрном секторе отношений между помещиками и крестьянами на отношения между промышленниками и рабочими предприятий.

Это означало, что фабрикант должен был, руководствуясь принципом «возлюби ближнего», посвятить себя заботе о материальном благе своих подчиненных. Но никакой свободы для рабочего клас-

са сторонники социально-романтической идеи не предлагали. Это было характерно и для такого мыслителя, как Э.-Л. фон Герлах, основателя и многолетнего председателя консервативной партии Пруссии, который в августе 1818 г. в разговоре со своими братьями по сословию так пытался воззвать к их совести: «Собственность только тогда свята, когда она связана с ответственностью за свои обязанности. Собственность, которая становится средством получения лишь удовольствия, не свята, а грязна. Поэтому верно, что коммунизм выступает против собственности без обязательств. Собственность свята лишь в руках тех, кто ею владеет не для себя, а кто ее считает возложенной на них социальной обязанностью». Таким образом, Л. фон Герлах выразил консервативную точку зрения о том, что частная собственность не предназначена исключительно для удовлетворения личных нужд. Это общественное достояние. Использование ее предполагает и ответственность владельцев этой собственности по отношению к тем, кто этой собственности не имеет.

Среди прусских консерваторов 1840 – 1860-х гг. было много социально ангажированных аристократов, выделявшихся своей благотворительностью и милосердием, которые посредством смягчения социальной нужды пытались способствовать духовному развитию и религиозному воспитанию низших слоев населения. Служение бедным, уход за больными, забота о заключенных, открытие пунктов занятости для безработных, основание обществ трезвости для борьбы с алкоголизмом – всем этим занимались прусские аристократы. Особенно выделялись члены «Внутренней миссии» и ее лидеры Х. Вихерн и Т. Флиднер. Но и померанские аристократы тоже не отставали, особенно группа, сплотившаяся вокруг М. фон Блакенбурга, современника и хорошего друга О. фон Бисмарка. Все названные персоны относились к «Движению пробуждения». Для них заповедь Христа о необходимости возлюбить ближнего стала стимулом и путеводной нитью по жизни. Сюда же можно отнести и силезского барона Г.-Э. фон Коттвитца, который почти все свое состояние потратил на улучшение социального положения своих рабочих-гкачей и затем потерял его.

Все указанные политики-консерваторы и просто общественные деятели, несомненно, были носителями мировоззрения социально

ориентированного консерватизма. Но они еще не были собственно консервативными социалистами, это только их предшественники, поскольку их идеи и активная позиция относились исключительно к частной сфере индивидуальной благотворительности. Они пытались бороться с симптомами социальных болезней, но не искали настоящей их причины. Они были еще очень далеки от предложения радикальных реформ для существующего общественного порядка.

Но и тогда, после 1850 г., в так называемые «годы реакции», в Пруссии нашлись консерваторы, которые думали над необходимостью проведения фундаментальных реформ. Они создавали смелые теории, искали решение социального вопроса и тем самым хотели повести рабочий класс по пути эволюции, минуя глобальные потрясения в обществе, чтобы интегрировать его в монархическое государство.

В связи с этим следует назвать три имени государственных деятелей и политиков, с которыми непосредственно связана программа консервативного социализма. В основе мировидения всех троих была мысль о том, что *государство* само должно справляться с социальными проблемами посредством применения мер социального обеспечения, что правительство обязано взять на себя защиту и поддержку нуждающихся слоев населения. Одним словом, *монархия*, вернее *прусское королевство*, должно стать защитником непривилегированных слоев населения и тем самым превратиться в движущую силу социально-политического прогресса.

Концепцию «социального королевства» впервые предложил в 1830 г. социолог и политэконом Л. фон Штейн. Отправной точкой его учения о «королевстве социальных реформ» стало убеждение в том, что монархию можно считать надпартийным представителем *всех* слоев населения, а потому именно она должна заботиться о разрешении социальных противоречий. Но, очевидно, это возможно только в том случае, если четвертое сословие будет интегрировано в быстро меняющееся индустриальное общество. Поэтому королевская власть должна заключить союз с рабочим классом против притязаний буржуазии на господство, принять ряд социально-политических мер для защиты угнетенного пролетариата и возглавить, таким образом, общественный прогресс.

Л. фон Штейн не был политиком, он был человеком из академической среды, университетским профессором. Этим он и отличался от двух других выдающихся представителей консервативного социализма и поборников идеи «социального королевства» в Пруссии: публициста и политика Й.-М. фон Радовица, близкого друга короля Ф. Вильгельма IV, а в 1840 г. министра иностранных дел Пруссии, и Г. Вагнера, главного редактора газеты «Кройццайтунг», партийного органа консерваторов, позднее – депутата парламента и советника О. фон Бисмарка. В 1846 г. Й.-М. фон Радовиц опубликовал свой труд «Современные беседы о государстве и церкви», выдержанный в духе идей Л. фон Штейна: «Князьям следовало бы иметь больше мужества и обратиться к народным массам. Ведь именно среди многочисленных низших слоев населения у них есть естественные союзники, неиспользованные резервы. Среди них найдутся те, кто способен к обучению, выражению благодарности и почтения».

В этих словах заключается важная мысль концепции «социального королевства», хотя, может быть, и не совсем так, как у Л. фон Штейна: монархия должна вернуть себе утраченные ею симпатии у низших слоев населения. Поэтому союз рабочих и монархии не должен был решать социальные проблемы путем непосредственного вмешательства государства. Этот союз должен был открыть монархии новые источники власти и защитить ее будущее в условиях нарастающего революционного движения.

Те же идеи Й.-М. фон Радовица и Л. фон Штейна о ведущей социально-политической функции прусского королевства можно обнаружить и у Г. Вагнера. Однако в его концепции подобные идеи имели уже более четкие очертания. Г. Вагнер представил в издаваемом им социально-консервативном журнале «Берлинер ревью» наиболее четкую концепцию консервативного социализма в Пруссии. Он предложил интервенционистскую экономическую модель с национализированными фабриками и участием рабочих в распределении прибыли, с образованием рабочих профсоюзов и социальными гарантиями минимальной зарплаты, с прогрессивным налогообложением, социальной поддержкой государства и комплексом мер по накоплению капитала в пользу четвертого сословия. *Консервативным* в этой программе было

лишь то, что эти меры должны были исходить от королевской власти и предприниматься по инициативе *монарха*. Ведь ему в обязанности вменялось стать «защитником слабых, нищих, отцом народа».

Безусловно, концепция Г. Вагнера в какой-то степени перекликается с политикой 1880-х гг., т.е. социальным законодательством О. фон Бисмарка, в котором реализовалась теория Вагнера. *Социальная политика* – это систематическая и планомерная забота о населении *государства*, по крайней мере, помощь старикам, больным и безработным. Социальная политика в то время ни в коем случае не была достижением социализма и уж никак не результатом проведения либеральной политики. Социальная политика была в большей степени особой целью и задачей консерваторов. В этом смысле и только *в этом* О. фон Бисмарка можно считать консервативным социалистом. Хотя и он, задолго до 1883 г., когда по его инициативе по всей стране начали создаваться пункты социального страхования, боролся с идеей «социального королевства».

Не в последнюю очередь об этом свидетельствуют его примечательные, часто цитируемые слова, которые он высказал своим либеральным противникам в Прусском парламенте. Последние критиковали короля Пруссии Вильгельма I за то, что он вступился за голодающих силезских ткачей в терпящих бедствие районах. По мнению либералов, это можно было расценить как вмешательство государства в экономику страны. Итак, Бисмарк сказал: «Короли Пруссии обычно не были кайзерами империи. Но еще Фридрих Великий взял на себя попечение о бедных. Этим принципом руководствовались в дальнейшем и другие наши короли. У их трона находили прибежище и участие те, кто из-за писаных законов, находящихся в противоречии с естественными человеческими правами, попадал в затруднительное положение. Именно наши короли первыми стали отменять крепостное право, они способствовали процветанию своих подданных. Возможно, им также удастся улучшить положение рабочих».

Таким образом, консерватизм и социализм в Германии с 1830 по 1870 г. каким-то странным образом приблизились друг к другу. И во время встречи этих двух разных направлений начало даже казаться, что не исключено дальнейшее взаимодействие их поли-

тических течений, поскольку они были едины в поставленном ими диагнозе социальной несправедливости, а также в желании решить эту проблему. К тому же оба направления были непримиримы по отношению к либерализму, проявлявшему абсолютное безразличие к социальным проблемам того времени. Возникает вопрос, говорили ли консерваторы и социалисты, на самом деле, на одном языке.

Некоторые социалисты ответили на этот вопрос утвердительно и даже искали возможность вступить в контакт с социально ангажированными консерваторами. Одним из них, самым известным, был Ф. Лассаль, основатель движения немецких рабочих. Ф. Лассаль очень симпатизировал идее «социального королевства» в начале 1860-х гг., т.е. во времена О. фон Бисмарка. Он выступал за связь монархии прусского государства и социалистического рабочего движения и пытался вступить в контакт с прусским премьер-министром, коим и был О. фон Бисмарк. «Ничто не сможет сыграть такую благодатную роль, как королевство, если оно только решится стать социальным королевством», – так писал Лассаль в 1864 г. В. Хуберу, главному идеологу и представителю христианско-консервативных рабочих товариществ. При этом он добавлял: «Но где же взять такое королевство, которое бы имело мужество и было достаточно прозорливым, чтобы стать социальным королевством?» Ф. Лассаль был вызван на дуэль спустя несколько недель после того, как высказал эти слова. И поэтому теперь никто не может сказать, каким мог бы быть союз монархии и рабочего движения, если бы Лассаль не был убит на этой дуэли.

Но в любом случае после печального конца Ф. Лассаля дела с реализацией планов и надежд «консервативного социализма» обстояли неважно. В те времена королей, готовых открыто играть роль «социального монарха», не было. Только Вильгельм II в начале своего правления пытался путем законодательного изменения рамочных условий приблизиться к этому идеалу.

Итак, можно назвать две главные причины малой пробивной способности идей «консервативного социализма» в Германии XIX в.

Первая причина заключается в особенностях развития консерватизма в Германии, особенно в Пруссии. Вплоть до 1880-х гг. сре-

ди сторонников этого политического движения выделялось сильное крыло немецкой консервативной партии, которое продвигало социальную политику Бисмарка в массы и потому старалось поддерживать контакты с рабочими, «четвертым сословием», не отдавать их на откуп социал-демократам. Это социально-консервативное крыло все же потеряло свое влияние в партии, опубликовав в 1892 г. новую программу, которая ориентировала партию лишь на представительство интересов аграрного сектора. Таким образом, окончательно исчезла совесть немецких консерваторов, консервативный социализм теперь не входил в программу партийных действий.

Но, с другой стороны, социалисты все реже выражали готовность к взаимопониманию. Это происходило потому, что политическое представительство рабочего класса в Германии было иным, нежели в Англии или Франции. С 1870-х гг. стала доминировать марксистская идеология, которая в чем-то вытеснила концепцию консервативного социализма и маргинализовала ее: частично данная теория была признана утопичной, а где-то даже явно подавляла, войдя в противоречие с этой идеологией. Вообще марксистски ориентированному мировоззрению все социально-политические направления, спущенные «сверху» или подкрепленные монархическим законодательством, казались в высшей степени подозрительными. Они трактовались как обычная попытка нечистых на руку фокусников заставить сузить *политические* размеры социального вопроса, могущая подорвать освободительные устремления рабочего движения и уничтожить его желание каким-то образом участвовать в политике.

Концепция консервативного социализма получила новую жизнь в XX в. Это произошло на фоне идеологического течения, для которого устоялось название «консервативная революция», предложенное О. Шпенглером в 1919 г. в его программном сочинении «Пруссачество и социализм». Возрождению обсуждаемой концепции способствовала также деятельность сотрудников ежемесячного журнала «Ди тат» («Die Tat»), в котором живо и с интересом обсуждались «русские проблемы».



**В. А. Сендеров**

*член редакционной коллегии журнала «Посев»*

## **О ГЕРМАНСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

Тогда еще не воевали с Германией...

*Арсений Тарковский*

Важно не только то, что совершается явно и бесспорно. Важно также, и в меньшей степени, что таится в мыслях и мечтах, в надеждах и опасениях людей и народов. Действительно содеянное можно устранить; несвершенное же может вновь ожить, когда придет его неведомый час.

*Вернер Бергенгрюн*

Что всплывет в голове любителя русской истории, среднего ее знатока, если пойдет речь о девяностых годах XIX века? Убийство царя-реформатора, следствие его – крутое изменение внутривнутриполитического курса – десятилетием ранее. Десятилетие же спустя – революционный подъем, «репетиция 1917-го», потрясшая страну. А сами 1890-е... Победоносцевское правление, общественный застой – скажут одни. Нет – возразят другие. Успехи промышленности, укрепление рубля. Расцвет университетской науки. Спокойствие, мир... Обе оценки, в общем-то, сходятся – в своей *бессобытийности*. Различна лишь эмоциональная окраска.

Но именно в эти годы произошли события, определившие ход европейской истории надолго вперед. Неверно, что XX век начался выстрелом в Сараево. Пистолет Гаврилы Принципа был заряжен уже в 1890 году. Историческим решением Вильгельма II: не продлевать «Договор о перестраховке» с Россией. Уже через год это привело к переориентации русской внешней политики, результатом которой стало вступление Российской империи в Антанту.

Об этих событиях много писали. И метафизический смысл происшедшего – разрыв глубокого *внутреннего* российско-немецкого единства – от внимания исследователей тоже, разумеется, не ускользнул. Но время шло. Далекой архаикой, чем-то из ис-

тории Карфагена, Крита смотрелся уже в двадцатые-тридцатые, после Великой войны былой союз великих консервативных стран. А Вторая мировая и подобным воспоминаниям положила конец. Русофильство немецкой аристократии оставалось неискоренимым (да его и не искореняли: не будучи последовательно тоталитарным, нацизм довольствовался идеологической обработкой общественных низов). Но попробуйте представить, что было бы с высказавшим пронемецкие симпатии в СССР...

Завершился XX век. Завершился (продолжим начатую сказку) – падением коммунизма, в конце восьмидесятых годов. Новый век – не просто новый, на дворе уже новая эра... Немецкая культура отнюдь не забыта у нас. От Гёльдерлина, от Новалиса – до «русского» Рильке, «русского» Ницше... Но нюансы политических разрывов и связей, давности уже более чем вековой – вряд ли мы ошибемся, сказав, что они интересуют сегодня только специалистов.

Между тем речь идет об актуальнейшем современном вопросе. О европейской ориентации России: *какой конкретно* ей надлежит быть? Важнейшие сегодняшние проблемы *текстуально* совпадают с теми, решение которых было столь успешно блокировано 120 лет назад.

Блокирование было взаимным: инициативу кайзера русский царь с готовностью подхватил. Помимо германофобии «подписантов», никакой серьезной основы союз России с Францией не имел. Консервативнейший царь, встающий навтыяжку при звуках Марсельезы, сделался символом абсурдного единения. Но единение было все-таки вопросом вторичным. Неужели у коренного события – у русско-немецкого разрыва – не было достаточно серьезных причин?

Были. Какие-то таможенные, кредитные противоречия... Действующие политики живут, как правило, сегодняшним днем: гений, не путающий надвременную стратегию с сиюминутной тактикой, рождается нечасто. В России человеком, понимавшим необходимость – несмотря ни на что – бастиона русско-немецкой государственности и культуры, был Федор Тютчев<sup>1</sup>, поэт, дипломат, политический писатель, к моменту разрыва уже умерший. ...

---

<sup>1</sup> См.: *Тютчев Ф. И.* Россия и Германия // Полн. собр. соч. и писем : в 6 т. М., 2003. Т. 3 ; *Его же.* Россия и революция // Там же.

Лишь при очень благоприятных условиях такие люди влияют на политику реально. На немецкой стороне, правда, мы видим более убедительный, более политически авторитетный пример. «Союз с Россией – наше последнее убежище» – эти слова Фридриха Вильгельма IV не раз повторял Бисмарк<sup>2</sup>. Но роковой разрыв, казалось, был предопределен где-то в недрах истории. Лишь только всё подминавший под себя железный канцлер отошел от дел – кайзер тотчас стал демонстрировать политику самостоятельную...

Впрочем, была у состоявшегося разрыва и одна глобальная, стратегическая причина: Россия и немецкие страны боялись растущей военной мощи друг друга. Так что новое соотношение сил в Европе было, так сказать, рабочей заготовкой. На случай легко предсказуемой большой войны.

Итогом этого соотношения стали войны и революции XX века. Историческая Германия и историческая Россия оказались стерты с лица земли.

Такого итога не мог, конечно, предвидеть даже сам Бисмарк. Но консерваторы – сторонники союза – понимали главное. Стратегические проблемы не решаются случайной тасовкой политических карт. Англия, Франция, Россия... Трудно указать что-нибудь роднящее хоть какие-либо две из этих трех стран. А союзы «против» прочными не бывают. Как не поживиться при возможности за счет случайного, сущностно не связанного с тобой «друга»? И вот в 1919-м Антанта успешно торгует оружием с большевиками. Белым при этом обеспечены добротные английские шинели. Немецкие же офицеры, юридически находящиеся с Добрармией в состоянии войны, снабжают ее оружием... Через посредство не скрывающего своей прогерманской ориентации генерала Краснова.

Но не будем отвлекаться от темы: как уже анонсировано выше, она нацелена на сегодняшний день. Сегодня же, слава Богу, вопрос о европейской войне не стоит. Стоит лишь вопрос, внутренний для каждой страны, который назовем *проблемой европеизации Европы*, а в контексте нашей статьи – европеизации России. Что потеряла наша страна с утратой своей «немецкой ориентации»? Потеряла именно в качестве потенциально европейской страны?

---

<sup>2</sup> См.: *Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 37.

Нет необходимости доказывать огромное влияние Германии и немцев на русскую жизнь. Упомянем все же о наиболее важных для нашего изложения аспектах. Культура – в византийских изводах – существовала в России и до петровской европеизации. Современной же науки в ней не было и быть не могло. Возникла она в середине XVIII века, с основанием первого в стране университета. Весь преподавательский состав был немецким, университетская газета издавалась на немецком языке. Это даже не вызывало возражений, было очевидно: иначе не может и быть. Но возражения все же возникли примерно десятилетие спустя. Немцам за это время удалось создать русскую историческую науку, вырастить способных уже на критику русских учеников. И вот разгорелись споры: немцы тенденциозны! Они умаляют в русской истории русский элемент! Что ж, споры не первые, не последние. Но в рамках наших рассмотрений неважно, кто и насколько прав. Почву для продуктивных научных споров, при всех условиях, принесли, разрыхлили, сделали «исконно русским достоянием» именно немцы. Все последнее касается, разумеется, и «бесконфликтных», естественных наук.

Посмотрим на развитие русской философской мысли. Абстрактное «любомудрие» не пустило глубоких корней в византийской стране. Но в той мере, в которой оно там все же возникло, происхождение его оказалось исключительно немецким. Об источниках созданной уже в XIX веке концепции государственной историко-юридической школы долго рассуждать не приходится. Гегель, Гегель и ... Гегель<sup>3</sup>. Славянофилы же – перейдем теперь к ним – не мыслили себя, прежде всего, без влияния Шеллинга. Без немецкого мыслителя – «существа, которые рождаются не веками, но тысячами» (оценка Киреевского)<sup>4</sup>, – не было бы национальной философии на Руси!

Список этот нетрудно продолжить. Но перейдем к участию немцев в государственной жизни России. Немцы на всех постах... сверху донизу... Наблюдение не новое; приведем в его подтверждение несколько цифр.

---

<sup>3</sup> См., например: *Медушевский А. Н.* Гегель и государственная школа русской историографии // Россия и Германия. Опыт философского диалога. М., 1993.

<sup>4</sup> Цит. по: *Мюллер Э. И. В.* Киреевский и немецкая философия // Там же.

«Даже в 80-е годы, в период наибольших успехов панславистской пропаганды, около 40 % постов в высшем армейском командовании занимали русские немецкого происхождения. В некоторых министерствах их доля была еще выше: в Министерстве иностранных дел – 57 %, в военном министерстве – 46 %, в Министерстве почт и телеграфа – 62 %. В целом треть всех высших государственных чиновников, армейских и морских офицеров и членов Сената были лицами немецкого происхождения, в то время как немцы составляли не более 1 % населения России»<sup>5</sup>.

Явилась германофобия. Пришла она *слева*, что и не удивительно. Это логично, это правильно: как в «кнута-немецкой империи» ненависть к имперскому от ненависти к немецкому отделить? И вот в 1859-м начинается травля в демократическом «Колоколе»: иноплеменники наглы, жестоки, злы, не способны понять Россию и русских... Антитезой имперско-немецкого развития выступает у Герцена, как позднее у крайне правых, «природный» русский мужик...

Подобные взгляды в России, от Петра до Николая I, рассматривались как антигосударственные – независимо от их революционной или верноподданнической оболочки. И когда чиновник-славянофил Самарин затеял русификацию балтийских губерний – он был немедленно выгнан с поста и угодил ненадолго в крепость: нападки на космополитическое устройство «немецкой» империи трактовались правительством как революционный призыв<sup>6</sup>.

Миф о русском государственном шовинизме развенчивают простые факты. В администрации и армии, на любых постах, иностранцы до середины XIX века служили без присяги о лояльности: с точки зрения правительства, лояльность гарантировалась самим фактом службы. В то же время теории иноверческих и иностранных заговоров все шире распространялись в левых и правых общественных кругах.

Царствование Александра III изменило государственную парадигму России. Изменило коренным образом. Не случайно публи-

<sup>5</sup> Лакер У. Указ. соч. С. 69.

<sup>6</sup> См., например: Мейер Г. Поруганное чудо // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 101. По этому вопросу см. также: Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 13–14.

цисты, размышлявшие в прошлом веке над катастрофой 1917-го, писали о *славянофильской революции*<sup>7</sup>. Она, по их мнению, предопределила окончательный крах.

Влияние Европы на Россию – в позитивной, творческой его части – практически совпадало с влиянием немецким. И с утратой последнего европейскому развитию страны был положен конец.

Великая русско-германская империя превратилась в фантом. На ее территории возник идеологический призрак – «Русское Царство». Но псевдоморфозы долго не живут. История примитивна: либо – либо. Отрезав себе выход в Европу, Россия погрузилась в азиатчину, легкой мишурой на которой были игры в псевдовизантию и в псевдомарксизм.

Каковы сегодня наши пути из нее? Не хочется даже говорить о современном варианте англо-американской европеизации. Почти все население России с отвращением отвергло его. Факт, возможно, грустный, но неопровержимый.

Однако есть и другой путь. О нем хочется сказать слова надежды, оптимистические слова, которые, на наш взгляд, удалось найти немецкому исследователю Гюнтеру Рормозеру: «Россия должна соединить экономический либерализм с духовно-культурным консерватизмом. Альтернативой этому был бы фашизм. Не только Россия нуждается в Европе, но и Европа нуждается в России. Обновленная Россия должна принести в будущее Европы самое себя и богатство своей истории, и высокую одаренность, и интеллектуальный потенциал своего народа.

Путь к этому лежит через Германию»<sup>8</sup>.

---

<sup>7</sup> См., в частности: *Мейер Г.* Указ. соч.

<sup>8</sup> *Рормозер Г.* К вопросу о будущем России // *Россия и Германия. Опыт философского диалога.* М., 1993.

**С. В. Хатунцев**

*кандидат исторических наук, доцент*

## **К. Н. ЛЕОНТЬЕВ О ГЕРМАНИИ**

Константин Николаевич Леонтьев был одним из крупнейших консервативных мыслителей России второй половины XIX в. Значительное место в своих внешнеполитических взглядах он уделял Германии.

Его воззрения на Германию отразились в ряде статей и писем, относящихся к 1870 – 1891 гг.

Еще в работе «Грамотность и народность» 1870 г. Леонтьев дал оценку состояния ведущих наций и стран Европы, в том числе немцев. С точки зрения мыслителя, они находились «у вершины», которую занимала Англия, тогда как французы уже спускались с нее вниз<sup>1</sup>.

Во время франко-прусской войны он держал несколько закладов в пользу Пруссии, поскольку уже тогда верил в успех национально-освободительных и национально-объединительных движений в Европе.

Разгром Франции в войне с пруссаками Леонтьев находил для России «в высшей степени выгодным», поскольку та являлась серьезнейшим препятствием для ведения нашей страной политики на Балканах.

Кроме того, «полезным примером», с его точки зрения, являлось то, что республика была жестоко побеждена монархией, государство более демократическое – державой, в меньшей степени подвергшейся социальному уравниванию. Немцы, писал мыслитель, – «молодцы», что «проучили надолго... *передовую* нацию Запада»<sup>2</sup>.

Но важнее всего было то, что, как полагал Леонтьев, *временное* преобладание Германии отвечает интересам России. Войну между ними он тогда считал маловероятной, поскольку «жестоко оскорб-

---

<sup>1</sup> См.: См.: *Леонтьев К. Н. Грамотность и народность // Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М., 1992. С. 360.*

<sup>2</sup> *Леонтьев К. Н. Собр. соч. СПб., 1913. Т. IX. С. 387.*

© Хатунцев С. В., 2012

ленная Франция» постоянно угрожает Германии на Западе, а воевать одновременно и с Францией, и с Россией для нее – подлинное безумие<sup>3</sup>.

Возвышение Германии, по словам мыслителя, сломало раз и навсегда прежний четырехсотлетний внутриевропейский баланс; с объединением ее (а также Италии) возникли «две новые великие державы», тогда как прежние две «главные вершительницы судеб континентального Запада – Австрия и Франция – унижены и ослаблены...»<sup>4</sup>.

Новое положение казалось Леонтьеву более предпочтительным потому, что при существовании в Европе двух почти равносильных и постоянно соперничающих друг с другом наций – Франции и объединенной Германии – России, на его взгляд, будет гораздо легче, чем прежде, «окончить Восточный вопрос, то есть перенести... центр тяжести нашей религиозно-культурной жизни с *европейского Севера на полуазиатский Юг*» – а именно религиозно-культурное обособление России от Запада представлялось мыслителю важнейшей целью русской политики; оно, по его мнению, должно было послужить культурному возрождению нашей страны<sup>5</sup>.

В 1870 г. мыслитель «приравнял» Пруссию к Спарте, – по-видимому, из-за того, что в прочность государственного порядка в единой Германии он не верил, считая, что силу ее обеспечивали только почти самодержавная власть кайзера и то, что политическими делами новоиспеченной империи распоряжался «юнкертум» – земельно-родовая аристократия. Однако в условиях всеобщего обучения народа грамоте и всеобщей военной обязанности достаточно, чтобы власть перешла из «военных рук пруссаков в руки конституционной и либеральной партии» – и станет ясно, что «Германия еще слабее, пожалуй, и хуже Франции», писал он. Кроме того, отмечал Леонтьев, атеизм во «Втором рейхе» при вышеуказанной «общей грамотности... легко лет в 10 сообщить и всему

---

<sup>3</sup> См.: *Леонтьев К. Н. Записки отшельника* // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство : философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). М., 1996. С. 451 (далее – Восток, Россия и Славянство).

<sup>4</sup> *Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции* // Восток, Россия и Славянство. С. 524.

<sup>5</sup> См.: *Леонтьев К. Н. Записки отшельника* // Восток, Россия и Славянство. С. 445.



народу», а религиозная вера была для мыслителя одним из важнейших факторов силы и устойчивости всякого государства<sup>6</sup>.

С точки зрения Леонтьева начала 70-х гг. XIX столетия, «Второму рейху», если не принимать во внимание его антагонизм с Францией, для преобладания было бы выгоднее, во-первых, ослабить Россию на Балтике и на Дунае, во-вторых, завладеть частью западных окраин России и Цислейтанией, в-третьих, создать себе на юге союзника, достаточно сильного, чтобы тот годился ему против России, и достаточно слабого, чтобы он повиновался германскому руководству.

Это предполагало победу Германии в союзе с Австрией над Россией, передачу первой немецких провинций своей союзницы вместе с Богемией, перенос Габсбургами своей столицы из Вены в (Буда)Пешт и вознаграждение Габсбургов Румынией и Добруджей, а также Боснией и Герцеговиной и, возможно, Варшавой. При этом «центр тяжести» сербских земель был бы перенесен из Белграда в какую-нибудь сербско-католическую местность, подвластную Габсбургам.

Болгария вместе с другими югославянами тоже так или иначе попала бы под контроль этой династии, поддерживаемой мощью Германии.

Данные меры обеспечили бы «Второму рейху» «на долгие времена страшный перевес» над Европой и прилегающей к ней частью Азии, писал Леонтьев<sup>7</sup>.

Однако он полагал, что антироссийский союз Германии с Австрией не мог быть прочным, что «после двух-трех наших побед над австрийцами» Германия покинула бы свою союзницу, чтобы всеми своими силами обрушиться на Францию в том случае, если бы та предприняла какие-то недружественные шаги.

Леонтьев считал, что соглашение с Россией по «австро-турецким» делам выгоднее для «Второго рейха» войны с ней потому, что первое обернется для Германии огромными приобретениями «безо всякого риска и потерь», а второе означает «ужасный риск»

---

<sup>6</sup> См.: Леонтьев К. Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России // Восток, Россия и Славянство. С. 14.

<sup>7</sup> См.: Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // Восток, Россия и Славянство. С. 52–53.

и сомнительные выгоды. Еще в январе 1883 г. Леонтьев выражал убежденность, что соглашение России с Германией по «австро-турецким делам» все-таки состоится<sup>8</sup>. Оно было бы выгодно и для России, и для всего «славяно-восточного мира»<sup>9</sup>. Против союза Германии и России была бы бессильна сама Англия<sup>10</sup>.

Германия, по его словам, к концу XIX столетия являлась единственной страной Запада, имеющей «вид серьезной монархии». Но монархизм в Германии, полагал Леонтьев, держится лишь воинской славой и политической мощью объединенного государства, которые для немцев одинаково непривычны; монархия в этой стране «бесосновна», не имеет религиозной базы<sup>11</sup> и сильна лишь до поры до времени; ее падение – дело довольно близкого будущего. Неудачи во внешней политике и успехи внутренних врагов монархической власти, особенно при «порывистом» характере Вильгельма II, легко могут привести Германию к республике или к наилиберальнейшей форме конституции, а затем – к той же республике, писал он<sup>12</sup>. Новый кайзер, по оценке мыслителя, хотел мчаться «на всех парах» к малореальным целям, и «пошатнись только он, потерпи... одно серьезное поражение на поле какой-нибудь битвы, – что останется тогда в разъеденной либерализмом Германии от монархии Гогенцоллернов, кроме исторической памяти?»<sup>13</sup>. Без тормоза, каковым до своей отставки являлся Бисмарк, Вильгельм II «наделает ошибок...», «того и гляди, доведет до войны...», – полагал Леонтьев<sup>14</sup>.

Германия, как бы подытоживал он свои размышления на данную тему, идет туда же, куда и остальные европейские страны, – к демократии и потом, «несомненно, как и все, к республике». В мае

---

<sup>8</sup> См.: Русское обозрение. 1896. Т. 38. № 3. С. 400.

<sup>9</sup> Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Восток, Россия и Славянство. С. 371.

<sup>10</sup> См.: Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток, Россия и Славянство. С. 428.

<sup>11</sup> См.: Леонтьев К. Н. Культурный идеал и племенная политика // Восток, Россия и Славянство. С. 621–622.

<sup>12</sup> См.: Леонтьев К. Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьёву // Восток, Россия и Славянство. С. 647–648.

<sup>13</sup> Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Восток, Россия и Славянство. С. 679.

<sup>14</sup> См.: Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 416.

1888 г. Леонтьев высказал мысль, что лет через «10–15–20... пошлейшая буржуазная республика» будет во всей Европе, в том числе – и в Германии<sup>15</sup>.

Не только внутренний строй, но и внешнее величие «Второго рейха» непрочно, считал он. Географическое положение империи кайзера – между славянством и романским миром – очень невыгодно, таково, что «один неловкий шаг во внешней политике может поставить Германию в нестерпимые тиски», отмечал мыслитель еще в 1872 г. Это положение удобно в случае поочередных побед на Западе и на Востоке, в случае же поражения с двух сторон оно грозит катастрофой<sup>16</sup>.

Германия, по утверждению Леонтьева, могла быть очень опасна и сильна на одну-две, может быть, на три войны, но «и только»<sup>17</sup>.

Мыслитель считал неизбежным второе военное столкновение Германии с Францией, и последняя, по его мнению, при этом опять будет побеждена. Германия может составить против нее союз из Италии, Испании и Бельгии, обещая им в награду соседние провинции Франции и другие выгоды и придав им «для смелости порядочный контингент своего войска»<sup>18</sup>.

14 марта 1887 г. Леонтьев признался, что очень желает войны Франции с Германией, а России – с Австрией и ее союзниками, полагая, что наш успех несомненен и желательна победа монархии над республикой, т.е. Германии над Францией, но «такой дорогой ценой, чтобы победитель сам был бы чуть жив», дабы потом не мешать России на Востоке<sup>19</sup>.

Таким образом, он ждал новой франко-германской войны, что бы Россия взяла Царьград и решила для себя Восточный вопрос.

Но Леонтьев отдавал себе отчет в том, что Германия, даже полагая против Франции «экспедиционный корпус», может «набро-

<sup>15</sup> См.: Там же. С. 365.

<sup>16</sup> См.: *Леонтьев К. Н.* Записка об Афонской горе... // Восток, Россия и Славянство. С. 14.

<sup>17</sup> *Леонтьев К. Н.* «Московские ведомости» о двоевластии // Восток, Россия и Славянство. С. 694.

<sup>18</sup> *Леонтьев К. Н.* Средний европеец... // Восток, Россия и Славянство. С. 428–430, 527.

<sup>19</sup> *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 309–310.

ситься почти всеми собственными силами и силами Австрии на Россию», и борьба на восточном театре будет «страшной» и «тягостной», а утомление после ее окончания будет чрезвычайно велико и для Германии, и для России<sup>20</sup>. Эти представления Леонтьева во многом превосходили идеи, изложенные в знаменитой записке сенатора Петра Дурново Николаю II, датированной февралем 1914 г.<sup>21</sup>

Даже в случае войны с Россией «один на один» немцам, писал мыслитель, «необходимо будет держать под ружьем на границе Франции около половины» своей армии, и только другую половину они могут противопоставить русским войскам. В свою очередь, в России и «крепкий союз, и вынужденная обстоятельствами война с Германией» будут «одинаково популярны».

Еще в начале 1880-х гг. Леонтьев утверждал, что искренне желает блага Германии и высказывал недовольство по поводу германофобии и германофагии, которые «сквозили между строчками» многих газет, издававшихся в России<sup>22</sup>.

Русским правителям, по его мнению, предстояло «удалить и устранить... всякую возможность столкновения» с империей кайзера.

Враждебной по отношению к нашей стране, полагал мыслитель, Германия станет тогда, когда к власти там придут либералы, и либеральный дух «возьмет верх над... духом императора Вильгельма [I. – С. X.]»<sup>23</sup>.

Бывший консул считал, что немцы, главным образом настроенные более либерально, чем люди «прусского духа», не могут видеть своих балтийских соплеменников «в руках России». Рано или поздно этот «кровавый призрак», считал Леонтьев, «встанет перед нами, мы это знаем...», однако при жизни Бисмарка Германия не позволит себе воевать с Россией из-за Прибалтийского края – это было бы слишком глупо. «Нападение на Остзейский край может

---

<sup>20</sup> См.: Леонтьев К. Н. Средний европеец... // Восток, Россия и Славянство. С. 428.

<sup>21</sup> См.: Первая ее публикация: Красная новь, 1922. Кн. 6. Ноябрь – декабрь. С. 182–199.

<sup>22</sup> См.: Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Восток, Россия и Славянство. С. 367–369.

<sup>23</sup> Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // Восток, Россия и Славянство. С. 46, 53.

быть *результатом* войны, одной из ее случайностей; но оно не будет *ее причиной* до тех пор, пока немцы управляются умными людьми».

Однако течение мировых событий постепенно убеждало его в том, что в конечном итоге война Германии с Россией неизбежна. Она, проницательно полагал мыслитель, случится из-за славян, из-за столкновения интересов в Болгарии или в Сербии. Прежде всего, утверждал Леонтьев, это будет война с Австрией; но если Германия не покинет свою союзницу, а втянется в конфликт на ее стороне, то пострадает жестоко, как пострадали страны, противившиеся национально-освободительным и объединительным движениям в Европе во второй половине XIX столетия<sup>24</sup>.

Русско-германскую войну он начал «пророчить» с января 1888 г., но еще в марте того же года полной уверенности в том, что она случится, у него не было, и Леонтьев писал: «Война у нас непременно будет, только едва ли с Германией, а с Австрией, наверное, и... с... Турцией»<sup>25</sup>. Но в марте 1891 г. он пришел к выводу: «...счастливой и кровопролитной войны... конечно, не миновать – рано или поздно. Предполагаю, что противниками нашими будут: Австрия, Германия, Италия, Турция и Англия, союзниками: Франция, Сербия, Черногория и, может быть, Греция... При таком сочетании сил я в победе нашей уверен...»<sup>26</sup>.

В побежденной Германии, полагал мыслитель, «*непременно поднимет голову крайне либеральная партия, общественное мнение обрушится на Бисмарка, на «милитаризм» и повторится... история Бонапартов... Германское государство... сделает сильный шаг к мещанской республике*»<sup>27</sup>. Здесь опять-таки нельзя не вспомнить П. Н. Дурново и его подтвердившийся прогноз о Германии.

Но в начале 80-х мыслитель, надеясь избежать германо-русского столкновения, выступал за то, чтобы «Второй рейх» прово-

<sup>24</sup> См.: *Леонтьев К. Н. Национальная политика... // Восток, Россия и Славянство. С. 516, 527.*

<sup>25</sup> *Александров А. А. I. Памяти К. Н. Леонтьева; II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 36.*

<sup>26</sup> ГАРФ. Ф. 1099. Письмо Т. И. Филиппову от 29.03.1891 г. Приводится по машинописной копии, предоставленной Г. Б. Кремневым.

<sup>27</sup> *Леонтьев К. Н. Национальная политика... // Восток, Россия и Славянство. С. 528.*

дил активную внешнюю политику на севере, и особенно на западе Европы, не касаясь Балкан. Он писал, что у Германии, если она не пойдет раньше времени против России, есть «огромные задачи на Западе – присоединение 8 миллионов австрийских немцев..., завоевание Голландии и вытекающее из этого морское соперничество с Англией; весьма возможные и естественные претензии в Балтийском море; дальнейшее унижение Франции, которую, в случае равнодушия России,... не так трудно... и *разделить...*, как Польшу, между Италией, Испанией и Бельгией, оставляя в середине небольшой независимый остаток». Германия может господствовать над всей Северо-Западной Европой, заменив «идею культурного Drang nach Osten систематическим государственным движением nach Westen». Но, уточнял и акцентировал К. Леонтьев, эти «простые помыслы» могли предстоить Германии за пределами ее тогдашних границ лишь в том случае, если она будет дружить с Россией. «Россия, – делал вывод мыслитель, – нужнее Германии, чем Германия России».

Если «Второй рейх» присоединит к себе Голландию и австрийских немцев, а Россия при этом благоприятным для себя образом решит Восточный и славянский вопросы, то движение немцев и «к юго-западу, к берегам Атлантического океана и Средиземного моря усилится», и французам «придется или быть совсем завоеванным на месте, или... заселять внутреннюю Африку и ее северные берега», – писал он.

Поэтому вполне логичным выглядит мнение Леонтьева о том, что сохранить германскую мощь может «явное содействие» России на Востоке, а погубить ее способно «*вооруженное сопротивление*» России в решении «славянского вопроса». По его мнению, Германия разобьется об него «*точно так же, как разбились Австрия и Франция об единство Италии и Германии*»<sup>28</sup>.

---

<sup>28</sup> Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Восток, Россия и Славянство. С. 368, 374. При этом он отмечал, что было бы «большим счастьем», если бы немцы заставили нас «предать чехов на совершенное съедение германизму», иначе можно опасаться, что чехи тоже попадут в состав «Восточно-Славянского Союза», а это было бы великим бедствием, поскольку в массе своей чехи – европейские буржуа, которые отравят Союз своим либеральным духом (там же).

При этом мыслитель считал, что немцы – народ более способный, чем русские, однако *исторически* они устарели. А когда более способный народ исторически устареет, тогда и менее одаренный, но более молодой народ, не исполнивший еще своей роли, всегда в *конечном итоге* победит его в борьбе «не только политической и военной, но и умственной»<sup>29</sup>.

Германия, равно как и Россия, постулировал Леонтьев, вступила в эру так называемого «вторичного смещения», т.е. в период государственно-культурного упадка и разложения. В России он начался в правление Александра II, а в Германии – в правление Фридриха Вильгельма IV<sup>30</sup>. При этом последняя, полагал мыслитель, вошла в ту же фазу культурно-исторического развития, в которой находилась Франция эпохи Наполеона I, т.е. по пути «вторичного смещения» она продвинулась далее Российской империи. Разница между современной Леонтьеву Германией и наполеоновской Францией виделась ему в том, что Франции «было... что сказать» миру, тогда как Германия «своего всемирного слова» не имела: всё, «что у нее есть, известно и без нее». Это такие «сухие утилитарные мелочи», как всеобщая обязательная грамотность и «тому подобные немецкие вещи»<sup>31</sup>. И если Франция конца XVIII в. несла на своих знаменах идею разрушительную, но общую и великую, то Германия исхода XIX столетия – только преобладание для преобладания. Поэтому она, по словам Леонтьева, никогда не будет иметь той первоклассной силы, которую имела когда-то Франция.

После 1866 – 1871 гг. Германия в национально-культурном отношении стала *«изменяться к худшему... , по мере возрастания политического единства, независимости»* и международной мощи. Германия единая, сохранившая только «тени прежних королей и герцогов», тесно связанная одинаковыми «военными, таможенными и тому подобными условиями», писал Леонтьев, не только ста-

---

<sup>29</sup> Леонтьев К. Н. Комментарии // Восток, Россия и Славянство. С. 742–743.

<sup>30</sup> См.: Леонтьев К. Н. Средний европеец... // Восток, Россия и Славянство. С. 417.

<sup>31</sup> Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // Восток, Россия и Славянство. С. 52.

ла однообразней, чем прежде, но и *«гораздо больше стала похожа... на побежденную ею Францию»*. В новой Германии он увидел голый национализм, централизацию, эгалитаризм, конституцию, «усиление индустрии и торговли, и в отпор этому – усиление... анархических элементов; наконец – милитаризм. Точь-в-точь императорская Франция!» – в том смысле, что Германия 80-х гг. XIX в. – это «нечто вроде Франции 50-х и 60-х гг.».

Старый же Германский союз во главе с Австрией и Пруссией представлялся Леонтьеву в высшей степени оригинальным, истинно национальным и «по внутреннему политическому устройству, и по внешней политической роли, и в особенности по общественным, бытовым формам»<sup>32</sup>.

Пристальное внимание мыслителя привлекала фигура Отто фон Бисмарка. Русский консерватор смело награждал «железного канцлера» эпитетом «гениальный», но в исторической оценке этого деятеля он колебался: то ли тот «действительный... возродитель» Германии, то ли – «одно из тех шумных и блестящих лиц», которые появляются у народов накануне их падения, чтобы собрать воедино и израсходовать навсегда все оставшиеся у общества силы, и задавался вопросом: есть ли эпоха Бисмарка эпоха Наполеона I или же это эпоха Наполеона III. Сам Леонтьев склонялся именно к последнему варианту<sup>33</sup>. Бисмарк, с его точки зрения, был, подобно Наполеонидам, представителем эгалитарного кесаризма, но со своим оригинальным оттенком<sup>34</sup>. «Наполеоны и Бисмарки, – писал он, – ...нужны для того, чтобы дать толчок дальнейшему смешению» сословий и классов или же провинций и государств с одноплеменным составом, но результат их деятельности в XIX в. один и то же – новый *«огромный шаг ко всеобщей ассимиляции»*.

Без Бисмарка, полагал мыслитель, Германия не найдет «безвредного» для нее пути, который заключался в том, чтобы «не про-

---

<sup>32</sup> Леонтьев К. Н. Национальная политика... // Восток, Россия и Славянство. С. 515, 519, 524, 527.

<sup>33</sup> См.: Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. С. 105; Письма о восточных делах // Там же. С. 369.

<sup>34</sup> См.: Леонтьев К. Н. Средний европеец... // Восток, Россия и Славянство. С. 429.



тивиться слишком явно и сильно» славянским национальным движениям, а задерживать их «только понемногу»<sup>35</sup>.

Несмотря на известный схематизм Леонтьева, выразившийся в его приверженности к собственным, выработанным в 60–70-х гг. XIX столетия «гипотезе триединого развития» и «теории вторичного смесительного упрощения», нельзя не отметить точности и реалистичности многих представлений его о Германии, о ее политике и политических деятелях, а также данных мыслителем прогнозов относительно дальнейшего развития событий в этой стране, которые оправдались в первой половине XX в.

---

<sup>35</sup> *Леонтьев К. Н.* Национальная политика... // Восток, Россия и Славянство. С. 520, 529.

**В. А. Алленова**

*кандидат исторических наук, доцент*

## **ОБРАЗ ЗАПАДА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО МЕССИАНИЗМА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Одной из неизменных систем координат, составляющих русское общественное и национальное сознание, является антитеза Россия – Запад, внимание к которой обостряется в периоды кризисов и поиска новой российской идентичности. Вошедшая в число вечных российских вопросов, проблема «Россия – Запад» всегда притягивала к себе и до сих пор продолжает волновать российских мыслителей, находящихся в поиске определения национального тождества. Имманентной чертой российского консерватизма является подчеркнутое антизападничество, истоки которого кроются в том, что процессы модернизации, реакцией на которые, собственно, и является консерватизм, имели для России заведомо «внешний» характер. Они действительно большей частью приходили извне или казались «пришлыми», чуждыми той русской «самости», на страже которой стояли отечественные консерваторы. Большинству их европейских соратников либерализм вряд ли мог представляться внешней силой, поэтому они были самодостаточны и не нуждались в образе «другого» для осознания их национальной идентичности, места их народов в мире и роли их стран в мировой истории. Эти темы занимали их гораздо меньше именно в силу отсутствия того внешнего цивилизационного вызова, ответы на который Россия ищет на протяжении как минимум трех последних веков.

Другой важной составляющей русского консерватизма и «русской идеи» как комплекса философско-исторических, культурологических, нравственных и религиозных понятий является мессианская идея, носящая универсальный характер и направленная на спасение не только русского народа, но и всего человечества в целом. Отношение к Западу, выраженное в контексте мессианизма, со всей очевидностью формулируется в ряде противоречивых, носящих крайне амбивалентный характер и в то же время нераз-

рывно связанных между собой мотивов, красной нитью пронизывающих историософию классического и позднего славянофильства.

В числе важнейших и наиболее распространенных из них – позиционирование России как служительницы и защитницы Европы. Ф. М. Достоевский неоднократно в своих литературных и публицистических произведениях подчеркивал, что Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы. В своей знаменитой «Пушкинской речи» он восклицал: «...что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?»<sup>1</sup>. Подобные утверждения исходили как из географического фактора – положения России на перекрестке западной и восточной цивилизаций, так и из конкретных фактов хода мировой истории. Пограничное положение позволяло воспринимать Россию как буферное пространство и строить на этом теорию объективно сформировавшейся у нее особой геополитической миссии. Одним из первых этот тезис продекларировал А. С. Пушкин, написавший в письме П. Я. Чаадаеву в 1836 г. знаменитые строки: «...у нас было особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена»<sup>2</sup>.

Для русской общественной мысли конца XIX – начала XX в. было характерно предощущение грядущей катастрофы в связи с опасностью нового панмонголизма. В. С. Соловьев в своих последних произведениях «Три разговора» и «По поводу последних событий» пророчил Европе скорое столкновение с «варварами-кочевниками», на пути которых России вновь предстоит стать последним бастионом. В. Брюсов обращал внимание русского общества на недооценку «желтой угрозы», о чем писал в 1905 г. в статье «Метерлинк-утешитель. (О «желтой опасности»)), пророчески утверждая в 1913 г.: «Панмонголизм и панисламизм – вот две реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться»<sup>3</sup>. Миссия России как держателя равновесия между Западом и Востоком,

<sup>1</sup> Достоевский Ф. М. Пушкин // Русская идея. М., 1992. С. 145.

<sup>2</sup> Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву // Там же. С. 50.

<sup>3</sup> Брюсов В. Я. Новая эпоха во всемирной истории // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 327.

заслона европейской цивилизации от «азиатчины» была сформулирована в поэтической форме А. Блоком: «Мы как послушные холопы, держали щит меж двух враждебных рас – Монголов и Европы!».

Однако, в представлении многих мессиански настроенных мыслителей, России приходилось спасать Европу не только от опасности с Востока, но и от деструктивных тенденций, порожденных собственно западным складом жизни и ментальности. Так, Ф. Тютчев усматривал причину революций в Европе в антихристианском западном культе личности, «апофеозе человеческого я». При этом он указывал на Россию как единственную подлинную силу, способную противостоять разрушительному духу революции в силу присущей православному братству способности к самопожертвованию и самоотвержению. «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы – революция и Россия, – писал он в 1848 г. – Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу»<sup>4</sup>. Исход этой величайшей борьбы в представлении поэта должен определить всю политическую и религиозную будущность человечества.

Впоследствии этот мотив нашел выражение в укоренившихся в общественном сознании стереотипах о России – спасительнице Европы от Наполеона и Гитлера<sup>5</sup>. После Октябрьской революции появилась идея о том, что Россия спасла западную цивилизацию от порожденной ею же социалистической утопии, поставив на себе чудовищный эксперимент и принеся себя таким образом в жертву. «Россия, – писал М. А. Волошин, – ...совершает в настоящий момент жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболе-

---

<sup>4</sup> Тютчев Ф. И. Россия и Запад : книга пророчеств : статьи и стихи. М., 1999. С. 131.

<sup>5</sup> См. сайт Союза православных педагогов: «Русь заслонила Европу от Орды, разгромила Наполеона и Гитлера. Таково доказательство особого значения России в судьбе человечества. Мы видим, как исторические факты объективно утверждают, что Россия – единственная в истории человечества держава, которой волею Божией поручено стать ЩИТОМ ОТ МИРОВОГО ЗЛА. Эта труднейшая миссия, требующая готовности к подвигу и народного самопожертвования. Какому еще народу она по плечу?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spasros.ru/page9-1.html>

вание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе. Этот кризис, вероятно, наступит там очень скоро, будет ужасен, но благодаря России европейская культура, быть может, переживет его благополучно»<sup>6</sup>.

Подобное «жертвоприношение» могло стать возможным только при наличии глубочайшей мотивации, а именно неизбывного чувства любви к Западу. Парадоксальным образом мыслители, заложившие традиции российского антизападничества, пафосом выражения своих симпатий к Европе порой превосходили самих западников. А. С. Хомяков в стихотворении «Мечта» называл Европу «страной святых чудес» и восклицал: «А как прекрасен был тот Запад величавый!.. где солнце мудрости встречали наши очи». И. В. Киреевский в свою очередь признавался в своем полемическом ответе Хомякову: «Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад... Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками»<sup>7</sup>. Тем самым видные идеологи славянофильства открыто провозглашали определяющее воздействие европейского культурного хронотипа на формирование русской интеллектуальной элиты. После подобных признаний понимаешь, что славянофилы и не могли назвать свой первый журнал иначе, чем «Европеец».

Многие страницы «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, настаивавшего на том, что у русских две родины – Россия и Европа, даже в том случае, «если мы называемся славянофилами», являются настоящим панегириком Европе. «Европа, – писал он, – но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы, эта самая Европа, эта «страна святых чудес»! Знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса»... Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, меч-

<sup>6</sup> Волошин М. А. Россия распятая // Юность. 1990. № 10.

<sup>7</sup> Киреевский И. В. В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 146.

татели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ее!»<sup>8</sup>. Возвращаясь к этой теме в «Пушкинской речи», Достоевский восклицал: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!»<sup>9</sup>.

Однако столь красноречиво декларируемая любовь к Западу, во многом мифологизированному и существовавшему только в ментальных представлениях русских интеллектуалов, неизменно превращалась в свою полную противоположность после более близкого знакомства с реалиями западной жизни, приводившего в итоге к сильнейшему разочарованию. Так, в свое время П. В. Анненков написал о В. Г. Белинском: «С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чувствовали себя как бы обманутыми Европой, смотрели на нее с упреком, как будто она не сдержала тех обещаний, какие надавала им»<sup>10</sup>. Если близкое знакомство с Европой вызывало подобное чувство у таких убежденных западников, как В. Г. Белинский или А. И. Герцен (утверждавший, что Европа вовсе не такова на самом деле, как о ней думают русские), то не приходится удивляться крайней остроте реакции славянофильски ориентированных мыслителей. Они постарались как можно дальше уйти от прежних конструкций образа Запада, отклонившись в итоге в другую крайность, что, впрочем, объясняется все теми же особенностями «русской души», не признающей золотой середины и бросающейся из крайности в крайность. Ф. М. Достоевский писал в своих письмах из Германии: «Если бы вы знали, какое кровавое отвращение, до ненависти возбудила во мне к себе Европа в эти четыре года. Господи, какие у нас предрассудки насчет Европы»; «О, если бы Вы понятие имели об гадости жить за границей...»<sup>11</sup>. Подобные высказывания дали повод Д. Мережковскому для саркастической реплики: «Если это и любовь, то от такой любви не поздоровится!»<sup>12</sup>.

---

<sup>8</sup> Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2006. Т. 2. С. 201.

<sup>9</sup> Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Русская идея. М., 1992. С. 132.

<sup>10</sup> Цит. по: Аксютин В. Лопнувшие иллюзии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/175.htm>

<sup>11</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28. С. 303 ; Т. 29. С. 161.

<sup>12</sup> Мережковский Д. Не мир, но меч. М., 2011. С. 118.

Перечень инвектив в адрес Запада, вызванных крушением умозрительных иллюзий разочарованных русских путешественников, можно продолжить. Так, в 1876 г. В. Соловьев со всей категоричностью заявил: «Больше уж путешествовать не буду – ни на восточное кладбище, ни в западный нужник не поеду».

А. Белый, совершавший в начале 1910-х гг. поездку по Северной Африке, где имел опыт общения с европейцами, писал издателью А. М. Кожебаткину: «Возвращаюсь в десять раз более русским; пятимесячное отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня очень: мы, слава Богу, русские – не Европа; надо свое неевропейство высоко держать, как знамя»<sup>13</sup>. Подобные ощущения в полной мере испытали эмигранты, оказавшиеся в Европе после Октябрьской революции. По свидетельству В. Варшавского, если раньше русские, «сталкиваясь с Западом, часто испытывали глубокое разочарование, то теперь, попав за границу нищими беженцами, они открывали недостатки западной жизни уже не в порядке туристических наблюдений, а в тяжелом каждодневном опыте отверженности и унижения»<sup>14</sup>.

Следствием подобной аберрации сознания стало появление в контексте русской идеи мотива «любви-ненависти» к Западу. На это указывал Д. Мережковский, отмечавший, что даже сам Достоевский иногда чувствовал, что его необыкновенная, «всечеловеческая» любовь к Европе похожа на обыкновенную человеческую ненависть. В поэтической форме эта тема нашла наиболее образное и сконцентрированное выражение в знаменитых строках А. Блока, обращавшегося к Европе от имени славян-«скифов»:

«Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,  
И обливаясь черной кровью.  
Она глядит, глядит, глядит в тебя,  
И с ненавистью, и с любовью!..»

И. С. Тургенев указывал на наличие подобной дихотомии устами одного из героев романа «Дым» – Потугина. В своем монологе он так формулирует отношение русского общества к Западу:

<sup>13</sup> Восток – Запад. М., 1988. Вып. 3. С. 170.

<sup>14</sup> *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. М., 1992. С. 23.

«И хоть бы мы действительно его презирали, а то ведь это все фраза и ложь. Ругать-то мы его ругаем, а только его мнением и дорожим»<sup>15</sup>.

На фоне темы «любви-ненависти» к Западу появляется тема соблазна и обмана, вызванная, очевидно, сильными сомнениями относительно чистоты источника пресловутой любви. Начав анализировать его, в нем неизбежно находят элементы лукавства и искушения. И. В. Киреевский свои дифирамбы Европе завершил мыслью о том, что европейская рациональная цивилизация «явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским»<sup>16</sup>. С. П. Шевырев настаивал на том, что Европа на протяжении всей истории использовала приемы обольщения в качестве главного оружия с тем, чтобы подчинить Россию своему влиянию. Так было в Смутное время, когда «злумышленные иноземцы» – иезуиты – наслали на русский народ самозванцев, подвергнув его искушению, которому они «в порыве чистой преданности и любви» поддались. Так было и в другие, более поздние времена, когда Россия – доверчивый гость на великолепном пиршестве западной культуры – не сразу поняла, что «пресыщенный хозяин, обольстив нас всеми прелестями великолепного пира, развратит ум и сердце наше; что мы выйдем от него опьяненные не по летам, с тяжким впечатлением от оргии, нам непонятной»<sup>17</sup>.

Тема обольщения присутствует и у Достоевского, деклариовавшего «вселенскую отзывчивость» русской души. В «Пушкинской речи» он обвинил западников в том, что, едва научив человека из народа грамоте, они тут же начинают «обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, словом, заставив его устыдиться своего прежнего лаптя и кваса»<sup>18</sup>, т.е. всем тем, что разрушает самобытные русские начала. Следует отметить, что, однажды возникнув, тема соблазнов Запада продолжает существовать и поныне, являясь одним из наи-

---

<sup>15</sup> *Тургенев И. С.* Дым. М., 1970. С. 38.

<sup>16</sup> *Киреевский И. В.* В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 146.

<sup>17</sup> *Шевырев С. П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 43.

<sup>18</sup> *Достоевский Ф. М.* Пушкин // Русская идея. М., 1992. С. 135.



более излюбленных предметов размышлений современных публицистов<sup>19</sup>.

Таким образом, дискурс русской идеи демонстрирует в отношении Запада весь спектр самых разнообразных и взаимоисключающих чувств и оценок. В связи с этим Н. А. Бердяев советовал русской интеллигенции освободиться наконец-то «от нездорового надрывного отношения к Западной Европе, ...предмету то страстной влюбленности и мечты, то погромной ненависти и страха»<sup>20</sup>. На столь противоречивые признания со стороны загадочной русской души рассудочная и глубоко чуждая ее метаниям и антиномиям Европа могла ответить только одним – непониманием и отторжением, что представляется вполне закономерным, если вспомнить тючевское «Умом Россию не понять...». Если даже самим русским себя не понять, то что же говорить о европейцах?

Отсюда возникает следующий имманентный мотив – ощущение неразделенности любви России к Европе. Убежденные в том, что никакой другой народ в истории так не жертвовал собою ради других, русские нередко обвиняли Европу в черной неблагодарности. Еще Пушкин утверждал, что «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»<sup>21</sup>. Звучание темы холодного равнодушия, а по большей части враждебности и даже ненависти Запада, не желающего признавать Россию своей, усиливается или затихает в зависимости от внутри- и внеш-

---

<sup>19</sup> «В России любые признаки Запада – привезенные оттуда автомобили, джинсы или хотя бы ремешки и пуговицы – пронизываются трансцендентной радостью и одновременно тоской, как все зовущее и недостижимое. Все это «спуда», и потому любая вещица начинает обрастать гаммой каких-то почти религиозных переживаний. Она в России и блестит как-то ярче, чем в обычном своем западном свете, где ее трудно отличить от столь же стереотипно яркого фона... Такого Запада на Западе нет, он есть только в России, и этот российский «квазизапад» есть уникальная, единственная в истории форма существования, когда имитация другой страны становится способом духовной трансценденции... Нет на свете другой цивилизации более пьянящей, порочной, прелестной, губительной, чем архипелаг Запад на территории России» (см.: *Эпштейн М.* Запад в России [Электронный ресурс]. URL: <http://kitezh.onego.ru/zapad.html>).

<sup>20</sup> *Бердяев Н. А.* Душа России // Русская идея. М., 1992. С. 306.

<sup>21</sup> Русская идея. М., 1992. С. 49.

неполитического исторического контекста, но является одной из самых стойких констант общественного сознания и поныне<sup>22</sup>.

Этой же мотивацией продиктован повторяющийся, настойчивый рефрен в произведениях Достоевского: «Европа нас презирает, считает низшими себя, как людей, как породу»; «Европа нас ненавидит»; «в Европе все держат против нас камень за пазухой», «все на нас в Европе смотрят с насмешкой, ... с высокомерным снисхождением», «не хотели европейцы почесть нас за своих ни за что, ни за какие жертвы»<sup>23</sup>. На эту же тему высказался в поэтической форме и Ф. Тютчев:

«Как перед ней ни гниешь, господа,  
Вам не снискать признанья от Европы:  
В ее глазах вы будете всегда  
Не слуги просвещения, а холопы».

Тютчеву буквально вторит А. Белый, утверждавший, что «мы остаемся глубоко чужды Европе, которой хамски присягаем в верности»<sup>24</sup>.

Целый параграф в «Дневнике писателя» Достоевского имеет название «Мы в Европе лишь стрюцки», т.е. ничего не стоящие, вздорные и пустоголовые, – так объяснил это простонародное выражение автор. Причину подобного отношения он видел в убежденности Европы в чужеродности России, в том, что русские – не европейцы. «Мы, разумеется, – замечал в связи с этим Достоевский, – обижаемся и изо всех сил таращимся доказать, что мы европейцы», отпугивая этим Европу еще более. Отсюда суеверный страх перед непредсказуемой Россией и вытекающая из него враждебность.

Тютчев и Брюсов усматривали истоки подобного отношения в извечном европоцентризме, не признающем иных цивилизаций, кроме собственной. Так, Тютчев писал: «В течение целых столетий европейский запад с полнейшим простодушием верил, что не

---

<sup>22</sup> «Запад не только оттеняет собой русскую цивилизацию, давая возможность сравнения. Он демонстрирует нам и свою враждебность... Враждебность проявляется в действиях правящих кругов Запада как постоянный неизбежный феномен, сопровождающий всю русскую историю» (см.: Назаров М. Тайна России. М., 1999. С. 454).

<sup>23</sup> Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Т. 2. С. 24.

<sup>24</sup> Восток – Запад. С. 170.

было и не могло быть другой Европы, кроме его, ...чтобы вне этих крайних пределов существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христианского запада... целый мир, ...живущий своею собственной органическою, самобытною жизнью – этого допустить было невозможно, и многие поныне готовы в том сомневаться»<sup>25</sup>. В понимании Тютчева истоки феномена западной русофобии кроются в отрицании как духовной близости России Европе, так и ее своеобразия. Брюсов в свою очередь утверждал: «Гордая своими успехами, открытиями, изобретениями, завоеваниями, Европа давно употребляет слово «культура», «цивилизация» – в смысле европейская культура, европейская цивилизация»<sup>26</sup>. Он полагал, что европейцы будто забыли, что существуют другие культуры и цивилизации, ставившие себе иные задачи, «оживленные иным духом».

Наиболее ярко мотив враждебности Европы раскрыт в творчестве Н. Я. Данилевского, утверждавшего, что Европа не знает России потому, что «не хочет знать или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению... Дело в том, что Европа не признает нас своими»<sup>27</sup>. Причины этого Данилевский усматривал в том, что Европа подозревает в России новый высший культурно-исторический тип, призванный сменить дряхлеющий мир романо-германской цивилизации, изживший себя и приближающийся к закономерному концу. Так в дискурсе русской идеи возникает тема смерти.

Понятия «Европа» и «смерть» в русской историософской традиции неразделимы. Одним из первых дань этому сюжету отдал М. Ю. Лермонтов. В написанном в 1836 г. стихотворении «Умиравший гладиатор» он в аллегорической форме сравнил положение современного ему западного общества с агонией поверженного гладиатора:

«Не так ли ты, о европейский мир,  
Когда-то пламенных мечтателей кумир,  
К могиле клонишься бесславной головою...»

<sup>25</sup> Тютчев Ф. И. Россия и Германия // Русская идея : сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 96.

<sup>26</sup> Брюсов В. Я. Новая эпоха во всемирной истории. С. 321.

<sup>27</sup> Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 63.

Причины гибели Европы поэт усматривал в «гордой роскоши», т.е. пренебрежении нравственными и духовными ценностями и культивировании материальных начал.

Н. И. Надеждин также писал о последних, на его взгляд, предсмертных судорогах умирающего Запада, «макабрской пляске мертвых костей на кладбище жизни» и в связи с этим подчеркивал: «Наше назначение – не быть эхом этой дряхлой, издыхающей цивилизации, которой, может быть, видим мы последние, предсмертные судороги»<sup>28</sup>. А. И. Герцен утверждал, что видит неминуемую гибель старой Европы, но не жалеет ничего из ныне существующего в ней. «Мы, – констатировал он, – довольно долго изучали хилый организм Европы, во всех слоях и везде мы находили перст смерти»<sup>29</sup>.

Запад продолжает оставаться символом деградации, смерти и распада даже тогда, когда речь идет о любви к нему. Признавая неустойчивое и искреннее тяготение русского просвещенного общества к западным культурным ценностям, С. П. Шевырев приводит впечатляющий образ общения близких друзей на пиру, один из участников которого уже заражен смертельной болезнью: «Мы целуемся с ним, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!»<sup>30</sup>. Обратной парфразой к этой аллегории являются сказанные по поводу «Пушкинской речи» Достоевского слова К. Н. Леонтьева: «В ответ на странное восклицание Достоевского мне хочется воскликнуть: “О, как мы ненавижим тебя, современная Европа, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!”»<sup>31</sup>.

Однако и сам Достоевский вполне вписывается в обозначенный абрис темы, называя немцев мертвым народом, а Европу кладбищем, правда, «самым дорогим кладбищем». Собираясь в Евро-

---

<sup>28</sup> *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972.

<sup>29</sup> *Герцен А. И.* С того берега // Собр. соч. М., 1955. Т. 6.

<sup>30</sup> *Шевырев С. П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 67.

<sup>31</sup> *Леонтьев К.* О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // Русская идея. М., 1992. С. 168.

пу, Иван Карамазов говорит: «...и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие лежат покойники... я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними – в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более»<sup>32</sup>. В этих словах Достоевский оплакивал гибель дорогой ему, но уже оставшейся в прошлом европейской культуры. Вторя ему, А. Белый напишет спустя несколько десятилетий, что «Запад смердит разложением», подразумевая уже не ушедшую, а современную ему европейскую культуру: «Европейская культура сказала свое слово... И это слово встало зловещим символом... И этот символ был пляшущим скелетом... И стали бегать скелеты вдоль дряхлеющей Европы»<sup>33</sup>. В одном из писем А. Петровскому А. Белый лаконично сформулировал кредо: «Да здравствует Россия. Да сгинет европейская мертвая погань».

К. Н. Леонтьев, также оставивший для Европы согласно своей схеме мирового развития период расцвета – «цветущей сложности» в прошлом, представил впечатляющую картину Запада, вступившего в эру предсмертного буржуазно-мещанского всеравенства и быстрого разложения. Более того, он предупреждал, что, самозванно выдавая себя за всемирную цивилизацию, Европа грозит утащить за собой в мещанскую могилу все человечество. Об этой же угрозе говорили и евразийцы, провозгласившие в противовес европоцентризму полицентризм. Н. С. Трубецкой подчеркивал, что «затаенной мечтой каждого европейца является обезличивание всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме европейской...»<sup>34</sup>.

Многочисленные вариации на тему «умирания» и «загнивания» Запада при одновременном развитии антиномии любви-ненависти могли означать только одно: истинной Европы, столь любимой и дорогой сердцу русских славянофилов и почвенников, на Западе уже не осталось. Поэтому носителями ее прежних идеалов являются не современные европейцы, а русские, усвоившие все лучшее из ушедшей в небытие европейской культуры. Отсю-

<sup>32</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 210.

<sup>33</sup> Белый А. Симфонии. Л., 1991. С. 147–148.

<sup>34</sup> Трубецкой Н. С. Мы и другие // Русская идея. М., 1992. С. 389.

да вытекает следующий мотив – самоидентификация русских как больших европейцев, чем сами жители Европы. По мысли Достоевского, русский становится наиболее русским именно тогда, когда он наиболее европеец. В этом он видел самое существенное национальное отличие русских от европейцев. Эта мысль, вложенная в уста героя романа «Подросток» («из них (европейцев) настоящим европейцем был один я»), была названа В. В. Розановым «святое святых души Достоевского, указанием на особую внутреннюю миссию России в Европе, а затем и во всемирной истории: «докончить» дом ее, строительство ее»<sup>35</sup>.

Выводя архетип «всемирного болельщика» из почвенника, Достоевский доказывал, что чем сильнее любовь к родной земле, тем острее понимание неразрывной связи судьбы родины и судеб всего мира. Отсюда характерная русская черта – стремление устроить дела всеевропейские и всемирные.

Утверждая вслед за Достоевским в начале XX в. духовное родство и преемство России со «старой», любимой Европой, А. Белый заявлял, что гордость России в том, что мы не Европа, или, что только мы – подлинная Европа. «По чистой совести, – подчеркивал он в одном из своих писем из-за границы, – мы были наиболее культурными европейцами среди европейцев, вращавшихся в нашем обществе»<sup>36</sup>. Это и подобные утверждения следует понимать как декларацию готовности сохранить и приумножить то лучшее, что было присуще Европе прошлой, ныне одряхлевшей и утратившей свой истинный «дух».

Таким образом, русские антизападники усматривали мессианскую роль России в том, чтобы спасти западную культуру, разлагающуюся под влиянием кризиса «пустодушной», по выражению А. С. Хомякова, европейской цивилизации, соединив ее в высшем синтезе с российской духовностью. В итоге логическая цепочка взаимосвязанных императивов замыкается, сходясь в своей изначальной точке – мессианском устремлении. Н. И. Надеждин видел историческую миссию России в том, чтобы развить из себя новую могучую собственно русскую цивилизацию, которая так же

---

<sup>35</sup> Розанов В. В. Возле «русской идеи» // Русская идея. М., 2002. С. 280.

<sup>36</sup> Восток – Запад. С. 171.

обновит ветхую Европу, как некогда эта Европа, «еще чистая и девственная», обновила ветхую Азию.

П. Я. Чаадаев считал, что Россия, «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию», должна объединить в своей цивилизации историю всего человечества<sup>37</sup>. В связи с этим миссия России виделась ему в осуществлении синтеза двух взаимоисключающих начал – восточного и западного. По убеждению Чаадаева, Россия призвана «решить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество»<sup>38</sup>. В определении Достоевским национальной идеи звучит тот же пафос: «Национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое объединение»<sup>39</sup>. В. С. Соловьев усматривал миссию России и ее великую обязанность в том, чтобы «нравственно послужить и западу и востоку, примиряя в себе обоих». В представлении Бердяева Россия, «являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству»<sup>40</sup>.

В поисках истоков «западной» темы в русском общественном сознании и созданного им ментального образа Запада можно предположить, что им является извечная соревновательная парадигма русской истории. «Россию, – по словам Хомякова, – беспрестанно сравнивали с остальной Европой, и с каждым днем глубже и горше становилось убеждение в превосходстве других народов»<sup>41</sup>. Вызываемый этим своего рода комплекс неполноценности, проявившийся в рефлексии по поводу отставания, многочисленных фобиях и мифологемах, нуждался в моральной компенсации. Отсюда не только некрасовское «во многом нас опередили иноземцы, но мы догоним в добрый час», но и слова профессора Н. И. Кареева, написанные в конце XIX в. и абсолютно созвучные основополагающему тезису советских властей в веке XX: «Многие из нас все еще догоняют Запад, не ставя себе вопроса, в чем мы могли бы его

<sup>37</sup> См.: Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 31.

<sup>38</sup> Там же. С. 153.

<sup>39</sup> Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Т. 1. С. 306.

<sup>40</sup> Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. М., 2002. С. 307.

<sup>41</sup> Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 314.

и перегнуть»<sup>42</sup>. Эти и многие другие признания прямо свидетельствуют о том, что и русский мессианизм, и мифологизированный в его контексте образ Запада во многом обусловлены амбивалентным и мучительным процессом «догоняющей» модернизации России и являются своего рода психологической компенсацией за ее хроническое отставание от Европы.

Таким образом, консервативная критика либерального Запада и тема «спасения» Европы ориентировались на европейское прошлое и были связаны с идеей синтеза восточного и западного начал. Представители же либерального и демократического направлений, предвосхищая советский мессианизм, нацеливались на наверстывание упущенного и даже опережение современной Европы, т.е. даже приняв за образец проект европейского модерна, они исходили из той же идеи конечного превосходства России над Западом.

---

<sup>42</sup> Кареев Н. И. О духе русской науки // Русская идея. М., 1992. С. 176.



**И. В. Омелянчук**

*доктор исторических наук, профессор*

**ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И САМОДЕРЖАВИЕ  
В ИДЕОЛОГИИ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ  
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Модернизация России начала XX в. одним из своих следствий имела дрейф ее политической системы в сторону конституционализма, особенно ярко проявившийся в период революции 1905 – 1907 гг. Русские консерваторы, стремившиеся сохранить автократическое правление, попытались поставить на пути этого процесса идеологическую плотину, краеугольными камнями которой стали критика западноевропейского парламентаризма и апология самодержавия.

По мнению консерваторов, западноевропейская парламентская демократия продемонстрировала свою неспособность справиться с главными пороками капиталистического общества – пауперизацией пролетариата, классовой враждой и атомизацией общества – и стремится прикрыть эти «язвы» демократическими лозунгами народовластия и свободы. По мнению правого публициста А. Каута, пример западных конституционных государств доказывает, что «погоня за властью под видом народного представительства насаждает господство кучки политиканов, не пропускающих свежих бескорыстных работников в парламенты, политиканов, делящих между присными блага земные, грабящих народ соглашениями с международными капиталистами и уклоняющимися от плодотворного труда над общественными улучшениями ради торжества партийных интересов»<sup>1</sup>.

Один из авторов журнала «Мирный труд», писавший под псевдонимом «П. Хорсов», утверждал, что депутаты «несомненно, образуют особую группу в массе населения и отождествляют свои личные или классовые интересы с интересами народа, сводят своекорыстные счета, покровительствуют родственникам, берут взятки, плохо знают живые потребности страны»<sup>2</sup>. Председатель Харь-

<sup>1</sup> Каут А. Мнимая спасительность парламентаризма // Мирный труд. 1904. № 8. С. 207.

<sup>2</sup> Хорсов П. В Харьковском отделе Русского собрания // Там же. № 9. С. 162.

© Омелянчук И. В., 2012

ковского отдела «Русского собрания» А.С. Вязигин также считал, что при конституционном строе управляет государством «вовсе не народ, а капиталисты»<sup>3</sup>. «Общественная справедливость нигде не водворена конституционализмом... Всюду парламенты наглядно проявляют все отрицательные свойства толпы и принимают противоречивые и опрометчивые решения», – утверждал он<sup>4</sup>.

Подчеркивая чужое, европейское происхождение парламентаризма, флагман правой печати, газета «Московские ведомости», объясняла его появление тем, «что в глазах западных народов, монарх являлся одновременно и *завоевателем* народа». Поэтому в конституционных странах «создается своего рода политический торг между заинтересованными сторонами, из которых каждая стремится выделить себе возможно большую долю: монарх – *власти*, а народ – политической *независимости*»<sup>5</sup>.

Представитель Одесского «Русского собрания» М. В. Лебедев подчеркивал, что на Западе «в основе всякой государственной власти лежит непременно борьба. Там государства возникают не мирным путем, а путем завоеваний; вот почему и власть в таких государствах всегда являлась господством и порабощением», а «победитель и побежденный так и остались вечными врагами». Эта вражда привела к появлению абсолютизма. Потом «сам абсолютизм погиб в потоках крови, которая была разлита по Европе революциями. Восстали побежденные, и победитель принужден был сломать свой скипетр. Последствием этих явлений было повсюдное распространение в Европе парламентского строя. Таким образом, парламентаризм есть не что иное, как последний акт той кровавой распри и борьбы, с которой начинается и которой проникнута вся история новых народов Западной Европы». По мнению М. В. Лебедева, «возникнув из борьбы и путем борьбы, парламентаризм и в настоящее время продолжает оставаться непрерывным, часто проникнутым жесточайшей враждой, *спором* между властью и подвластными»<sup>6</sup>.

М. В. Лебедев утверждал, что «парламент есть простой призыв к расхищению власти». Примеряя парламентаризм к россий-

---

<sup>3</sup> От редакции // Мирный труд. 1905. № 1. С. XI.

<sup>4</sup> Вязигин А. С. Мертвое учреждение // Там же. 1905. № 2. С. 179.

<sup>5</sup> Московские ведомости. 1906. 3 янв. № 2.

<sup>6</sup> Лебедев М. В. Разберемся... // Мирный труд. 1905. № 7. С. 156–157.

ской действительности, он пришел к выводу, что «у нас это расхищение примет ужасающие размеры», а его следствием станет ослабление верховной власти, которая, чтобы уцелеть, «должна будет направить свои главные усилия к постоянному обеспечению себе в парламенте большинства; таким образом, ее деятельность в очень значительной степени сведется к подтасовке партий и заискиванию благосклонности гг. народных избранников»<sup>7</sup>. Как видим, М. В. Лебедев еще в 1905 г. предсказал появление главной особенности парламентаризма на просторах восточной Европы конца XX – начала XXI столетия – наличие «партии власти».

Парламентаризм в представлении одного из авторов «Московских ведомостей», В. А. Задонского, это «бесперывные партийные распри, это – расчленение России, это – порабощение Русского народа Евреям и инородцам, и, наконец, это гонение на Церковь Христову»<sup>8</sup>. Другой автор газеты, Н. А. Знаменский, утверждал, что «борьба между отдельными классами или политическими «партиями», неизбежная при системе *многовластия*, превращает и самую государственную жизнь в картину произвола тех или других групп, сменяющихся по капризу политической игры у кормила правления»<sup>9</sup>. «Московские ведомости», критикуя «конституционно-парламентские формы», писали, что «формы эти вводят в область управления категорию факторов, побуждений и двигателей, не имеющих, в сущности, ничего общего с чистыми целями народного блага, но зато отвечающими тысяче иных, личных целей главарей политического движения и, прежде всего, конечно, личного самолюбия»<sup>10</sup>.

По мнению правого публициста Н. Черникова, «перенесение английского парламентаризма или французской «демократической республики» равносильно пересадке в наши родные степи и равнины померанцевых и апельсиновых деревьев». Поэтому «западноевропейский парламентаризм, выросший при совершенно иных исторических условиях... явится у нас чужеродным растением, обреченным на комнатное или кабинетное прозябание»<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Там же. С. 160, 162.

<sup>8</sup> Московские ведомости. 1905. 20 нояб.

<sup>9</sup> Там же. 1906. 3 янв.

<sup>10</sup> Там же. 25 янв.

<sup>11</sup> Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1906. № 2. С. 200.

Факт созыва первого русского парламента – Государственной Думы – не изменил тона высказываний черносотенцев о представительной демократии. По мнению А. П. Липранди, «духовное и политическое озверение, угрожающее Западной Европе, как следствие парламентаризма, у нас проявилось, и при том в тягчайшей форме, уже при первых же опытах парламентарной отравы». Представительная система власти, утверждал Липранди, «ведет Россию к одичанию, отбрасывает ее на двести-триста лет назад»<sup>12</sup>.

Западноевропейскому парламентаризму консерваторы противопоставляли самодержавие, являвшееся для них одновременно и идеалом общественного устройства, и средством, обеспечивающим само существование русского национального государства и осуществление им его всемирно-исторической миссии. В программе «Русского собрания» подчеркивалось, что самодержавие является «главным залогом исполнения Россией ее всемирно-христианского призвания... залогом внешнего государственного могущества и внутреннего единства России»<sup>13</sup>. Практически дословно это положение вошло в программу Союза русского народа (СРН)<sup>14</sup>.

Рассматривая преимущества самодержавия перед другими политическими системами, внепартийный идеолог правых Л. А. Тихомиров пришел к выводу, что главное из них заключается в том, что конституционное государство основано на юридических нормах, а монархия – на нравственном законе. Но юридические нормы создаются человеком, которому, как известно, свойственно ошибаться, нравственный же закон дан Богом. Кроме того, утверждал Л. А. Тихомиров, «в сфере построения государства на основе юридической решительно все народы доказали свое превосходство перед русским». Да и «в возможность справедливо устроить общественно-политическую жизнь посредством юридических норм народ не верит». Поэтому самодержавный царь не только может, но и должен стоять выше юридических норм, под-

---

<sup>12</sup> Липранди А. П. Возможен ли в России парламентаризм? // Мирный труд. 1909. № 12. С. 31, 32.

<sup>13</sup> Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб., 1906. С. 131.

<sup>14</sup> Союз русского народа. М., 1906. С. 7 ; ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

чиняясь лишь закону совести. Тихомиров называл это «царским естественным правом»<sup>15</sup>.

Другой идеолог правых, член СРЛ С. Ф. Шарапов, также утверждал, что самодержавие обладает «строгой закономерностью режима, основание которого есть не юридическая формула, а высшее, в правовые нормы столь трудно укладываемое, нравственное начало»<sup>16</sup>. По его мнению, писанный закон не может предусмотреть все возможные ситуации, и в этом случае помочь должно сверхзаконное решение, дать которое может только царь<sup>17</sup>.

Важным достоинством самодержавной монархии правые считали независимость верховной власти от различных политических сил (в отличие от главы государства, избранного на определенный конечный срок и при содействии конкретных групп интересов), что позволяет ей в равной мере защищать интересы всех социальных слоев. А. С. Вязигин подчеркивал, что самодержавие – это «власть чуждая партийных расчетов, не способная подпасть соблазну подкупа или личной выгоды, опирающаяся на все классы населения, а не на одну какую-либо сословную группу»<sup>18</sup>. Член «Русского собрания» М. М. Бородкин утверждал, что «монарх никому не обязан своим возвышением, почему ему нет надобности принадлежать к какой-либо политической группе», «он не принадлежит ни к какому сословию» и «ему естественно руководиться благом *всего* государства»<sup>19</sup>. Н. И. Черняев цитировал немецкого философа-младогегельянца Д. Ф. Штрауса, утверждавшего, что превосходство монархии заключается «в положении одного человека на такой высоте, на которой его не захватывает борьба интересов и партий»<sup>20</sup>. По мнению кандидата Главного Совета СРН А. А. Майкова, «только Самодержавная власть может быть независимой от

<sup>15</sup> Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 368, 239, 505.

<sup>16</sup> Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В. Я. [и др.]. М., 2000. С. 393.

<sup>17</sup> См.: Шарапов С. Опыт Русской политической программы. М., 1905. С. 6.

<sup>18</sup> Хорсов П. В Харьковском отделе Русского собрания. С. 158.

<sup>19</sup> Бородкин М. Необходимость самодержавия для России // Мирный труд. 1904. № 10. С. 190.

<sup>20</sup> Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия // Там же. № 1. С. 28.

какой-нибудь партии, только ей одной по самой ее природе может быть свойственно беспристрастное и справедливое отношение ко всем слоям населения»<sup>21</sup>.

Еще одним достоинством монархии консерваторы считали наследственную передачу власти. «Династичность», по мнению Л. А. Тихомирова, «в высочайшей степени обязывает самого монарха быть не тем, что ему нравится, а тем, чего требует идеал, соединяемый для него с родовым делом предков»<sup>22</sup>. М. М. Бородкин полагал, что «для самодержца вопрос о государственном благе и о величии его государства есть вопрос о его собственной будущности и будущности его детей. Ни президент республики, ни члены парламентов не заинтересованы так близко в судьбах страны, как самодержавная власть»<sup>23</sup>. Другой представитель «Русского собрания», М. В. Лебедев, утверждал, что «целость, честь и слава государства есть в то же время целость, честь и слава его [монарха] лично»<sup>24</sup>. По мнению С. Ф. Шарапова, «в Царе одном бодрствует совесть и живо чувство ответственности перед историей»<sup>25</sup>, в то время как в деятельности главы государства, избранного на ограниченный срок, преобладают меркантильные, сиюминутные интересы.

Консерваторы подчеркивали имманентность самодержавной монархии русскому национальному духу и политической традиции. Н. И. Черняев полагал, что «преданность русского народа монархическим началам вообще и наследственной монархии в частности составляет одну из особенностей русского народного характера и его политической психологии»<sup>26</sup>. Эту особенность он объяснял с точки зрения психоанализа: «Русский монархизм как народное чувство и народный инстинкт коренится в той глубокой и таинственной области *бессознательного*, которое дает начало и опору всем великим проявлениям человеческого духа»<sup>27</sup>. Видный

---

<sup>21</sup> Майков А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 29.

<sup>22</sup> Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 420.

<sup>23</sup> Бородкин М. Необходимость самодержавия для России. С. 190.

<sup>24</sup> Лебедев М. В. Разберемся... С. 156.

<sup>25</sup> Шарапов С. Указ. соч. С. 37.

<sup>26</sup> Черняев Н. Из записной книжки русского монархиста // Мирный труд. 1904. № 3. С. 183.

<sup>27</sup> Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия. С. 25, 28, 29, 30.

историк, член СРЛ Д. И. Иловайский также считал, что «идея и обаяние царской власти глубоко вкоренена в русских сердцах»<sup>28</sup>. Д. А. Хомяков подчеркивал, что «для народов, излюбивших форму правления самодержавную, она есть присущая их духу потребность, а не результат умозаключений, доказывающих ее практическое или, вернее, техническое превосходство перед другими формами правления»<sup>29</sup>.

Неизвестный автор журнала «Мирный труд», писавший под псевдонимом «Монархист», утверждал, что в России «самодержавие держится... на очевидной потребности в нем»<sup>30</sup>. По его мнению, «Россия... не может без него не только обеспечить себе внешнюю безопасность, внутренний мир, порядок и движение вперед... но и существовать даже в тех пределах, которыми она довольствовалась в допетровские времена». «Монархист» доказывал, что империя «при ее громадности, климатических и почвенных оттенках, многочисленном и разноплеменном населении удерживалась и удерживается от распада и расчленения только связующею силою Самодержавия»<sup>31</sup>. «Московские ведомости» подчеркивали, что «при малейшем ослаблении, хотя бы только временном, начал Самодержавия и единодержавия, в Русском государстве наступали народные волнения и анархия, возникали посягательства на целостность и державные права самой Русской земли – Русского царства – со стороны врагов зарубежных»<sup>32</sup>.

Русские консерваторы противопоставляли «истинную» монархию, самодержавие, ее искаженным формам – деспотизму и абсолютизму. В первом случае, отмечал Л. А. Тихомиров, монарх не служит Богу, а сам обожествляется, во втором – хотя и не происходит обожествления носителя власти, но также отсутствуют какие-либо нравственные нормы, ограничивающие власть монарха<sup>33</sup>. Г. А. Щечков утверждал, что западноевропейский аб-

<sup>28</sup> Кремль. 1905. 24 февр.

<sup>29</sup> Хомяков Д. «Самодержавие» (опыт схематического построения этого понятия) // Мирный труд. 1906. № 7. С. 122.

<sup>30</sup> Монархист. О весне // Там же. 1904. № 10. С. 214.

<sup>31</sup> Монархист. По поводу «весенних» напевов // Там же. 1905. № 2. С. 98 ; *Его же*. По поводу «весенних» напевов // Там же.

<sup>32</sup> Московские ведомости. 1906. 1 янв.

<sup>33</sup> См.: Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 102.

солютизм есть следствие насильственного завоевания народа, проявляясь «с одной стороны, в деспотизме правителя, бывшего завоевателя [абсолютная монархия], с другой – в деспотизме отвоевавших себе независимость правимых [конституционное государство]»<sup>34</sup>.

Русское самодержавие, доказывали правые, основано на иных началах. Русский монарх, – писал И. Г. Айвазов, – при коронации «публично перед церковью и народом связует себя послушанием православной Церкви Христовой», поэтому «Воля Русского Монарха в своих проявлениях и в своем существе всецело ограничивается волею «Царя Царствующих»». Более того, когда «воля монарха выйдет из подчинения воли Божией, тогда она перестанет быть обязательной для подданных», писал И. Г. Айвазов, развивая идеи Фомы Аквинского<sup>35</sup>. Г. А. Шечков утверждал, что «русский носитель верховной власти по природе своей... никоим образом не абсолютен», так как он «есть человек *соборный*», «изначально призванный добровольно, с общего всей земли совета и хотения»<sup>36</sup>. По мнению А. А. Майкова, «царская власть не происходит от завоевания, чем отличается от власти абсолютных монархов и восточных деспотов, и вручена царю русским народом, почему она и не представляет из себя господства, а занимает относительно народа служебное положение»<sup>37</sup>.

Таким образом, монархисты, продолжая традиции славянофилов, настаивали на том, что парламентаризм является атрибутом исключительно западной цивилизации и возможен только в государстве, в основе которого лежит завоевание, приведшее общество к разделению на враждебные классы. В основе же Российского государства, утверждали консерваторы, лежит не завоевание, а добровольное призвание, не социальная вражда, а гармония сословий, что делает демократию, основанную, по мнению правых, на по-

---

<sup>34</sup> Шечков Г. Об истинном значении некоторых слов // Мирный труд. 1906. № 3. С. 151.

<sup>35</sup> Хорсов П. Вторая годовщина открытия Харьковского отдела Русского собрания // Там же. 1905. № 10. С. 208–209.

<sup>36</sup> Шечков Г. Об истинном значении некоторых слов // Там же. 1906. № 3. С. 153–154.

<sup>37</sup> Майков А. Указ. соч. С. 25.



литическом торге классов, совершенно непригодной для русской действительности. Кроме того, монархисты указывали, что в условиях парламентаризма народовластия не существует, оно невозможно, ибо власть будет сосредоточена в руках кучки политиков, именующих себя представителями народа.

Итак, парламентскому строю консерваторы противопоставляли самодержавную монархию, которая, по их мнению, являлась единственно возможной формой государственного бытия русской нации. Они считали, что в отличие от конституционного государства, основанного на юридических нормах, созданных человеком, фундаментом самодержавной монархии служит нравственный закон, данный свыше. Различая закон и справедливость, правые утверждали, что только монарх, обладающий правом сверхзаконного решения, может обеспечить соблюдение справедливости. По мнению консерваторов, правитель, избираемый на конечный срок и при содействии конкретных политических сил, будет действовать в интересах последних (в лучшем случае) или в собственных интересах, не имеющих ничего общего с государственными. Для наследственного же монарха, полагали правые, все сословия равны, и он может быть беспристрастным арбитром в социальных конфликтах, а государственные интересы являются одновременно и личными, и семейными, так как государство суть его родовое «достояние».

Все это, по мнению правых, очевидным образом доказывало преимущества самодержавия перед парламентско-конституционными формами правления.

**А. В. Репников**

*доктор исторических наук, профессор*

## **ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Россия виделась русским консерваторам великой монархической империей, простирающейся от Европы до Азии и ведущей независимую внешнюю политику. Историк А. В. Игнатьев называет следующие основные внешнеполитические ориентиры правых:

1. Несогласие с блоковым курсом правительства.

2. Критика европоцентризма и сосредоточения внешнеполитического внимания на балканско-ближневосточных проблемах, что могло «поссорить Россию с Германией».

3. Идея необходимости активных внешнеполитических действий на Дальнем и Среднем Востоке (вплоть до войны-реванша против Японии «в союзе с Германией и Соединенными Штатами»).

4. Переориентация от союза с парламентскими западными державами на «союз с Германией, который позволил бы решить в русских интересах вопрос о проливах, остановить австрийскую экспансию на Балканах и перенести внимание в Азию». В идеале предполагалось воссоздание союза трех императоров<sup>1</sup>.

Все эти проблемы лежали в сфере геополитики, а среди русских консервативных мыслителей, посвятивших свои исследования геополитическим вопросам, можно выделить таких, как

---

<sup>1</sup> См.: *Игнатьев А. В.* От «личной дипломатии» к «политике интересов» // Россия : государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 194. Подробнее см.: *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905 – 1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005 ; *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007 ; *Его же.* «Не будем мы защищать грудь Европы от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов) // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности : материалы конф. (Кострома, 26 – 27 марта 2009 г.). Кострома, 2009. С. 275–290 ; *Его же.* У истоков русской геополитики // Москва. 2011. № 1. С. 167–180.

публицист и дипломат Ю. С. Карцов (Карцев) (1857 – 1931)<sup>2</sup>; разведчик, военный переводчик, генерал-майор А. Е. Вандам (Едрыхин) (1867 – 1933)<sup>3</sup>; публицист И. И. Дусинский (1879 – 1919)<sup>4</sup>; путешественник, публицист, разведчик С. Н. Сыромятников (1864 – 1933)<sup>5</sup>, и др.

Еще в 1908 г. Ю. С. Карцов утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом... исторический враг России – Англия»<sup>6</sup>. В анализе внешней политики Карцов использовал письма и заметки, переданные ему дядей, который был дипломатическим агентом в Белграде. Учил он и личные наблюдения, сделанные в ходе бесед с дипломатами<sup>7</sup>. Выступая 13 января 1912 г. в Главной Палате Союза Михаила Архангела с докладом «Россия, Англия и Германия», Карцов пришел к заключению, что «Англия, видя для себя опасность ввиду все усиливающегося торгового и морского могущества Германии, ищет сближения с Россией, чтобы тем самым ослабить свою соперницу. Но государственные интересы России... требуют союза не с Англией, а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, но даже и всю континентальную Европу и, более того, чрезмерно усилила бы господство Англии»<sup>8</sup>. Доклад вызвал «оживленные прения», сразу после которых выступил другой противник сближения с Англией

<sup>2</sup> См.: Репников А. В. Карцов Ю. С. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. М., 2010. С. 226–229.

<sup>3</sup> См.: Репников А. В. Вандам А. Е. // Там же. С. 84–87 ; *Его же*. Алексей Ефимович Вандам – русский геополитик // Русское время. 2010. № 1. С. 74–79.

<sup>4</sup> См.: Репников А. В. Дусинский И. И. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. С. 167–170.

<sup>5</sup> См.: Репников А. В., Соловьев К. А. Сыромятников С. Н. // Там же. С. 502–506 ; Репников А. В. Сергей Николаевич Сыромятников – ученый, публицист, геополитик // Русское время. 2010. № 2. С. 76–83.

<sup>6</sup> Карцов Ю. С. В чем заключаются внешние задачи России (теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908. С. 16–17, 19.

<sup>7</sup> См.: Карцов Ю. С. Письма К. Н. Леонтьева к Екатерине Сергеевне, Ольге Сергеевне и Юрию Сергеевичу Карцовым. 1878 год // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 235–308.

<sup>8</sup> Правые партии. 1911 – 1917 годы : документы и материалы : в 2 т. / сост., автор введения и комментариев Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2 : 1911 – 1917 годы. С. 96.

– монархист и антисемит Г. В. Бутми, поддержавший докладчика. Однако Карцов предостерегал не только от союза с Англией, но и от чрезмерной ориентации на Германию, которая, как он полагал, по мере роста могущества усиливает свой геополитический натиск на Восток. Под этим натиском автор понимал не только непосредственное давление на Россию и славянские народы, но и проникновение немецкого влияния в Малую Азию и на Ближний Восток.

Англофобия русских консерваторов, о которой много говорили их политические оппоненты, была связана не только с тем, что в Англии видели геополитического соперника, но и с неприятием политического строя Великобритании, а также с деятельностью английского масонства, о которой писали русские монархисты. Изменение взглядов на отношения с Великобританией проистекало у консерваторов не столько из внутренних убеждений, сколько из общего поворота внешней политики России.

Одним из тех, кто подробно рассматривал в своих работах соперничество России и Англии, был А. Е. Вандам. В своих книгах «Наше положение» и «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии»<sup>9</sup> он давал общий геополитический очерк истории России и анализировал внешнеполитическую ситуацию по состоянию на 1912 г., когда была опубликована последняя из указанных работ. Вандам полагал, что экспансия, в какие бы формы она не выливалась (военные, политические, экономические и др.), свойственна любому государству и любому народу, но, «несмотря на большие размеры своей территории, русский народ по сравнению с другими народами белой расы находится в наименее благоприятных для жизни условиях»<sup>10</sup>. Вандам считал, что «пора бы задыхающимся в своем концентрационном лагере белым народам понять, что единственным разумным выходом *balance of power in Europe* была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии и что жестоко высмеивавшееся англичанами наше стремление к “теплой воде” и высмеиваемое теперь желание германцев иметь “свое место на солныш-

---

<sup>9</sup> Есть информация, что в 1916 г. эта брошюра была частично переведена в Германии.

<sup>10</sup> Вандам А. Е. Наше положение. СПб., 1912. С. 5.

ке»<sup>11</sup> не заключают в себе ничего противоестественное. Во всяком же случае, присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами»<sup>12</sup>. В качестве союзников России по коалиции Вандам видел Германию и Францию.

Хотя республиканская Франция для консерваторов была примером страны, в которой в результате череды революций победили «безбожники» и «якобинцы», они с явным одобрением относились к деятельности французских монархистов<sup>13</sup>. В любом случае, выбирая между Англией и Францией, консерваторы предпочитали видеть в военно-политических и торговых союзниках России последнюю.

Князь А. Г. Щербатов (1850 – 1915) в 1912 г. в работе «Государственная оборона России» прогнозировал, что «при первой возможности Германия будет вынуждена в силу обстоятельств утвердить свои мирные торговые завоевания вооруженной силой, и что ее нападению подвергнется страна, наименее подготовленная к самообороне»<sup>14</sup>. России же предстоит готовиться к войне не с одной державой, а с союзом держав. Возможно, писал князь, что в будущей войне Германия поддержит Японию в борьбе с Англией. Германия выступит «застрельщиком» войны из-за торгового соперничества, а Япония – желая обеспечить себе гегемонию на Тихом океане. России же «в предстоящей мировой борьбе» нужно

---

<sup>11</sup> Так в тексте.

<sup>12</sup> *Вандам А. Е.* Указ. соч. С. 203–204.

<sup>13</sup> В. А. Грингмут позитивно отзывался о воззвании французских монархистов в статье «Французские и русские монархисты» и в речи «Международная борьба против революции и социализма» (см.: *Грингмут В. А.* Собрание статей. М., 1910. Вып. IV. С. 392–397). Особую ценность этого воззвания Грингмут увидел в том, что «зарубежные друзья» указали «на наших общих врагов – франк-масонов и евреев», патетически закончив статью словами: «борясь за Неограниченное Самодержавие в России, мы боремся за торжество того же принципа и в Европе, и во всей вселенной» (Там же. С. 393). Подробнее о деятельности французских монархистов из «Аксьон франсез» и взглядах Ш. Моррасса см.: *Руткевич А. М.* Политическая доктрина Ш. Моррасса // Моррасс Ш. Будущее интеллигенции. М., 2003. С. 79–157.

<sup>14</sup> *Щербатов А. Г.* «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002. С. 171–172. Подробнее см.: *Репников А. В.* Щербатов А. Г. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. С. 599–602.

в первую очередь стоять на страже своих интересов и освоиться с мыслью, что у нее «нет и быть не может твердых союзников».

Консервативный публицист К. Н. Пасхалов (1843 – 1924) в 1913 г. прогнозировал неизбежность новой большой войны, поскольку «для России создалось теперь такое положение, что столкновение ее с Австрией является неизбежным. Хочет или не хочет она войны, а таковая будет, если только Россия не откажется добровольно от своего мирового значения и сама не станет членом славянской федерации под скипетром Габсбургов, чего, конечно, предположить нельзя... Удастся ли русскому колоссу устоять на ногах или же он рухнет и, рассыпавшись на составные части, послужит образованию новых государственных организмов, это зависит всецело от мудрости и искусства его государственных людей»<sup>15</sup>.

В феврале 1914 г. крупный государственный деятель П. Н. Дурново (1842 – 1915) подал на имя Николая II «Записку»<sup>16</sup>, начинающуюся словами: «Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии. Это соперничество неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны»<sup>17</sup>. Дурново, в полном соответствии с мнением А. Е. Вандама и И. И. Дусинского, делал акцент на том, что интересы Англии – «островного государства» и Германии – «мощной континентальной державы» проти-

---

<sup>15</sup> Пасхалов К. Н. Русский вопрос. М., 1913. С. 21. Подробнее см.: Репников А. В. Клавдий Никандрович Пасхалов // Москва. 2005. № 12. С.160–167; *Его же*. Пасхалов К. Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. С. 351–356.

<sup>16</sup> Записка П. Н. Дурново // История России XIX – начала XX века : хрестоматия / под ред. М. Д. Карпачева. Воронеж, 2002. С. 612–636. Е. В. Тарле, впервые знакомя советских читателей с текстом этого документа, отметил: «Что та компромиссная форма правления, которая существовала в России с 17 октября 1905 года, вовсе не должна была при всяких обстоятельствах безусловно погибнуть 2 марта 1917 года и так непременно погибнуть, как она погибла, что словом ее гибель была в огромнейшей степени ускорена войною 1914 года, – с этим должен согласиться каждый беспристрастный и спокойный наблюдатель» (см.: Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново // Былое. 1922. № 19. С. 161–162). Подробнее см.: Искра Л. М. Дурново П.Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. С. 165–167.

<sup>17</sup> Записка П. Н. Дурново. С. 612.

воречат друг другу и между ними неизбежна «борьба не на жизнь, а на смерть». Обозначив причины этой борьбы и перечислив возможные варианты развития событий, Дурново задавался вопросом о месте России в таком противостоянии. По его мнению, «англо-русское сближение ничего реально-полезного для нас до сего времени не принесло. В будущем оно неизбежно сулит нам вооруженное столкновение с Германией», в котором «главная тяжесть... выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция... вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики»<sup>18</sup>. К подобной борьбе Россия не готова, но даже если Германия проиграет, то «разгром ее, несомненно, завершился бы миром, продиктованным с точки зрения экономических интересов Англии», а «в отношении к экономическому будущему Германии интересы России и Англии прямо противоположны друг другу»<sup>19</sup>. Дурново высказывал мнение, что в стране, потерпевшей поражение (подразумевалась Германия), должна начаться революция, которая впоследствии «силою вещей, перекинется и в страну-победительницу»<sup>20</sup>. Не исключалось, что война может закончиться неудачно для России. В этом случае «социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна»<sup>21</sup>. Сначала все неудачи и тяготы войны будут приписаны правительству, затем начнутся революционные выступления, которые выдвинут самые радикальные лозунги в социалистическом духе («черный передел, а засим и общий раздел всех ценностей и имуществ»), далее армия, чей лучший кадровый офицерский состав будет выбит на полях сражений, поддержит революционные выступления. В итоге законодательные учреждения и «оппозиционно-интеллигентные партии» не смогут «сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению», – писал Дурново<sup>22</sup>.

Летом 1914 г. монархическая газета «Земщина» пугала читателей тем, что война между Россией и Германией стала бы войной

<sup>18</sup> Там же. С. 618–619.

<sup>19</sup> Там же. С. 626.

<sup>20</sup> Там же. С. 631.

<sup>21</sup> Там же. С. 633.

<sup>22</sup> Там же. С. 634.

«двух наиболее сильных монархий, являющихся оплотом христианской цивилизации»<sup>23</sup>. Война с Германией беспокоила и Л. А. Тихомирова (1852 – 1923), записавшего в дневнике 16 июля 1914 г.: «Я не верил в европейскую войну, п[аче] ч[аяния] слишком верил в малодушие нашей политики. Но нынешние известия очень грозны. Если правда, то от России требуют заявление нейтралитета, что также оскорбительная провокация, которой, пожалуй, не выдержат и наши бронированные лбы»<sup>24</sup>. На следующий день он записывает, что изданы мобилизационные указы, но все еще не может поверить в европейскую войну, которая уже стучится в двери. Тихомиров, как и некоторые другие консерваторы, полагал, что Россия может оказаться неспособной вести войну с Германией. Эта оценка складывалась из присущего Льву Александровичу недоверия к союзу России с западноевропейскими демократиями. В дневнике он писал: «Ради успокоения совести, я желаю, чтобы я был не прав. Но самодовольная некомпетентность наших политиков настолько велика, что позволяет делать возможными наиболее пессимистические предположения. С моей точки зрения, Россия может быть спасена какими-нибудь просчетами со стороны противника»<sup>25</sup>.

Писатель И. А. Родионов (1866 – 1940), по воспоминаниям его сына, тоже считал войну «судьбоносной ошибкой Императорского Правительства, так как не Германия, а Англия являлась действительным историческим врагом России. С Германией же, соединяя ее технику со своим сырьем, Россия могла бы составить непобедимый союз, которому никто в мире не был бы опасен. Он говаривал, что немец – хороший товарищ и, в противоположность австрийцу, надежный союзник. Только ему надо сперва рога обломать, чтобы тевтонская спесь всего не испортила»<sup>26</sup>.

В связи с этим уместно вспомнить и слова монархиста и думского депутата Н. Е. Маркова (1866 – 1945), произнесенные в канун войны: «Я думаю, что лучше вместо большой дружбы с Анг-

---

<sup>23</sup> Земщина. 1914. 17 и 19 июля.

<sup>24</sup> ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 70.

<sup>25</sup> Там же. Л. 173 – 173 об.

<sup>26</sup> Стукалова Г. П. Страница истории России // Родионов И. А. Наше преступление / вступ. ст. Г. П. Стукаловой. М., 1997. С. XLVII. Подробнее см.: Репников А. В. Родионов И. А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. С. 400–404.



лией иметь маленький союз с Германией, это будет проще, и здесь нам будет гораздо проще договориться»<sup>27</sup>. Поскольку эти слова неоднократно приводились как современниками<sup>28</sup>, так и исследователями в доказательство германофильства Маркова, процитируем его собственные показания, данные Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. «Эта фраза, – объяснял он, – не вполне отражает мою мысль. Кажется, тут было время речей ограничено пятью минутами, вообще говорилось экспромтом, и потому, конечно, не вполне ясно выражена моя сущность. Дело в том, что мои политические противники, неоднократно пользуясь за время войны не совсем правильными приемами, цитировали мои фразы, сказанные перед войной о ее нежелательности. Почтеннейшая публика, в особенности читатель, понимали и выводили, что я и теперь говорю против и что, следовательно, я друг Германии, но только я перед войной говорил – не воюйте, это совсем не то, что говорят во время войны большевики и многие другие социалисты. Это большая разница. Так вот, несколько взволнованный, я не помню, как говорил депутат Родичев, но здесь тоже был сделан оборот, как будто доказывающий приверженность мою во время войны к немцам. Я возражал, что мне известны были не недостатки, а недостаточность вооружения по сравнению с Германией. Я хорошо знал, что наше вооружение, в особенности заводская промышленность... не в состоянии так пополнить вооружение, как германская. Это обстоятельство на меня, в частности, действовало в том смысле, чтобы не воевать, не доводить дело до войны, и, к сожалению, я оказался одним из немногих, которые смотрели здраво на вещи. Если бы меня послушали, то мы бы избавились от несчастий, которые наступили. Я хотел указать только на недостаточность, что мы недостаточно вооружены для того, чтобы решиться воевать с Германией»<sup>29</sup>.

<sup>27</sup> Вестник Союза русского народа. 1914. 16 мая.

<sup>28</sup> Ф. И. Родичев процитировал эту фразу «в заседании Государственной думы 4-го марта 1916 года». В ответ Марков объяснил, что говорил так «потому, что как член комиссии по обороне» видел, что Россия к войне не готова и хотел «если не избежать войны, то ее отсрочить» (см.: Падение царского режима. М. ; Л., 1926. Т. VI. С. 203).

<sup>29</sup> *Допрос Н. Е. Маркова*: 24 июля 1915 года // Падение царского режима. С. 203–204. Весной 1920 г. Марков эмигрировал в Германию, был редактором монархического журнала «Двуглавый орел», одним из главных организато-

Дурново акцентировал внимание на том факте, что «Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией. Как это ни странно, Англия... выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к ослаблению монархического начала», и, следовательно, «с этой точки зрения борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон...»<sup>30</sup>.

Князь Н. Д. Жевахов (1874 – не ранее 1940) тоже полагал, что «Россия и Германия являются единственными в Европе монархиями, не по имени, а по структуре и существу, единственным оплотом монархического начала, единственным барьером, сдержива-

---

ров Съезда хозяйственного восстановления России в г. Бад-Рейхенгалль (Бавария, 1921 г.) – объединительного съезда правомонархической эмиграции. Председатель (с 1921 по 1927 г.) Высшего монархического совета. В установлении фашистских режимов в Европе увидел начало торжества черносотенных идей: «В самом воздухе носятся микробы фашизма, и вот один народ за другим отбрасывают свои “великие демократии” и преклоняются перед “великими вождями”. От того, что величие и тех и других весьма сомнительно, положение фактически не меняется... Теперь “милы” вожди, а не демократии. За вождями несомненно придут монархи. Таков непрменный закон ист. цикла» (цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // *Евреи в России : история и культура.* СПб., 1998. С. 214). В 1935 г., переехав в Эрфурт, по приглашению У. Флейшгауэра поступил в русскую секцию «Мировой службы», с 1936 г. редактировал русский выпуск бюллетеня «Мировая служба. Международная корреспонденция по просвещению в еврейском вопросе». Сотрудничая с нацистами, оставался монархистом, полагая, что «никакие новые “измы”, хотя бы и фашизм не способны спасти Россию» (Там же. С. 215). Критиковал гитлеризм за антихристианский настрой, отмечая в частном письме: «...превращать антисемитизм в антихристианство я ни в каком роде не стану, хотя бы и пришлось подохнуть с голода» (Там же. С. 217). Комментировал агрессивные планы Германии в отношении СССР: «Мы должны готовиться к тяжелой операции и, увы! не можем и не должны мешать этой операции: без операции грозит ведь смерть от гнилостного заражения социалистическим интернационализмом. Пусть уж режут нас по живому мясу!» (Там же. С. 216). Скончался 22 апреля 1945 г. Похоронен в Висбадене на русском кладбище (см.: *Богоявленский Д. Д., Иванов А. А.* Марков Н. Е. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. С. 283–286 ; *Шарапов С.* Марков-Второй и Марк-Срамной // *Наша страна.* 2011. 9 апр.

<sup>30</sup> Записка П. Н. Дурново. С. 630–631.

ющим натиск революции», и безразлично, победит Германия или проиграет, в любом случае «придет Англия и превратит Россию в колонию, как сделала с Египтом... И Франция, и Англия одинаково боятся могущества как России, так и Германии, и тем больше – взаимной дружбы последних; поэтому к разрыву между нами и немцами были направлены все их усилия. А мы, как всегда, опростоволосались. Попались на удочку этих интриг и немцы»<sup>31</sup>. Будучи в офицерском собрании в Ставке, Жевахов в разговоре пытался переубедить собеседника, уверенного в том, что «Германия будет побеждена, она должна быть побеждена!», возражая на это: «Может быть так и будет... но в том, что она должна быть побеждена я сомневаюсь, ибо одинаково невыгодно как России уничтожать Германию, так и Германии Россию... потому, что, кроме воли двух враждующих сторон, из которой каждая, естественно, хочет остаться победительницею, есть еще третья воля, наиболее беспристрастная. Одни называют эту волю – волей Божией, а другие – законом исторической необходимости. Война с Германией есть безумие с обеих сторон. Каждая из этих сторон воюет, в сущности говоря, против самой себя. Победа или поражение Германии будет победою или поражением России. Господь не допустит такой явной бессмыслицы, и война кончится вничью»<sup>32</sup>.

Более подробно следует остановиться на взглядах русского националиста С. Н. Сыромятникова, биография которого могла бы стать сюжетом для увлекательной книги. Путешественник, писатель и публицист, он был одним из деятелей монархической организации «Русское собрание» и редактором простопыпинской газеты «Россия». В октябре 1904 г. Сыромятников был командирован в Персию и в 1912 г. вспоминал об этой миссии: «Я был воспитан в недоверии к Англии и работал против нее на Дальнем Востоке и в Персии... но я очнулся во время Бурской войны... я доказывал, что гибель Англии была бы гибелью для России»<sup>33</sup>.

В 1915 г. вышел антигерманский сборник «Наши враги», на страницах которого Сыромятников соседствовал с националиста-

<sup>31</sup> Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 42.

<sup>32</sup> Там же. С. 41–42.

<sup>33</sup> Там же. С. 88.

ми П. И. Ковалевским и А. М. Михайловым<sup>34</sup>. В «психологическом очерке», помещенном в книге, Ковалевский крайне негативно характеризует «немецких варваров», у которых война усилила «скотские чувства»<sup>35</sup> и провозглашает наступление исторического момента «национального объединения славянской нации», которое будет «гибельно немецкой нации»<sup>36</sup>. Михайлов в свою очередь подвергал сомнению существование немецкой науки, культуры и философии как чисто национального немецкого явления, полагая, что «говорить о том, что наука немцев достигла уровня, какого не достигала наука ни у одного народа, по меньшей мере, преувеличено. Это один из видов всенемецкого гипноза, который пора и сбросить»<sup>37</sup>. Сыромятников, совершив в своей статье экскурс в историю, пришел к выводу, что после начала войны «даже самые тупые русские люди оценили значение прусской дружбы» и все разговоры об «усилении Англии» нужно отбросить, поскольку «ни мы, ни Англия не ищем мирового господства и честные, и умные люди наших обоих народов найдут возможность размежеваться, когда Европе перестанет угрожать кулак германских варваров»<sup>38</sup>. В том же 1915 г. действительный статский советник Сыромятников был как представитель МВД командирован в Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ, США) с целью организации кампании в американской прессе по созданию позитивного образа России и содействия вступлению Америки в войну. Он публикует статьи, в которых подает мысль об учреждении в США курсов «практического изучения России»<sup>39</sup>. В 1917 г. французское правительство наградило его орденом Почетного легиона, и в том же году новоиспеченный кавалер вернулся в Россию. Таким образом,

---

<sup>34</sup> См.: Наши враги : очерки проф. П. И. Ковалевского, С. Н. Сыромятникова (Сигма) и А. М. Михайлова / библиотека «Голоса Руси». Пг., 1915. Вып. 1.

<sup>35</sup> *Ковалевский П. И.* Немцы // Наши враги... С. 6.

<sup>36</sup> Там же. С. 4.

<sup>37</sup> *Михайлов А. М.* О немецкой науке и немецком гипнозе // Наши враги... С. 72.

<sup>38</sup> *Сыромятников С. Н.* (Сигма) Из русско-германских отношений // Там же. С. 59–61.

<sup>39</sup> *Сыромятников Б. Д.* «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897... 1916 гг.). СПб., 2004. С. 101.

Сыромятников, который некогда противодействовал Англии, во время войны занял четкую антигерманскую позицию.

Известный психиатр и русский националист И. А. Сикорский (1842 – 1919), сын которого погиб при взрыве крейсера «Паллада» осенью 1914 г., присоединился также к антинемецкой кампании, выпустив брошюру «Современная всесветная война 1914 года. Причины войны и устранение их». В ней он выражал надежду на победу над врагом<sup>40</sup>. Брошюра заканчивалась панегириком союзу России, Англии и Франции: «Одаренность народов Тройственного Соглашения обещает успешность всякой коллективной работы... Все три союзные народы отличаются каждый – расовую одаренностью, обладают хорошо развитою национальной литературой, и все три выработали у себя психологически тонкий язык... Все три народа, кроме того, материально обеспечены как естественными богатствами своих стран, так и значительными запасными территориями, обещающими ту же обеспеченность и в будущем. Своевременное приобретение таких территорий свидетельствует об уме, здоровой расовой проницательности и давней предусмотрительности»<sup>41</sup>.

В 1916 г. появилось исследование юриста Н. А. Захарова (1883 – после 1928) «Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав», представляющее собой краткий очерк восточной политики России от первых Романовых до Мировой войны. Работа представляет собой текст доклада, прочитанного 23 января 1915 г. в Петроградском Клубе общественных деятелей. Автор признавал, что «агрессивное стремление России к утверждению своего влияния на берегах Босфора и Дарданелл сравнительно недавнего происхождения и относится исключительно к императорскому периоду»<sup>42</sup>. Демонстрируя на примере Крымской войны вероломство Англии, Захаров критиковал и Германию с Австро-Венгрией. В результате, по мнению автора, нужно было перешагнуть «через политический труп Берлина и

---

<sup>40</sup> См.: Сикорский И. А. Современная всесветная война 1914 года. Причины войны и устранение их. Киев, 1914. С. 3.

<sup>41</sup> Там же. С. 26–27.

<sup>42</sup> Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 339.

Вены», не забывая при этом о многолетней недоброжелательности Англии и Франции, которые, опасаясь захвата Россией Босфора и Дарданелл, «работали только на пользу Германии и оберегали Турцию только для того, чтобы всецело предоставить ее в распоряжение германских честолюбивых планов»<sup>43</sup>.

Русский националист М. О. Меньшиков (1859 – 1918) откликнулся на начавшуюся войну циклом статей, материалы которых были наполнены патриотическими и националистическими призывами под общим девизом «Должны победить». В статье от 11 сентября 1914 г. Меньшиков писал: «В случае победы... нами и впредь будет руководить... не жадность и злоба, а лишь желание обезоружить буйного соседа... Борьба наша против преступных возбудителей международной вражды никогда не перейдет на мирную часть немецкого народа... Если нынешнее могущество Германии покоится на кошмарных по размеру вооружениях, то в будущем ей придется подыскать иной источник своей гордости...»<sup>44</sup>. Однако после прихода к власти большевиков Меньшиков позицию изменил. В 1918 г. он записывает в дневнике: «Неужели исчезнет из истории великое русское царство? Неужели оно было не более, как великим недоразумением? По-видимому, так. Сухостой истории. Если патриотизм добродетель, то я должен признаться, что никогда я не был менее патриотом, чем теперь... Мы не можем любить родину потому, что не можем уважать ее... Россия провалилась сквозь толщу столетий в каменный век. Все культурное рухнет с грохотом, останется первобытное, беспомощное, бедное и дикое, как природа... Имя твое, Россия, будет вычеркнуто из книги жизни. Ты послужишь, как все нечестивые народы, подстилкой для своих соседей. Отнимется у тебя твое место под солнцем, твой язык и душа твоя»<sup>45</sup>. Он полагал, что Россия лишится независимости и писал: «Родимые... не рыдайте! Потерять независимость это участь всех нечестивых народов: земля их стряхивает с себя, по живописно-

---

<sup>43</sup> Захаров Н. А. Указ. соч. С. 361.

<sup>44</sup> Меньшиков М. О. Должны победить // Новое время. 1914. 11 сент.

<sup>45</sup> Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX века). Вып. IV : М. О. Меньшиков : материалы к биографии / публ. М. Б. Поспелова. М., 1993. С. 11, 18, 35–36.

му выражению Библии. Баба, встряхивая начовку<sup>46</sup>, отвечает сор: природа встряхивает русское племя, чтобы немножко его почистить»<sup>47</sup>.

Интересно проследить изменение позиции по отношению к Германии крайне монархической газеты «Русское знамя», отражавшей взгляды лидера СРН А. И. Дубровина (1855 – 1921). В области внешней политики это издание занимало последовательную антибританскую позицию, отмечая, что «в настоящее время лютей враг России, “культурнейшая” интриганка Англия протягивает “варварскому” христианскому народу русскому свою одетую в лайковую перчатку руку» (25.01.1910). В газете высказывались предложения о союзе континентальных держав против Великобритании с целью уничтожения британского флота и раздела ее колоний, в случае которого Германия могла бы получить юг Африки, Франция – ее север, Япония – Филиппины, Австралию, Полинезию, США – Канаду (17.03.1910). Встреча Николая II и Вильгельма II в 1907 г. оценивалась как шаг на пути заключения долговременного соглашения с Германией (22.07.1907).

Ориентация газеты была замечена ее политическими противниками. По замечанию В. И. Ленина, «у нас много острили по поводу того, что “Русское знамя” вело себя очень часто, как “Прусское знамя”»<sup>48</sup>. Потом позиция газеты переориентировалась на лозунг «войны до победного конца». Провозглашалось, что при том подъеме духа, который «наблюдается в массах повсеместно и которым наша армия одушевлена до последнего человека, победа наша может считаться обеспеченной, и не немцы триумфальным шествием придут в Петербург, а наши войска победоносно вступят в Берлин» (24.07.1914). Утверждалось, что «в минуту грозной опасности... мы снова почувствовали себя русскими» (05.09.1914). Вместе с тем газета предостерегала от «полного разгрома монархической идеи и Германии как ее очага» (30.09.1914). «Русское знамя» 6 января 1915 г. утверждало: «Нынешние дни надлежит считать временем могучего пробуждения национальной гордо-

---

<sup>46</sup> Начовка (ночва) – неглубокое корытце, лоток. На ночвах сеяли муку, катали хлеба.

<sup>47</sup> Российский архив. Вып. IV. С. 12.

<sup>48</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 22. С. 172.

сти и самосознания русского народа. Немец – этот только повод. России пора освободиться от всякой иноземщины». Постепенно позиция газеты менялась в сторону необходимости заключения союза с Германией из-за боязни революции, что окончательно подорвало доверие к изданию со стороны правых. Характерно, что патриотический подъем после начала войны был недолгим и менее чем через год после начала войны департамент полиции зафиксировал позицию А. И. Дубровина, сводившуюся к необходимости скорейшего прекращения войны с целью сохранения двух наиболее могущественных монархических государств в Европе – России и Германии.

Итак, война с Германией изначально оценивалась значительным числом консерваторов как самоубийственная для монархических режимов обеих стран, но в преддверии и после начала Первой мировой войны они, как лояльные верноподданные, не могли поступить иначе, чем следовать внешнеполитическому курсу, провозглашенному императором. Однако по мере того, как возможность победы становилась все более призрачной, ряд консерваторов стал выражать опасения, что война может привести к катастрофическим последствиям для России.



**В. Б. Колмаков**

*кандидат философских наук, доцент*

## **РУССКИЕ НЕМЦЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ**

**Д. В. СКРЫНЧЕНКО (1914 – 1916 годы)**

Дмитрий Васильевич Скрынченко (1874 – 1947) – русский публицист, по происхождению малоросс, всегда ощущал себя глубоко русским человеком. Учился в Воронежском духовном училище, затем там же в духовной семинарии, высшее образование получил в Казанской духовной академии. Занимался преподавательской деятельностью в Минской духовной семинарии, был редактором «Минских епархиальных ведомостей» и консервативной газеты Северо-западного края «Минское слово». С 1913 г. жил в Киеве и регулярно писал для газет «Киев» и «Киевлянин». С началом мировой войны и даже несколько ранее в его публицистике зазвучала тема «русских» немцев. Об этих публикациях, вернее, о том, как в них отражались проблемы, связанные с немцами, и пойдет речь.

Для того чтобы глубже понять позицию Д. В. Скрынченко, следует иметь в виду основные моменты той парадигмы, в рамках которой русские воспринимали немцев. В русской культуре издавна существовало амбивалентное отношение к немцам. Оно во многом определялось не только тем, что Россия граничила с Германией и имела с ней многочисленные культурные и экономические контакты, но и тем, что в России проживало немало немцев, многие из которых играли видную роль в политической, культурной и экономической жизни страны. Либералы-государственники рассматривали немцев как необходимый фермент для ускоренного развития государства и в целом относились к немцам как к явлению позитивному. Консерваторы, как правило, выражали негативное отношение к немцам, переселившимся в Россию и нашедшим здесь свою вторую родину. Но и в рамках консервативного дискурса единой позиции в восприятии русских немцев не существовало. Как правило, немцы рассматривались как сходные русским по духу и противостоящие вместе с русскими нациям торгашей, таким как англичане и французы. Однако в вышедшем в 1915 г. сборнике «Немецкое

зло» профессор Петроградского университета И. А. Шляпкин писал: «Идеалом нынешних германцев стали исключительно деньги как средство внешнего благополучия»<sup>1</sup>. Кроме того, представители консервативного дискурса считали, что Германии, как и России, присущ имперский принцип правления, а Франция и Англия рассматривались как государства, «испорченные» свободами, проникнутые к тому же культом наживы. Несмотря на то, что в консервативной традиции существовало видение Германии как геополитического союзника России в Европе, русские не терпели возведенного в абсолют немецкого филистерства, педантизма, самоуверенности и, конечно, презрения со стороны немцев к «менее культурным» русским. В то же время в практической жизни немцы высоко ценились как знатоки своего дела. В них не без оснований видели мастеровой народ, живущий богато по строго определенным правилам.

Но если мысленно поставить на весы отрицательное и положительное отношение к немцам в русской культуре, то перевес будет на стороне негативного. Это отчетливо проявилось в изящной словесности. Исследователи отмечают, что за исключением двух образов – Карла Ивановича в «Детстве» Л. Н. Толстого и Лемпа в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева остальные образы немцев, созданные русской литературой, являются негативными<sup>2</sup>. Понятно, что с началом Первой мировой войны негативные качества немцев предпочитали выпячивать, а положительные замалчивать.

Поэтому с началом лета 1914 г. значительное место в публицистике Д. В. Скрынченко заняла антинемецкая риторика. Летом и осенью 1914 г. она непременно включала в себя осуждение немецкой «пещерной морали», которую русские публицисты начали рассматривать как имманентное свойство немцев. Эту парадигму Скрынченко использовал в статье «Вот так культура!..», где писал об издевательствах немцев над русскими, оказавшимися в Германии в начале войны. «Газеты полны ужасов тех зверств, которые учиняются немцами над русскими, бельгийцами и др. Если нельзя

---

<sup>1</sup> Шляпкин И. А. Немецкое зло // Немецкое зло : сб. статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». М., 1915. Вып. 1. С. 13.

<sup>2</sup> См.: Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 141.

было без негодования читать о немецких издевательствах над тысячами русских, наполнивших немецкие курорты и наполнявших тем самым немецкие карманы, то что же сказать о тех ужасах, которым подвергается население занятых немцами российских областей?»<sup>3</sup>. Действительно, для многих русских туристов и деловых людей пребывание в Германии в августе 1914 г. превратилось в трагедию. По подсчетам Б. Такман, в начале войны «только в Берлине скопилось до 50 тыс. русских путешественников, торопившихся вернуться на родину. Все они подвергались диким издевательствам со стороны немецких властей»<sup>4</sup>.

Рассматривая вопрос о «русских» немцах, Скрынченко считал, что Россия со времен Петра I «сделалась какой-то колонией для немцев». Эта идея была распространена среди консервативной общественности, сходные мысли в начале века высказывали многие русские публицисты. Так, летом 1908 г. В. В. Розанов писал: «Взглянув только на Петербург и Москву, т.е. все-таки на царственные места русской силы и русского духа, замечаешь меланхолически, что почти во всех областях жизни лучшие места заняты немцами»<sup>5</sup>. Опасность, которую несли немцы, заключалась в том, что они, по мнению русских консерваторов, осуществляли внутреннюю колонизацию России. Их колония находилась не на окраине, а в столице и несла в себе, как писал Д. В. Скрынченко, немецкую «пещерную нравственность и неимоверное хамство»<sup>6</sup>. Антигерманский настрой Скрынченко как человека национальных взглядов в данном контексте вполне понятен. Его негативное отношение к немцам имело глубокие онтологические основания. «Русские» немцы для националистов олицетворяли Запад, которому подражала и на который ориентировалась элита, поэтому националисты относились к немцам негативно, поддерживая традиционное неприятие немецкого начала как противоречащего исходным культурным ценностям России. Вину за начало войны Скрынченко возлагал не столько на кайзера, сколько на всех немцев, апеллируя,

<sup>3</sup> Скрынченко Д. Вот так культура!... // Киев. 1914. № 202. С. 2.

<sup>4</sup> Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М. ; СПб., 1999. С. 310.

<sup>5</sup> Розанов В. В. Сила национальности // Розанов В. В. Около народной души : статьи 1906 – 1908 гг. М. ; СПб., 2003. С. 323.

<sup>6</sup> Скрынченко Д. О немцах в России (I) // Киев. 1914. № 233. С. 1.

таким образом, к идее общенациональной вины. Свою часть вины должны были нести и «русские немцы».

Немцев, живущих в России, он делил на четыре группы: петербургские немцы, прибалтийские, немцы-помещики Юго-Западного края и немецкие колонисты. Какая группа несет в себе наибольшую опасность для России? Начнем с последней группы.

Скрынченко считал, что колонисты так и не интегрировались в имперский организм, сохранив немецкую идентичность и верность кайзеру. Некоторые из них, как ему казалось, особенно в Западном крае, снабжали немецкую армию разведывательными данными. До начала войны в приграничных районах проживало несколько сотен тысяч немецких колонистов, которых власти, основываясь на единичных случаях сотрудничества с противником, стали рассматривать как официальных шпионов. Скрынченко поддержал жесткую позицию ряда русских националистов, которые предлагали в связи с началом войны выслать из России всех немецких колонистов, имевших германское подданство, как потенциальных шпионов. Кроме того, он предлагал подвергнуть бойкоту немецкие товары, а также тех русских, которые «живут для Германии, а не для России, которые постоянно сносятся с Германией, переводят туда свои капиталы...»<sup>7</sup>. Исследователи немецкого вопроса пишут: «С началом войны широко распространилось мнение, что в системе форм деятельности германской разведки в России на первом месте стоит шпионаж с помощью немецких торговых фирм, предприятий, добровольных обществ и непосредственно самих граждан немецкого происхождения»<sup>8</sup>. Скрынченко разделял мнение, что «немецкие колонисты Западного края явились в настоящей войне самыми лучшими шпионами и разведчиками для наступающих немецких войск»<sup>9</sup>. Вполне возможно, что случаи передачи военных сведений русскими немцами имели место. Возглавлявший контрразведку в штабе Северо-Западного фронта генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что еще до начала войны немцы и австрийцы активно использовали, выражаясь современным языком, свои сетевые ком-

---

<sup>7</sup> Скрынченко Д. Голос ввремя // Киев. 1914. № 199. С. 2.

<sup>8</sup> Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев в России. М., 2005. С. 229–230.

<sup>9</sup> Скрынченко Д. О немцах в России (I) // Киев. 1914. № 233. С. 1.

пани для сбора разведывательной информации. В воспоминаниях он описал ситуацию с фирмой «Зингер», производившей в Подольске и продававшей по всей стране швейные машины, чьи филиалы активно использовались немецкой разведкой<sup>10</sup>.

Немцев-помещиков Скрынченко рассматривал как пятую колонну «для немецкого натиска на восток»<sup>11</sup>. Их имения, как ему представлялось, являлись базой для продвижения немецких войск.

Что касается прибалтийских немцев, то они, по мнению Скрынченко, опасны тем, что установили административное и религиозное господство над местным населением. Но фактически их господство простиралось до столицы, причем прибалтийские немцы, всё время поставлявшие в Петербург своих выдвиненцев, опираясь на них, боролись с православием и служили, говоря современным языком, германскими «агентами влияния». Поэтому, с точки зрения Скрынченко, прибалтийские и петербургские немцы были тождественны<sup>12</sup>.

В резкой статье «Осторожно на поворотах, господа немцы!» Скрынченко писал о тех привилегиях, что сохранялись за немцами России вплоть до начала XX в. Указав на их имманентную космополитичность, он объяснил, почему немцев так много в партии октябристов. По его сведениям, на съезде октябристов в 1909 г. присутствовало более 60 немцев, а «русские люди, примыкавшие к этой партии, чувствовали себя довольно сконфуженно, колеблясь определить, куда же они приехали – на съезд русской партии или же немецкого ферейна»<sup>13</sup>. В другой статье он утверждал, что октябристы находились «на полном иждивении немцев» и привел список более 70 немецких фамилий тех, кто участвовал в III съезде октябристов<sup>14</sup>. Добавлю, что Дмитрий Васильевич описывал собственные впечатления – 4 – 8 октября 1909 г. он участвовал в III съезде октябристов.

<sup>10</sup> См.: *Бонч-Бруевич М. Д.* За власть советов. Ташкент, 1958. С. 82–83.

<sup>11</sup> *Скрынченко Д.* О немцах в России (II) // Киев. 1914. № 235. С. 1.

<sup>12</sup> См.: *Скрынченко Д.* О немцах в России (III) // Там же. № 237. С. 1.

<sup>13</sup> *Скрынченко Д.* Осторожно на поворотах, господа немцы! (I) // Там же. № 183. С. 2.

<sup>14</sup> См.: *Скрынченко Д.* Кто германофильствует // Там же. 1915. № 708. С. 2.

Война, считал Скрынченко, пробудила национальное достоинство русских: «...мы уже не будем униженно кланяться пред немцем», – писал он<sup>15</sup>. Ему казалось, что мягкость и добродушие русского народа привели к опасному уровню влияния немцев на жизнь в России, и лишь война открыла глаза на эту опасность. В конце октября 1914 г. Скрынченко обратил внимание на вызывающее, как он считал, поведение прибалтийских немцев. Он специально отмечал, что «нарушителями и преступниками против русской государственности являются не только частные обыватели, но и лица, состоящие на государственной службе, лица *немецкого происхождения...*»<sup>16</sup>.

О необходимости поиска путей решения немецкого вопроса осенью 1914 г. писали многие. Скрынченко пропагандировал популярную идею – ликвидировать немецкое землевладение в России – и предлагал начать с Прибалтики. Ссылаясь на опыт времен Ивана III и Ивана IV, он советовал выселить немцев из Прибалтики, которая, как он считал, «является авангардом неметчины». Скрынченко саркастически предлагал «господам баронам занять места, например, в Пензенской или приволжских губерниях, а их места предоставить русскому населению, а также латышско-эстонскому»<sup>17</sup>.

Антинемецкие настроения активно подстегивались войной, в обществе возникла и стала распространяться идея борьбы с немецким засильем. Эта идея имела определенные основания, начиная с национальной принадлежности императрицы и кончая значительной долей немцев среди высших офицеров армии. На апрель 1914 г. среди полутора тысяч русских генералов «русских» немцев было 20 %, немецкие корни имели 15 % высших чинов в армии, при этом они занимали до 1/3 командных должностей в гвардии<sup>18</sup>. Совет Министров 2 февраля 1915 г. инициировал три закона, которые касались землевладельцев и землепользователей, имевших подданство стран – противников России. Это были так называемые «ликвидационные законы». Подданные Централь-

---

<sup>15</sup> Скрынченко Д. О немцах в России // Киев. 1914. № 233. С. 1.

<sup>16</sup> Скрынченко Д. Прибалтийская неметчина // Там же. № 287. С. 1.

<sup>17</sup> Там же. С. 1.

<sup>18</sup> См.: Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы : симбиоз и конфликт (1494 – 1941). М., 2004. С. 333.

ных держав и Турции лишались земельной собственности и права землепользования в 150-верстной полосе вдоль границы (линии фронта), кроме того, во избежание содействия возможному десанту те же меры были предприняты по отношению к иностранным подданным в пределах морского побережья Черного, Азовского и Балтийского морей. Недвижимое имущество в этих зонах надлежало продать с публичных торгов, на что отводилось от 10 до 16 месяцев<sup>19</sup>. Под действие этого закона подпало более миллиона «русских» немцев, что достаточно быстро привело к ухудшению экономической ситуации в ряде губерний – там резко сократились посевные площади<sup>20</sup>. В целом достигнутый правительством результат был невелик. Выступившие против этих мер тогдашние либералы, кадеты, во многом справедливо говорили, что антинемецкие меры принимаются под влиянием эмоций. Под влиянием чувства боли и унижения, а также снизившегося уровня жизни в Москве в мае 1915 г. прошли немецкие погромы, в ходе которых было разгромлено (впустую!) 759 торговых заведений и квартир, 3 немца были убиты и 40 ранено<sup>21</sup>.

Подозревая русских немцев в шпионаже, власти начали депортировать их из районов боевых действий. Первые депортации немцев начались в сентябре 1914 г. из Привисленского края, а с ноября коснулись Лифляндии, Курляндии и Риги. Дело, как это бывает в России, дошло до крайностей. В 1915 г. в Киевском военном округе в немецких колониях начали брать заложников в пропорции 1:1000<sup>22</sup>. Это был небывалый случай, когда государство брало в заложники собственных граждан. В декабре 1915 г. был издан новый закон, по которому всем немцам и австрийцам, жившим в приграничной (прифронтовой) полосе, предлагалось избавиться от недвижимости и уехать<sup>23</sup>. В июне 1916 г. было принято «Положение об Особом Комитете по борьбе с немецким засильем». Комитет,

<sup>19</sup> См.: История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). М., 1993. С. 36–39.

<sup>20</sup> См.: Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р. Указ. соч. С. 226.

<sup>21</sup> См.: Там же. С. 225.

<sup>22</sup> См.: Дённингхаус В. Указ. соч. С. 389.

<sup>23</sup> См.: Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война, 1914 – 1918. М., 1968. С. 229.

как говорилось в Положении, был учрежден для «освобождения страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни Государства Российского»<sup>24</sup>.

Осуществление антинемецких законов вызвало не только экономические трудности. Иногда губернаторы и военные власти затруднялись определить, к кому следует применять новые правила. Вот как это формулирует исследователь вопроса С. Оболенская: «Кого считать немцами? Преданных Российской империи, уже не в первом поколении живущих здесь, но сохраняющих неправославное вероисповедание? Немцев, принявших Православие, но сохраняющих свой язык, иногда отсылающих своих сыновей учиться в Германию?»<sup>25</sup>. Антигерманские настроения поддерживались возникшим с началом войны «Обществом 1914 г.». Его члены считали, что «народ русский стихийно отрицательно относился к немцу и немецкому, как к чему-то извечно враждебному всему русскому»<sup>26</sup>. Негативное отношение к немцам подпитывалось рассказами об ужасах немецкого плена и поведении немцев на захваченных территориях, где они не только творили насилие, но и оскверняли православные храмы<sup>27</sup>. В 1916 г. «ликвидационные законы» были расширены, теперь они охватывали новые категории российских немцев, в том числе и тех, кто относился к добровольцам или служил офицерами в русской армии. Кроме того, было запрещено преподавание на немецком языке во всех учебных заведениях империи кроме Закона Божьего для этнических немцев<sup>28</sup>.

Скрынченко стремился утвердить негативное мнение о немцах, призывая скорее расстаться с ложным представлением о них как о культурной нации. Жестокость немецких солдат и офицеров, с которой довелось столкнуться на войне, коренилась, как считал Скрынченко, в самих немцах и не определялась военным противостоянием. Немцы обладали имманентными свойствами, которые прямо противоположны таким качествам русской души, как

---

<sup>24</sup> История российских немцев в документах. С. 46.

<sup>25</sup> Оболенская С. В. Указ. соч. С. 181.

<sup>26</sup> Богдановский А. Что такое борьба с немецким засильем (цели и задачи «Общества 1914 г.»). Пг., 1917. С. 3.

<sup>27</sup> См.: Оболенская С. В. Указ. соч. С. 184–186.

<sup>28</sup> См.: История российских немцев в документах. С. 47.



храбрость, беззаветность, сердечность, добродушие<sup>29</sup>. Развивая антинемецкую тему, Скрынченко делал вывод, что «немцам уже не господствовать над нами, пришел конец их «дрангу на восток», а главное – начинается несомненное очищение наше от немецкого душехватства»<sup>30</sup>.

Учитывая характер войны, можно понять пафос антинемецкой риторики, и всё же в отношении к немцам России Скрынченко занял незаслуженно жесткую позицию. К 1914 г. в России проживало более 2 млн немцев (из них в Юго-Западном крае около 600 тыс.<sup>31</sup>), большинство из которых было колонистами-земледельцами, вело высокоэффективное хозяйство и сохраняло лояльность по отношению к Российскому государству. Жившие в России немцы были надежным консервативным слоем, который на самом деле был одной из опор монархии. «Кому бы немцы не служили, – писал М. О. Меньшиков, – они служат честно, и это почти без исключений»<sup>32</sup>.

Оправдала ли себя столь жесткая позиция по отношению к «русским» немцам? Едва ли. Скорее, она внесла свой вклад в рост напряженности в русском обществе, которое в годы тяжелой войны особенно нуждалось в стабилизации.

<sup>29</sup> См.: Скрынченко Д. В тревожные дни // Киев. 1914. № 268. С. 1.

<sup>30</sup> Скрынченко Д. Разгадка // Там же. № 232. С. 1. Душехватство – синоним прозелитизма, т.е. стремления распространить свою веру, обратить в свою веру других.

<sup>31</sup> См.: Федюшин О. С. Украинская революция. 1917 – 1918. М., 2007. С. 19.

<sup>32</sup> Меньшиков М. О. Почти иностранное ведомство // Меньшиков М. О. Русское пробуждение. М., 2007. С. 29.

**А. А. Иванов**

*доктор исторических наук, доцент*

**ОТ СИМПАТИЙ К ПРОТИБОБОРСТВУ:  
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В. М. ПУРИШКЕВИЧА  
О ГЕРМАНИИ И НЕМЦАХ**

В отечественной исторической науке бытует довольно устойчивое представление о якобы свойственном русским правым начала XX в. «германофильстве». Это мнение, сложившееся под влиянием обвинений в адрес правых со стороны либеральной оппозиции, следует признать поверхностным и неточным<sup>1</sup>. На наш взгляд, «германофильство» большинства русских правых, которым, вне всякого сомнения, кайзеровская Германия была политически гораздо ближе парламентских Англии и Франции, нужно рассматривать исключительно через призму понимания ими русских национальных интересов, возможность реализации которых на международной арене правые монархисты видели в союзе с близкой им по духу и устройству Германской империей, а не в противостоянии с ней. То же касается и особого отношения к «русским немцам», в которых русские консерваторы видели наиболее благонадежный элемент из числа нерусских народностей, населявших империю. Иначе говоря, так называемое «германофильство» являлось отнюдь не низкопоклонством русских правых перед Германией (в чем не раз их пытались обвинить), а представляло собой лишь убежденность в том, что геополитический союз с Германией в силу политических, династических и экономических факторов является наиболее выгодным для самодержавной России, а добрососедское отношение к немцам, населяющим Россию, оправдано верностью последних русскому престолу.

Однако разразившаяся в 1914 г. Первая мировая война, трактуемая некоторыми правыми как «германо-русская ошибка»<sup>2</sup>, вмиг

---

<sup>1</sup> См.: *Иванов А. А.* «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны : мифы и факты // *Вестник Чебоксарского кооперативного института.* 2009. № 1 (3). С. 202 – 212.

<sup>2</sup> *Винберг Ф. В.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. СПб., 1997. С. 38 [Репринтное издание].

разрушила теоретические построения русских консерваторов, заставив многих из них спешно пересматривать свой взгляд на Германию и немцев<sup>3</sup>. Наглядным примером такой эволюции являются воззрения на Германию и немцев одного из вождей русского монархического движения, руководителя Русского народного союза имени Михаила Архангела и депутата Государственной думы В. М. Пуришкевича (1870 – 1920).

Как и большинство русских правых, во внешней политике Пуришкевич до 1914 г. придерживался определенно прогерманской ориентации. Выступая в конце 1908 г. с думской кафедры с критикой проанглийских симпатий кадетов, Пуришкевич указывал депутатам на уроки истории России, которые, по его мнению, учат, что мы «проигрываем всегда и всюду в тех сношениях и в тех ententes cordiales («сердечных соглашениях», «Антантах». – *А. И.*), которые заключали до сих пор с сент-джемским кабинетом»<sup>4</sup>. По мнению этого правого политика, борьба между Германией и Англией за завоевание рынков заставляла Британию сталкивать Берлин с Петербургом для того, чтобы «вконец похоронить» Россию, опасную для нее на востоке, и максимально ослабить немцев, вздумавших препятствовать английской гегемонии.

«Нас надует сент-джемский кабинет, – констатировал Пуришкевич, – ... в конечном результате все кончится лишь к выгоде Англии». Поэтому, делал вывод правый депутат, русские интересы требуют «самых прочных отношений с теми соседями, которые веками граничат с нами на многие тысячи верст», прозрачно намекая на необходимость русско-германского союза<sup>5</sup>.

Побывав в германском рейхстаге и пообщавшись с немецкими правыми политиками, Пуришкевич в 1909 г. писал: «Я вынес тогда и остаюсь сейчас, познакомившись с десятками германских

---

<sup>3</sup> См., напр.: *Иванов А. А.* «Наша стихия сильнее Нибелунговой...»: отношение правой группы Государственного совета России к Первой мировой войне и ее зачинщикам // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8), ч. 1. С. 64 – 69.

<sup>4</sup> Цит. по: *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской империи : Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907 – 1917 годы. М. ; СПб., 2009. С. 125.

<sup>5</sup> Там же. С. 125–126.

общественных деятелей, при твердом убеждении, что тесная, солидарная, дружная работа обеих наций могла бы наладиться между ними на долгие годы при полном сохранении экономических и духовных интересов каждой из них, если бы доморощенные близорукие политики наши не разжигали бы чувства ненависти к нам соседнего нам сильного народа, сохранившего у себя и веру в Бога, и любовь к родине, и преданность своему Монарху, и чувство рыцарской чести...»<sup>6</sup>.

Заявляя о том, что симпатии русских правых на стороне Берлина и что они основаны на верности монархическому принципу, «наиболее полное проявление коего сейчас наблюдается в Германии», Пуришкевич подчеркивал, что его прогерманская ориентация объясняется отнюдь не какой-то особой любовью к рейху и его подданным. «...Не чувство симпатии к Германии говорит во мне и вызывает строки этого письма; я русский националист до мозга костей и не способен руководствоваться слюнявой сентиментальностью в вопросах исторических судеб моего народа. Для меня, как и для бесчисленных моих единомышленников в России, все нации – чужие, и близкой может быть, как сейчас Германия, только та близость, которая выгодна моему отечеству, и я, и мы утверждаем, что кислая дружба с Англией ...принесет нам только вред. ...Нет, скажу я, мы чужды “дипломатических предрассудков”, как назвал эти мотивы в свое время Бисмарк. Мы ищем только своей выгоды», – разъяснял суть своей позиции правый политик<sup>7</sup>.

Прагматизмом Пуришкевич руководствовался и во взгляде на немцев, населявших Российскую империю. Из всех национальных меньшинств до начала Первой мировой войны политик считал наиболее лояльными именно выходцев из Германии и их потомков, заявляя, что «самая желательная инородческая группа в Думе – немцы». Объясняя эту установку, он констатировал: «Они преданы династии, потому что верят в то, что династия охранит их привилегии в благодарность за долголетнюю преданность»<sup>8</sup>.

---

<sup>6</sup> Пуришкевич В. М. День в Германском Рейхстаге // Прямой путь. 1909. № 12/13. С. 13.

<sup>7</sup> Пуришкевич В. М. Политические дальтоницы : статья из германской «Kreuz Zeitung» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10/11. С. 6 – 7.

<sup>8</sup> ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 648. Л. 14.

Являясь сторонником государственного (имперского) национализма, который он противопоставлял национализму этническому (племенному), Пуришкевич замечал, что такие немцы, как императрица Екатерина II, Миних, Остерман, Меллер-Закомельский, Ренненкампф или Кауфман, являются куда более «своими» для самодержавной России, нежели такие этнически русские либералы-оппозиционеры, как Милуков, Долгоруков, Петрункевич, Родичев и др.<sup>9</sup>

При этом особый пиетет Пуришкевич питал к прибалтийским немцам. Специфика немцев этого края, по его мнению, заключалась в том, что «там живет дворянский элемент, искони верный Престолу, и, следовательно, нет никаких оснований, чтобы когда бы то ни было там могло перемениться отношение Остзейского края к Империи...»<sup>10</sup>.

Однако от «вполне верноподданных балтийских немцев» Пуришкевич отделял немецких колонистов, «захватывающих, путем скупки, земли в ряде губерний на юге России и считающих себя прежде всего сынами Германской империи, а не русскими гражданами»<sup>11</sup>. Указывая на то, что немцы-колонисты, расселившиеся на южных рубежах Российской империи, так и не ассимилировались, сохранили свой язык и культуру и продолжают расширять свои владения, Пуришкевич с думской кафедры предупреждал: «Это угрожает нам переходом в полную власть, в руки немцев»<sup>12</sup>.

Впрочем, его отношение к немцам-колонистам заметно менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Так, когда Пуришкевич избирался во II Государственную думу от Бессарабской губернии, где влияние немцев-колонистов было достаточно ощутимым, он через издававшиеся в Одессе немецкие газеты «*Odessaer Zeitung*» и «*Deutsches Leben*» обратился к немцам края с открытым письмом, в котором заверял последних в «самом сердечном и чистом отношении».

---

<sup>9</sup> Цит. по: *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 27.

<sup>10</sup> Речь В. М. Пуришкевича по смете Министерства внутренних дел : (заседание Государственной Думы 2 мая 1914 г.) // *Прямой путь*. 1914. Вып. 5. (Май). С. 254.

<sup>11</sup> ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 648. Л. 14, 16.

<sup>12</sup> Речь В. М. Пуришкевича по смете Министерства внутренних дел. С. 253.

Называя себя убежденным националистом, но «таким националистом, какими считают себя немцы в смысле немецком», русский правый политик заявлял: «Унаследовав от отца моего, с которым работал и работаю рука об руку, глубокое уважение к немцу-колонисту, стороннику порядка, чести, правды и закона, зная, что в течение 37 лет, т.е. с самого начала введения в Бессарабской губернии земского положения, отец мой (такой же националист, как и я), отстаивая мощну народа и самобытность развития немца-колониста уезда, беззаветно преданного своему самодержавному Государю, ни разу не разошелся с немцами, я, служа в Бессарабской губернии, пошел по его стопам»<sup>13</sup>. Однако, став депутатом Государственной думы, Пуришкевич начинает высказываться в отношении немцев-колонистов уже в другом тоне, что отмечено нами выше.

С началом Первой мировой войны, когда конъюнктура вновь поменялась и хорошо относиться к немцам стало для русских политиков делом политически самоубийственным, Пуришкевич запел в отношении российских немцев совсем другие «песни». «Вы первый заговорили об ожидании народом и армией освобождения от немецкого засилья», – одобрительно писал ему в 1915 г. один из русских офицеров<sup>14</sup>. «Хочу упомянуть об одном большом грехе, который в то время взял Пуришкевич на свою душу, – отмечал в свою очередь член возглавляемого Пуришкевичем РНСМА полковник Ф. В. Винберг. – Он вел озлобленную травлю, давшую горькие плоды, против так называемых “русских немцев”. ...Эта травля была в высокой степени неумна, несправедлива, неблагоприятна и даже бесчестна»<sup>15</sup>.

Причем в нападках на немцев Пуришкевич зашел дальше многих своих политических единомышленников. Если последние, руководствуясь монархической этикой и понимая, куда может завести критика верховного правителя пусть даже враждебного государства, не дерзали шельмовать германского императора Вильгельма II, то Пуришкевича это не сильно сковывало. Имея

---

<sup>13</sup> Друг. 1907. 5 января.

<sup>14</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 495.

<sup>15</sup> Винберг Ф. В. Крестный путь. Ч. 1. С. 94.

до войны славу едва ли не поклонника Вильгельма II (говорили, что письменный стол Владимира Митрофановича украшал портрет германского кайзера), Пуришкевич делает стремительный кульбит и от восхваления «императора-рыцаря» переход к аттестации кайзера как «величайшего наглеца и величайшего лжеца», «коварнейшего человека, каких за сто лет не знал мир»<sup>16</sup>. И очень симптоматично, что в запрещенной в 1916 г. русской цензурой сатирической пьесе публициста и драматурга Г. В. Бостунича (происходившего, кстати, из балтийских немцев и ставшего позже штандартенфюрером СС) Пуришкевич был выведен в характерной роли арестовывающего императора Гибельмании (Германии) – «Рекса Вильденгельма» (кайзера Вильгельма)<sup>17</sup>.

Но ненависть к Германии и немцам, вызванная фактом нападения рейха на Россию, тоже вскоре оказалась отброшенной. После прихода к власти большевиков и начала Гражданской войны, в ходе которой страны Антанты – недавние союзницы – показали себя весьма ненадежными «друзьями» России, Пуришкевич неожиданно вновь обращает свои надежды на Германию. В марте 1919 г., выступая в Ростове-на-Дону с лекцией на тему «Россия вчера и сегодня. Россия завтра», Пуришкевич определенно высказался за русско-германский союз и напал на Англию. «Пуришкевич держится германской ориентации, а кадеты, вероятно, Антанты, и ...существуют теперь на юге только две эти партии, временно заключившие союз для борьбы с большевиками», – отмечал в связи с очередным поворотом политика в своем дневнике писатель М. М. Пришвин<sup>18</sup>.

Таким образом, отношение В. М. Пуришкевича к Германии и немцам было не однозначным. В зависимости от политической ситуации он мог стремительно менять свои взгляды на Германию и немцев. Однако в этих метаморфозах, на наш взгляд, нет ничего удивительного. Будучи, что называется, «реальным политиком» и

---

<sup>16</sup> *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 18.

<sup>17</sup> См.: *Бостунич Г. В.* В Гибельмании : политический шарж в одном действии. М., 1917.

<sup>18</sup> *Пришвин М. М.* Дневники. 1918 – 1919. М., 1994. С. 297.

значительно опережая в политическом прагматизме, граничащем с цинизмом, свое время, Пуришкевич всякий раз руководствовался (и, скорее всего, вполне искренне) государственными интересами Российской империи, как они ему виделись на том или ином историческом отрезке времени. И если Германия и немцы оказывались не способными в его представлении послужить на пользу русских национальных интересов или, еще хуже, становились на их пути, то Пуришкевич с удивительной для многих современников легкостью превращался из «германофила» в «германофоба» и обратно.



**М. Фолльмер**

*магистр*

## **ОБРАЗ РОССИИ В «РАЗМЫШЛЕНИЯХ АПОЛИТИЧНОГО» ТОМАСА МАННА**

«Размышления аполитичного», написанные Томасом Манном в 1915 – 1918 гг., пожалуй, являются самым неоднозначным произведением автора – не только потому, что в них он подводил черту под политикой Антанты, но и из-за критики, доходящей порой до злобы, которую он направил в адрес своего собственного брата Генриха Манна, вставшего на сторону Франции. В силу этого данное произведение считается националистическим и тенденциозным.

Россия в 1907 г. присоединилась к англо-французскому соглашению, заключенному в 1904 г. Причем союз России с Францией имел место уже с 1894 г. В связи с этим у немцев складывалось впечатление, что Германия оказывалась окруженной со всех сторон, загнанной в угол тремя державами, имеющими имперские амбиции и ограничивающими Германию в ее свободном развитии. Тот факт, что немецкое руководство своими неуклюжими дипломатическими действиями во многом способствовало такому положению, был забыт. Подтверждение того, что эти великие державы завидуют молодому населению Германии, ее динамичному экономическому развитию и выдающимся успехам во многих научных областях, современники пытались найти и нашли в «Великой войне».

Пропаганда в странах – участницах войны, ведущая борьбу за общественное мнение и распространяющая ложные слухи, например о том, что «Австрийский император мертв» или что «101 депутат рейхстага из социал-демократической партии под руководством Либкнехта расстреляны, потому что они отказались взяться за оружие»<sup>1</sup>, способствовала такому восприятию ситуации. Собранные в книге Германа Келлермана «Война призраков» (*Krieg der Geister*) официальные заявления руководства и других политиков, а также

---

<sup>1</sup> *Kellermann H.* (Hrsg.) *Der Krieg der Geister. Eine Auslese deutscher und ausländischer Stimmen zum Weltkrieg 1914.* Dresden, 1915. S. 1.

призывы и письма ученых и деятелей искусства из Германии, западных стран и нейтральных государств очень убедительно документируют эти настроения.

В этом сборнике документов, который содержит и очень критические по отношению к немцам мнения и комментарии, Келлерман указывает на то, что из России никакой опасности для Германии через так называемое «скандинавское окно» почти не исходило. Даже линия фронта, длиной в сотни километров, в начале войны рассматривалась скорее как дополнительная площадка, которую надо удерживать, пока враг на Западе не будет побежден. Долгое время интерес исследователей был также направлен в первую очередь на западные поля сражений, что дало повод военному историку Герхарду П. Гроссу озаглавить вышедшую в 2006 г. книгу о военных действиях на Восточном фронте в 1914 – 1915 гг. как «Забывтый фронт»<sup>2</sup>. При этом перед началом Первой мировой войны интерес к России возрос, хотя и незначительно. В качестве примеров можно назвать труды Макса Вебера, Отто Хётцша и географа Альфреда Хетгнера. В связи с летними событиями 1914 г. их дальнейшие исследования пришлось приостановить и отложить.

Независимо от научных исследований, касающихся России, у немцев уже имелись некоторые представления об их соседе на Востоке. Россия выделялась на карте как монолитный блок, но в то же время там проживали десятки этнических групп, говорящих на различных языках, о некоторых из них многие даже не слышали. Но эти представления в основном оставались размытыми, поскольку только очень немногие сами когда-либо были в России. Даже несмотря на распространение массовой печати, было очень немного иностранных корреспондентов, которые могли бы писать соответствующие заметки. Таким образом, Россия оставалась чем-то неизвестным, таинственным, даже непостижимым, привлекательным для одних и отталкивающим для других.

Однако на протяжении веков накопились и получили распространение определенные знания, позволяющие чужое и неизвестное сделать понятным, чтобы наладить контакт. Эти знания отражаются в многочисленных стереотипах, о которых следует здесь упомянуть.

---

<sup>2</sup> См.: *Groß G. P.* (Hrsg.) *Die vergessene Front – der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung.* Paderborn, 2006.

нуть, так как они появляются и в произведениях Томаса Манна. В качестве наглядного примера их распространения даже в научных кругах ниже приводится отрывок из учебника по географии издательства Зедлиц 1908 г.:

Для души русского народа характерны чуткость, задумчивость, национальная гордость. Русским свойственна смена веселого настроения на уныние. Велики их лукавство и вежливость. Необузданная суровость природы воспитала в них невзыскательность, терпение и покорность, но также фатализм, так что они потеряли энергию, за исключением великорусского племени казаков. Длинная зима способствовала развитию ремесел, что развивало у русских ловкость рук, прилежание в торговле и практичность. В то же время она вела их к инертности и пьянству. Русские племена – наполовину азиаты. Их дух несамостоятелен, вместо развитого чувства правды у них слепая вера. Им не хватает исследовательского инстинкта. Подхалимство, взяточничество, нечистоплотность – это настоящие азиатские черты<sup>3</sup>.

Конечно, и у русских сложилось свое впечатление о «прилежных, трудолюбивых, педантичных, но и самолюбивых, высокомерных, сентиментальных и в то же время хладнокровных, расчетливых немцах, которым можно доверять только с большой осторожностью»<sup>4</sup>. Стоит отметить, что эти стереотипы и полученные индуктивным путем суждения в мирное время были взвешенными и в равной мере отражали как положительные, так и отрицательные качества. «Чуткость» и «задумчивость», «вежливость» и «невзыскательность» в данном случае противопоставляются «инертности», «пьянству», «подхалимству» и «взяточничеству». Однако обычно такое положение вещей меняется во времена политических разногласий или экономического давления. В этих случаях противнику приписываются исключительно отрицательные черты. В 1914 г. нациям было необходимо продемонстрировать внутреннее единство, и конструирование образа врага посредством использования известных стереотипов стало своего рода попыткой создать общую основу для коммуникации.

Глядя на Россию, в Германии такую основу нашли достаточно быстро, поскольку выяснилось, что духовной полемики, такой, как

<sup>3</sup> Seydlitz E. von Geographie. Ausgabe B: Kleines Lehrbuch, 23. Bearbeitung. Breslau, 1908. S. 243.

<sup>4</sup> Kopelew L. Und dennoch hoffen. Hamburg, 1991. S. 83.

с интеллигенцией на Западе, с Россией не было, и не только по причине незнания языка, но и из-за распространенного мнения, согласно которому Россия являлась отсталой и варварской страной, с которой такие дебаты на одном уровне вести нельзя.

В этом плане мнения духовно-интеллектуальной элиты совпадали. И в начале войны в работе Томаса Манна «*Gedanken im Kriege*» («Мысли в войне») и одном из писем к брату Генриху можно найти утверждение, что Германия якобы собирается в этой войне разбить «самое порочное полицейское государство» в мире. Но это был один из немногих направленных против России аргументов, которые появлялись в порыве эмоций в первые недели войны летом 1914 г. Позже он отметил, что не испытывал ненависти к России ни в политическом отношении, ни по-человечески. Запад, напротив, он считал виновным.

В отличие от Франции, где президент Академии моральных и политических наук философ Анри Бергсон объявил на собрании вскоре после начала войны о том, что активная борьба против Германии является борьбой цивилизации против варварства<sup>5</sup>, в России, по мнению большинства немцев, не хватало идеи, обладающей притягательной силой и сопоставимой с западной идеей цивилизации. Бергсон, который стоял во главе антинемецкой пропаганды и рассматривал встречающийся еще у Тацита и использовавшийся потом во время семилетней войны стереотип о воинственных германцах, к началу войны во многом способствовал тому, чтобы представления об универсальной цивилизации связывались с Францией. Это означало, что нападение на Францию может трактоваться как нападение на цивилизацию и тем самым на ее универсальные ценности, а любое нападение на цивилизацию является варварством.

Пропаганда Антанты должна была рассматривать в таком аспекте (по крайней мере, в начале войны) все немецкие военные действия. И поскольку немецкие войска во время своего наступления в Бельгии и на юге Франции на самом деле совершали много

---

<sup>5</sup> Ср.: Traub R. Der Krieg der Geister // Der Erste Weltkrieg. Die Ur-Katastrophe des 20. Jahrhunderts. München, 2008. S. 44–53. S. 48. Ср. также: Rolland R. Das Gewissen Europas. Tagebuch der Kriegsjahre 1914 – 1919. Aufzeichnungen und Dokumente zur Moralgeschichte Europas in jener Zeit, 3 Bd Berlin, 1963. Bd 1: Juli 1914 bis November 1915. S. 47.

преступлений в отношении мирных жителей и актов вандализма, мировая общественность должна была обратить внимание на тезис о немецком варварстве. Но так как вскоре выяснилось, что император Австрии жив и социал-демократы в Рейхстаге не отказывались от войны, а напротив, предоставили необходимые кредиты, сообщения Антанты немецкой стороной воспринимались как преувеличение и ложь. Однако в связи с тем, что западные противники посредством своих наблюдений и тезисов смогли стать своего рода авторитетом в трактовке событий, у Томаса Манна и многих других возникло ощущение, что позиция Франции как морального победителя является незаслуженной. С мыслью о цивилизации, с точки зрения немцев, были связаны эксцессы французской прессы и полные ненависти крики некоторых парижских интеллигентов. Томас Манн видел в этом угрозу самобытности Германии. В действительности немецкая сторона очень устала от французской пропаганды, которая в этой войне приобрела совершенно новые масштабы. Чувствуя, что против авторитета союзников в трактовке событий ничего нельзя сделать, но будучи хорошо осведомленным, Томас Манн написал, что немцы оказались непонятым народом, как это неоднократно было и в прошлом.

В образе России у Томаса Манна нет ощущения навязывания чужого «духа» или «жизненной позиции», поскольку в Германию поступало мало информации, и в то же время потому, что определенные им как «русские» принципы соответствовали его представлениям о наднациональной гуманности и противоречили политическим взглядам Бергсона или других представителей Запада. Для образа России в произведении Томаса Манна «Размышления аполитичного» решающим является то, что он разделяет политическую Россию, т.е. «порочное полицейское государство», и страну, где жили Гончаров, Толстой и Достоевский. Ей он оставался верен, несмотря на политическое противостояние Германии и России.

Русофилу Томасу Манну союз России и Франции казался противоестественным, он считал его мезальянсом<sup>6</sup>, который противоречил исторической традиции, так как Россия не участвовала напрямую в 30-летней войне в отличие от Франции, которая при като-

---

<sup>6</sup> См.: *Kurzke H.* Thomas Mann. Ein Portrait für seine Leser. München, 2009. S. 97.

лическом кардинале Ришелье из расчета власти вступила в нее на стороне протестантского короля Швеции Густава Адольфа. После заключения мира в 1762 г. Россия помогла Фридриху Великому и тем самым способствовала становлению Пруссии как пятой европейской державы. Несмотря на все существовавшие разногласия, Россия сохраняла мир с Германией вплоть до 1914 г. – опять-таки в отличие от Франции.

### ***Образ России в творчестве Томаса Манна***

Наряду с возрастающим количеством научных работ о России, до войны в Германии существовали переводы ряда произведений русской литературы, которые стали решающими в процессе формирования у Томаса Манна представлений об этой стране. Большинство романов Толстого и Достоевского на рубеже XIX–XX вв. появились в немецком переводе. Хотя уже в ранних новеллах Томаса Манна ощущается не прямое влияние русской литературы, он сам в автобиографии отмечает, что начал заниматься русской литературой после поездки в Рим в 1898 г. В 1899 г. Т. Манн прочитал роман И. А. Гончарова «Обломов». А во время написания «Будденброков» он читал Толстого и Тургенева. В 1903 г. вышла новелла Томаса Манна «Тонио Крёгер», где он впервые называет русскую литературу «достойной преклонения» и «священной». Многие последующие работы Манна, например статья «Бильзе и я» (1906) или «Мысли во время войны», также опираются в своей аргументации на русскую литературу (в этом случае, на Тургенева). «Не русский ли является самым человечным человеком? Не его ли литература самая человечная, священная из-за своей человечности?» – спросил он читателя в «Размышлениях аполитичного», и сам же утвердительно ответил на этот вопрос. Это видно из следующего отрывка, который во многом похож на упомянутое описание из учебника по географии Зейдлица. Речь здесь идет об Обломове:

Воистину, какой скорбный, безнадежный персонаж! Какая мягкотелость, неуклюжесть, инертность, вялость, какая беспомощность перед жизнью, какая небрежная меланхолия! Несчастливая Россия, это твой человек! И всё же... Возможно ли это – не любить Илью Ильича Обломова, этого обрюзгшего донельзя человека? У него есть национальный антипод, немец Штольц, образец благоразумия, осмотрительности, верности долгу, достоинства и трудолюбия. Но каким же лицемерным педантом

надо быть, чтобы, читая эту книгу, – втайне, но вне всякого сомнения, и сам автор это делает, – не отдавать предпочтения толстому Илье Ильичу перед его энергичным товарищем, не чувствовать и не признавать его внутреннюю красоту, чистоту и внушающую любовь человечность? Несчастливая Россия? Счастливая, счастливая Россия, которая при всей своей нищете и безнадежности в глубине души должна осознавать себя настолько прекрасной и достойной любви, что, понуждаемая литературной совестью к сатирическому самолицетворению, создает Обломова...<sup>7</sup>

Это суждение эстета. Но бросается в глаза то, что даже такие отрицательные черты, как «неуклюжесть», «инертность» или «мягкотелость», интерпретируются положительно, не в последнюю очередь благодаря тому, что образ русских в своей целостности был направлен против французов и авторов, писавших о цивилизации. Но пример героя из романа Гончарова «Обломов» – это только краткий эпизод в «Размышлениях аполитичного». Другие авторы занимают там более значимое место.

Долгое время портрет графа Л. Н. Толстого стоял на письменном столе Томаса Манна. Интересно, что Толстой был для Манна не только эталоном для его собственного творчества. Манн позимствовал у него детальные описания и научился его технике работы. В «Размышлениях аполитичного» мы имеем дело не столько с рассказом о политической рутине и развитии событий на фронте или в стране, сколько о попытке найти ответы на основополагающие вопросы. В данном случае тему определяет не более близкий к светской жизни Л. Н. Толстой, а мыслящий метафизическими категориями Ф. М. Достоевский. Томас Манн считал его «величайшим психологом мировой литературы»<sup>8</sup>. Во время войны произведения Достоевского уже существовали на немецком языке в изданном Артуром Мёллером Ван ден Бруком и Дмитрием Мережковским собрании сочинений.

### ***Федор Михайлович Достоевский***

Славист Альфред Раммельмайер, анализирувавший творчество Достоевского, в 1953 г. писал, что следует опасаться делать из произведений Достоевского всегда актуальный справочник для

<sup>7</sup> Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt am Main, 1983. S. 299.

<sup>8</sup> Kurzke H. Thomas Mann. Ein Portrait für seine Leser. S. 94.

изучения русского характера. Томас Манн этого не делал. Он видел, что у Достоевского встречаются ошибочные суждения. Тем не менее в его произведениях были примеры, которые нашли отражение в «Великой войне» и споре Томаса Манна с братом.

Достоевский еще в 1881 г. по становящейся все более напряженной ситуации видел приближение большой европейской конфронтации. Кроме того, он в своих работах описывал личный опыт, который сделал его персонажем исключительного достоинства. Уже по причине того, что Достоевский был на каторге в Сибири, но потом как приверженец царя и решительный, хотя иногда и сомневающийся, борец за православие был отпущен в Европу, слова Достоевского являлись для Томаса Манна авторитетными.

О «Записках» Достоевского Манн написал, что война принесла ему «удовольствие чтения». «Карандаш восторженно касается полей, и там появляются восклицательные знаки как свидетельство внутреннего согласия». Такая восторженность была следствием того, что в «Записках» он нашел подтверждение своему убеждению о том, что немцы – непонятый и протестующий против Запада народ. Немцев считали другими и во Франции. Но из книги Достоевского выходило, что уже во времена Достоевского Россия так же, как и Германия, должна была защищаться от опеки французских идей. Подобный анализ наблюдается и в других произведениях Достоевского.

Например, студент-юрист Родион Раскольников в романе «Преступление и наказание» гибельно сочетает в себе бедность и тщеславие, нарциссизм и ненависть к себе. Он разделяет людей на «наполеонов» и «вшей», причем более ценные люди, «наполеоны», отличаются беспощадностью. Чтобы подтвердить свою теорию, Раскольников убивает старуху-процентщицу и ее сестру, но в конечном итоге терпит крах из-за угрызений совести и душевных мук. Он приходит к выводу, что такое черно-белое представление неправильно, что мир намного сложнее и совершеннее, чем его идеология. В конце концов, благодаря Сонечке Мармеладовой, Раскольников осознает воздействие трансцендентно-наиндивидуального в природе и находит гармонию веры и знания, природы и духа.



В романе «Бесы» либеральный, сентиментальный Степан Трофимович Верховенский, работая в книжном магазине, отдалается от российской действительности и терпит неудачу в воспитании сына Петра, который вместе со Ставрогиным образует радикальное общество заговорщиков. Их цель – наступление в России анархии, чтобы люди восприняли идеи коммунизма и равенства, – остается нереализованной. Идеи славянофила Шатова тоже терпят неудачу, так как из Бога метафизического он сделал русского национального и таким образом принизил его роль.

И последнее крупное произведение Достоевского – «Братья Карамазовы». Иван Карамазов уверен, что не Бог сотворил человека, а человек Бога. По его мнению, если настоящего Бога не существует и, следовательно, на том свете людей некому наказывать за их грехи, то на земле все разрешено. Такой вывод приводит Карамазова с его нравственно-гуманистическими представлениями в ужас. Но его сводный брат Смердяков не отступает, потому что презирает свой собственный народ. Он убивает отца, крадет его деньги, чтобы уехать с ними во Францию и начать в этой цивилизованной и прогрессивной стране новую жизнь. Но представленная в образе Смердякова идея о западном просвещении, необузданном и свободном от нравственности, погибает от его же собственных рук. В конце остается только чистый душой Алексей как моральный победитель и типичный представитель добродушных русских.

Конечно же, здесь можно найти все упомянутые выше стереотипы. Например, пьянство Мармеладова, слепая вера в идею Петра Степановича, подхалимство Федьки, бывшего слуги Степана Трофимовича, или воплощенную в глубоко религиозных старцах скорбь. Можно было бы продолжить перечислять примеры из произведений Достоевского. В «Дневнике писателя» картина мира Достоевского и его представления о русских, наконец, обобщаются в его последней, Пушкинской речи. О ней Томас Манн говорит и в «Размышлениях аполитичного». Из приведенного ниже отрывка становится понятно, почему:

Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало

того – пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо... И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? <...> Нет; чистая <...> душа решает вот как: «<...> я <...> не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя...<sup>9</sup>

Такая альтернатива наблюдается в различии «цивилизации и варварства», «наполеонов» и «вшей». Других вариантов не дано. Далее в «Дневнике писателя» сказано:

Мы не враждебно <...>, а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу <...> ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите!<sup>10</sup>

С традицией Канта, который рассматривал человека не как средство, а как цель, Томас Манн соглашался, так как она была похожа на гуманистическую традицию, которую он защищал как «Аполитичное» в Германии. «Тот факт, что Достоевский занимался политикой, писал о ней сочинения, не показатель. Он писал их против политики, его политические записки – это размышления аполитичного»<sup>11</sup>, – писал Томас Манн.

Поскольку в положительном образе «Всечеловека», т.е. каждого человека, независимо от национальности, Томас Манн видел именно русского с соответствующим поведением, можно сказать, что классическое определение национализма размывается. Все это касается и других народов, обладающих соответствующими черта-

---

<sup>9</sup> *Dostojewskij F. M.* Puschkin. Eine Skizze. Vorgetragen am 8. Juni 1880 in der Versammlung des Vereins der «Freunde russischer Literatur» // *Dostojewskij F. M.* Tagebuch eines Schriftstellers. München, 2001. S. 495.

<sup>10</sup> *Ibid.* S. 504.

<sup>11</sup> *Mann T.* Betrachtungen eines Unpolitischen. S. 520.

ми. Среди граждан Германии могут оказаться «французы по духу», что отчасти касалось Генриха Манна, а среди французов – «немцы по духу». Особенно Томас Манн восхищался качествами и образцами поведения, которые он видел в немцах. По мнению Манна, русские, как и немцы, были непонятым народом, к которому другие относились неблагодарно. И русские, и немцы виделись ему в наднациональном представлении гуманности, которое было противоположностью существующего во французской прессе представления о цивилизации. Поэтому Томас Манн приветствовал окончание этого мезальянса в 1917 г., когда Россия заключила перемирие, а дальнейшие переговоры закончились навязанным миром. «Если это не обман, то мое сокровенное желание с самого начала войны должно исполниться: мир с Россией! Мир сначала с ней!»<sup>12</sup> – писал он в «Размышлениях аполитичного». К тому времени он уже устал от ненависти, но, тем не менее, не попытался примириться с братом.

Томаса Манна можно критиковать за то, что он, с одной стороны, в «Размышлениях аполитичного» защищает высокие идеалы гуманизма и приводит в пример русскую литературу, но с другой – в практике гуманизма он показал себя несостоятельным. Его отношение к брату и к детям, которые в те годы видели отца угрюмым и раздражительным, не были гуманными. Когда немецкая элита считала, что с Россией нельзя вести разумных дебатов, Томас Манн упорно ссылался на русских классиков, в произведениях которых он находил подтверждение мысли о том, что политика или, как считал Манн, радикальная «политизация» умов, исказила представления о мире «раскольниковых», «ставрогиных», «бергсонов» и «генрихов». Но сам Томас Манн не был свободен от недостатков, которые он критиковал в других.

Образ России в «Размышлениях аполитичного» можно отнести к категории романтических. Он почти не дает представления о политической действительности в Российской империи. Но его «Размышления» являются поучительными. Образ себя и образ врага тесно связаны между собой в чрезвычайных политических ситуациях, например в Первую мировую войну. Стереотипы, лежащие в основе образа врага, могут менять свое значение. Взгляд на чужого

<sup>12</sup> Ibid. S. 588–589.

может совпадать со взглядом чужого на себя самого. Так какой немец не согласится, если русский назовет его прилежным и трудолюбивым? А во взгляде немцев на Францию им в ответ на образ демонизированного соседнего народа появляется восхваляющая характеристика роли собственной страны<sup>13</sup>. Для французов ситуация в отношении Германии соответственно выглядела наоборот, как видно из высказывания Бергсона. Так как образ русских формировался в оппозиции с образом французов, а в Германии почти не было известно об интеллектуальной полемике в соответствующих странах, образ чужого не превратился в образ врага, несмотря на вражду.

Что касается стереотипов как таковых, то их общей чертой является функция упорядочивания положительно или отрицательно маркированных качеств, которые могут размыть четкие этнические или культурные границы, существующие в национализме. Они являются попыткой создать основу коммуникации посредством упрощения. Их игнорирование привело бы к тому, что каждый раз пришлось бы искать тенденциозность в «Размышлениях аполитичного» и других работах<sup>14</sup>.

---

<sup>13</sup> См.: *Fink G.-L.* Vom Alamodestreit zur Frühaufklärung. Das wechselseitige deutsch-französische Spiegelbild 1648–1750 // *Recherches germaniques*. 1991. 21. S. 3–47. Цит. по: *Florack R.* Tiefsinnige Deutsche, frivole Franzosen. Nationale Stereotype in deutscher und französischer Literatur. Stuttgart, 2001. S. 17.

<sup>14</sup> Ср.: *Görtemaker M.* Thomas Mann und die Politik. Frankfurt am Main, 2005. S. 39.

А. Зёлльнер

профессор, доктор

## ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОГО КОНСЕРВАТИЗМА И ЭМИГРАЦИЯ: ОПЫТ ИДЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЗОРА

Представление о западном векторе развития новейшей истории Германии доминирует в исторических исследованиях и прочно укоренилось в современном историческом сознании. Такая тенденция наметилась с начала XIX в. и наиболее ярко стала отмечаться после Второй мировой войны. Ориентация на Запад с разной степенью отчетливости прослеживается в различных сферах – экономической и общественной жизни, в политической культуре страны и в науке<sup>1</sup>. В связи с этим возникает вопрос, коснулась ли волна так называемой вестернизации консерватизма в Германии, т.е. той сферы, которую, по идее, отличает прямо противоположное направление развития, и поэтому простой ответ на этот вопрос кажется нереальным. Ведь консерватизм традиционно воспринимается как идеология, отрицающая любые изменения, хотя на самом деле консерватизм постоянно подвергается изменениям.

Сначала сфокусируем внимание на объективной стороне этого вопроса и ограничим его в историческом плане. Ответ на него возможен лишь в самом общем виде. В своих рассуждениях мы исходим из конкретного определения понятия «политический консерватизм»: интерпретируем это понятие не столько как организованный консерватизм, т.е. правое крыло в спектре политических партий, а как определенный менталитет, который приобретает свои очертания в рамках политической культуры и модифицируется в зависимости от того, идет ли речь о политике вообще, культурной ориентации или о конкретных научных методах. Такое определение политического консерватизма восходит к историческим

---

<sup>1</sup> См.: *Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Bd I : Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik ; Bd II : Deutsche Geschichte vom «Dritten Reich» bis zur Wiedervereinigung Deutsche Geschichte in zwei Bänden. München, 2010 (впервые: 2000) ; Doering-Manteuffel A. Wie westlich sind die Deutschen? Amerikanisierung und Westernisierung im 20. Jahrhundert. Göttingen, 1999.*

исследованиям, в которых консерватизм, как правило, представлен как реакция на модернизацию. Эта впервые проявилось в связи с Французской революцией и с тех пор проявляется в новых формах оппозиции<sup>2</sup>.

Этот своеобразный финал развития консерватизма протекал в бурлящем политическом водовороте XX в., которому немцы способствовали в большей степени, нежели другие нации. И, наверное, можно даже утверждать, что политический консерватизм, с одной стороны, способствовал этой судьбоносной расстановке сил, а с другой – оказался ее первоочередной жертвой. Это проявляется в его бесспорных надломах, в потерях его пресловутой незыблемости, что нанесло жизнеспособности консерватизма гораздо больший урон, чем всем другим политическим идеологиям в Германии, за исключением национал-социализма, который, как известно, вообще в истории современности стал олицетворением «краха цивилизации». В дальнейшем речь пойдет, главным образом, об исторической дисконтинуальности, при этом выявление исторических переломов представляет собой более легкую задачу, нежели их объяснение, поскольку оно предполагает наличие основополагающей причины, которая в результате резких смен режимов в Германии XX в. – в 1918, 1933, 1945 гг. – была поставлена под вопрос. Ввиду этого все претензии на континуальность приобрели характер заклинаний<sup>3</sup>.

Максимально упростим исходное положение, сложившееся в начале XX в., что позволит утверждать следующее: до прихода к власти Гитлера наблюдаются две формы существования немецкого консерватизма, а именно «старый» и «новый» национализм. Первая разновидность ориентировалась на монархию и сословное государство, при этом национальный проект идентичности все больше превращался в националистическую идею. Вторая форма, по словам Эрнста Юнгера, модернизировалась в «стальных бурях» Первой мировой войны в агрессивную, ориентированную на бу-

---

<sup>2</sup> Ср.: *Greiffenhagen M.* Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1986 (впервые: 1971) ; *Mannheim K.* Konservatismus. Ein Beitrag zur Soziologie des Wissens, hrsg. von David Kettler, Volker Meja und Nico Stehr. Frankfurt am Main, 1984.

<sup>3</sup> Ср.: *Saage R.* Rückkehr zum starken Staat? Studien über Konservatismus, Faschismus und Demokratie. Frankfurt am Main, 1983.

дущее политическую идеологию с авторитарными и плебисцитными чертами. Обе формы связывало решительное неприятие Веймарской республики и дополнительное желание создать сильное государство, при этом дебаты вокруг понятия «консервативная революция» показали, что эта противоречивая метафора интерпретировалась с достаточно разных позиций, например, исходя из либеральных, антикапиталистических, даже большевистских и антисемитских видений общества<sup>4</sup>. Более мощным, чем христианский консерватизм, как он сложился в протестантской или католической ветвях, оказался многоголосный хор радикальных противников республики, который наиболее громко звучал в политической культуре, начиная с мирового экономического кризиса, а во времена государственного кризиса затянул похоронную песню демократии<sup>5</sup>.

Конечно же, с методологической позиции в некоторой степени рискованно, отгалкиваясь от этого термина с его появлением, сделать прыжок во вторую послевоенную эпоху и начать исследовать доминирующие формы консервативной мысли в ФРГ. Но если взять за точку отсчета в истории развития немецкого консерватизма фазу расцвета режима Аденауэра, т.е. приблизительно 1960 г., то в идеологическом отношении можно наблюдать одни переломы, несмотря на постоянство политических личностей. Наверное, изменившееся положение снова можно охарактеризовать с помощью двух форм консервативного мышления, которые также оказались в непропорциональном конкурентном соотношении: с одной стороны, после 1945 г. усилился явный ностальгический дискурс Западной Европы, который развивался вокруг программного журнала «Дас нойе абендланд»<sup>6</sup>, но потом постепенно угасал, а с другой стороны, благодаря социологам Фрайеру, Гелену, Шельски стало все активнее пробиваться технократическое сознание, которое отдавало приоритет давлению обстоятельств, а не идеологическим

<sup>4</sup> См.: *Breuer St.* Anatomie der Konservativen Revolution, Darmstadt, 2005 (впервые: 1993).

<sup>5</sup> См.: *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1992 (впервые: 1962).

<sup>6</sup> См.: *Schildt A.* Zwischen Abendland und Amerika. Studien zur westdeutschen Ideenlandschaft der 50er Jahre. München, 1999.

ориентирам<sup>7</sup>. Это означало доминирующее значение структурного консерватизма по сравнению с консерватизмом ценностей, признание политического статус-кво и, что особенно бросается в глаза по сравнению с Веймарским консерватизмом, отход «национального вопроса» на задний план. Ко всему этому добавились усилившийся антикоммунизм, внешнеполитическая интеграция с Западом, проходившая в результате холодной войны, примирение с демократией, которая трактовалась не с партиципаторной точки зрения, а исходя из принципа государственной безопасности.

Прежде чем перейти к основному, более узкому вопросу о степени влияния эмигрантов на развитие немецкого консерватизма, необходимо хотя бы наметить один важный фактор, который усложняет континуальность немецкого консерватизма. Имеется в виду его вовлеченность в национал-социализм, и здесь снова возникает вопрос: есть ли вина консервативной мысли в криминальном развитии внешней и внутренней политики Гитлера? Для ответа на этот вопрос полезно разграничить фазу установления режима национал-социализма и его поражение во Второй мировой войне. Если «национальная революция» Гитлера, вне всякого сомнения, выигрывала от широкой вовлеченности большинства немецкой буржуазии, а также от того, что стремительное внедрение идеологии национал-социализма в общем основывалось на умелом синтезе народных, авторитарно-антидемократических, и, что было важно, антибольшевистских идеологем старого и нового национализма, то сопротивление, которое наблюдалось в христианских и военных кругах, оставалось разрозненным и в конечном итоге безуспешным. Не удалось проложить надежный мост к коммунистическому и социал-демократическому сопротивлению; кроме того, в экстремальных условиях развивающегося тоталитаризма вообще было невозможно действовать независимо<sup>8</sup>.

С такой явно негативной оценкой мы говорим о минимальном консенсусе, который сформировался между союзниками во время

---

<sup>7</sup> См.: *Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. Die liberalkonservative Begründung der Bundesrepublik. Göttingen, 2006.*

<sup>8</sup> Работ о национал-социализме множество. Новейшие из них: *Piper E. Kurze Geschichte des Nationalsozialismus. Hamburg, 2007*; *Wildt M. Geschichte des Nationalsozialismus. Göttingen, 2008.*



войны: несмотря на разные причины, по которым национал-социалисты привели Германию к «немецкой катастрофе» (Фридрих Майнеке), – будь то шовинистический «немецкий национальный характер», или тоталитарный соблазн со стороны шайки преступников, или «заговор олигархов-капиталистов», – жалкий «остаточный консерватизм» казался после режима Гитлера ненадежным фундаментом, на котором можно было бы строить новое немецкое государство и мирное будущее Европы. Обратимся к истории ссылки и эмиграции. История эмиграции хотя и не имеет значения «третьей силы», которая смогла бы играть роль посредника, с одной стороны, между крайне неоднородными силами в Германии, а с другой – быть посредником на международной арене, и тем самым объяснить удивительно быстрое, хотя и небеспрепятственное становление послевоенной Германии, однако в идейно-политическом отношении такая история эмиграции следует собственной логике, которую отмечают исследователи этого вопроса. Но в отличие от левых сил консервативно настроенные представители эмиграции не отличались ни в идеологическом, ни в политическом плане каким-либо единообразием<sup>9</sup>.

Имеет ли вообще смысл ставить в общих чертах вопрос о связи немецкого консерватизма с западным миром и о влиянии немецких эмигрантов-консерваторов на вестернизацию политической культуры в Германии. И «да», и «нет». Или, сказать лучше: и «нет», и «да». «Нет» – потому что невозможно ожидать, чтобы маленькая и к тому же политически неоформленная группа консервативных эмигрантов окажется по-настоящему влиятельным посредником, который реально вступил бы в контакт с западным миром. А «да» – потому что положительный ответ означает возможность более изощренных исследований. Ведь если предположить, что в идейно-политической истории группы интеллигентов, которые в результате бегства от гитлеровского режима оказались в прямой конфронтации с западным образом жизни и благодаря этому явились одновременно олицетворением западнической тенденции, то в руках исследователя окажется весьма интересный материал

---

<sup>9</sup> Энциклопедически обобщающая история эмиграции предложена в издании: *Krohn K.-D.* u. a. (Hrsg.) *Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933–1945*. Darmstadt, 2008 (первое издание: 1998).

для наблюдений<sup>10</sup>. В связи с этим рассмотрим три примечательные фигуры консервативных эмигрантов, уехавших в США, с позиции того, как изменялись их политические убеждения во время эмиграции. Заключающим, более сложным вопросом будет вопрос о том, возможно ли из этих наблюдений сделать выводы об их влиянии на переориентацию немецкого консерватизма в сторону Запада. Более существенные выводы можно сделать в отношении тех, кто вернулся на родину.

Начнем с католического публициста и немецко-американского политолога Вальдемара Гуриана (1902–1954)<sup>11</sup>, который интересен еще и тем, что родился в царской России, до Первой мировой войны переехал в Германию и на протяжении всей своей жизни выступал критиком большевизма. Гуриан начал свою карьеру как представитель католической интеллигенции. Он дружил с Карлом Шмиттом и во времена кризиса Веймарской республики выступал за авторитарное правление, однако уже в этот период дистанцировался от «единого национализма» и проявил себя как критик «большевистского эксперимента» в России. Во времена швейцарской ссылки в 1930-х гг. он одним из первых сформулировал эксплицитную версию тезиса о тоталитаризме, причем этот тезис был направлен скорее против модернизации, нежели против определенного режима. В США Гуриан уже в 1930 – 1940 гг. сформулировал четкое противопоставление между тоталитарным и демократическим государством, открыв для себя то «альтернативное» мировоззрение, ядро которого заключается в «западно-демократическом понимании политики». Тем самым Гуриан распрощался с авторитарными взглядами, характерными для Веймарского периода, а также со своими бывшими католическими антимодернистскими воззрениями.

При этом интересен тот факт, что проявившееся здесь примирение между авторитарным происхождением и либерально-демократическим, т.е. прозападным будущим, в дальнейшем в теории

---

<sup>10</sup> В рамках этой методологической установки исследовались биографии группы ученых-политологов (см.: *Söllner A. Deutsche Politikwissenschaftler in der Emigration. Studien zu ihrer Akkulturation und Wirkungsgeschichte.* Opladen, 1996. В данной работе особое внимание следует уделить в вводной главе: «Vom Staatsrecht zur, political science». S. 5–30).

<sup>11</sup> См.: *Thümmler E. Katholischer Publizist und amerikanischer Politikwissenschaftler. Eine intellektuelle Biographie Waldemar Gurians.* Baden-Baden, 2011.

скорее осталось имплицитным, в то время как Гуриан, который до самой смерти позиционировал себя как специалист по международным отношениям, выступал за всемирно-политическую ведущую роль США, тем самым заняв передовую позицию в антикоммунистическом лагере холодной войны. Гуриан часто приезжал с лекциями в западную послевоенную Германию с целью просветительской работы в американском стиле, т.е. выполнял педагогическую демократическую миссию. Интересным и амбивалентным является также то, что Гуриан не пользовался особым расположением в кругах приверженцев старой Европы и не воспринимался в контексте христианских правящих партий, которые могли бы неплохо использовать амбициозную базу его внешней и внутренней антикоммунистической политики.

В консервативном секторе особой фигурой является еврейский философ Лео Штраус (1899 – 1973)<sup>12</sup>, который интересен во многих отношениях: начиная с Веймарской эпохи и до 1970-х гг. в США, он со страстным увлечением занимался историей идей и эзотерической герменевтикой классических текстов, а в настоящее время считается праотцом американского неоконсерватизма. Одновременно с этим в начале существования ФРГ Штрауса воспринимали с большой настороженностью, а его идеи обсуждались лишь в рамках академического дискурса. Идеино-политическое развитие Лео Штрауса станет информативным для нашей тематики, если позволить себе экстраполяцию, выявив политические мотивы в его работах и спроецировав их на эпохальные события германо-американской истории XX в.

Если мы это сделаем, то станет очевидным, что просветительская программа веймарских публикаций Лео Штрауса сводилась к авторитарной картине мира, а его работы о Гоббсе и о еврейских мыслителях Средневековья отличались полным отсутствием интереса к формированию демократических традиций. В то же время его статьи американского периода, которые более глубоко касались политической этики античной Греции и тем самым устанавливали

---

<sup>12</sup> Литература по Штраусу необозрима. Чтобы иметь общее понятие, см.: *Söllner A.* Leo Strauss // *Ottmann H.* (Hrsg.) *Karl Graf Ballestrem : Politische Philosophie des 20. Jahrhunderts.* München, 1990. S. 105–122 ; *Bluhm H.* *Die Ordnung der Ordnung. Das politische Philosophieren von Leo Strauss.* Berlin, 2007 (первое издание: 2002).

прочную связь с западноевропейской политической традицией, интересны тем, как Штраус перекрещивал понятия идеала английского джентельмена и практику американской демократии и таким образом интерпретировал западно-либеральное понимание политики в качестве современного исполнения античного учения об этике, которая, как известно, на практике была ничем иным, как господством идеалов буржуазной элиты. Этот синтез этики Сократа и политического учения был ориентирован на статус-кво и оказывал заметное антикоммунистическое воздействие, как и постепенно формирующееся сближение между либерализмом и консерватизмом в послевоенный период, но, конечно же, этот синтез в своей детальной разработанности дистанцировался от серой действительности реальной политики, что, напротив, способствовало его канонизации. Будучи торжественно вплетенным в большую традицию «Западной цивилизации», как она преподавалась в американских колледжах, этот синтез подходил для конформистской идеологии демократического «общества потребителей», которое в Германии называлось «нивелированным обществом среднего слоя». Если правда то, что немецкий консерватизм XX в. отличается глубокой нестабильностью и надломами, тогда этой особенности консерватизма в трудах еврейского германо-американского философа Штрауса противостоит поразительная континуальность, воздействие которой в качестве примера не лежит на поверхности, но способно оказывать длительное влияние. Однако значительные идейно-исторические смещения горизонтов, как, например, вестернизация политического менталитета, как раз и отличаются подобной скрытостью и длительностью.

В качестве третьего примера карьеры эмигранта-консерватора приведем фрайбургского профессора-политолога и основателя научной школы Арнольда Бергштрессера (1896 – 1964)<sup>13</sup>. Его значение в истории влияния эмигрантов на консерватизм лишь отчасти ясно и требует обоснования. С одной стороны, Бергштрессер яв-

---

<sup>13</sup> См.: *Söllner A. Normative Verwestlichung? Die politische Kultur der frühen Bundesrepublik und Arnold Bergstraesser // Fluchtpunkte. Studien zur politischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Baden-Baden, 2006. S. 181–200.*

ляется яркой фигурой не столько эпохи эмиграции, сколько этапа возвращения эмигрантов на родину, т.е. он появляется на политической сцене лишь в 50 – 60-е гг. С другой стороны, можно только строить догадки, был ли Бергштрессер консервативным либералом или либеральным консерватором, либо просто умным и гибким современником, который сумел обойти драматические переломы немецкой истории XX столетия. Когда в ФРГ в видимом сближении с руководящими кадрами ХДС до Курта Георга Кизингера и Аденауэра он сам начал с успехом проявлять инициативу, он не оторвался от своего академического фундамента. Напротив, значительное влияние Бергштрессера основывалось на умелой комбинации академического учения и политико-общественной активности, что демонстрируют в первую очередь его активная поддержка молодого поколения ученых-политологов, участие в политическом образовании в рамках школы и за ее пределами, а также основание политических академий и научных центров.

Но с каким именно идейным и идеологическим направлением было связано имя Бергштрессера в академической и политической культуре молодой ФРГ? Если рассматривать этот вопрос с библиографической и публицистической позиции, то в начальной фазе, в 1920-е гг., проявляется консервативно интерпретируемое республиканство в той форме, в которой оно представлено во французской книге «Смысл и границы взаимопонимания между нациями», вышедшей в 1930 г.<sup>14</sup> Однако с началом веймарского кризиса республиканство быстро оказывается за бортом политических идей, ему на смену приходит авторитарное понимание экономики и государственного устройства. Эмиграция в США произошла достаточно поздно и против его воли, скорее не из-за политических разногласий с гитлеровским режимом, а из-за появления знаменитой «еврейской бабушки». Эта двусмысленность, которая делала его подозрительным как для американцев, так и в кругах эмигрантов. В 1940-е гг., будучи профессором

---

<sup>14</sup> См.: *Anter A. Die Macht der Vergangenheit über die Gegenwart. Arnold Bergstraesser und Ernst Robert Curtius als Analytiker der französischen Kultur // Söllner A. (Hrsg.) Deutsche Frankreich-Bücher aus der Zwischenkriegszeit. Baden-Baden, 2011. S. 125 – 138.*

германской цивилизации, Бергштроссер посвятил себя делу спасения немецкой истории культуры от посягательств нацистских варваров. В этом контексте возникла его книга о Гёте, в которой Гёте, немецкому герою духа, предоставлено почетное место в галерее западноевропейских предков. Возвращение Бергштроссера в только что основанную ФРГ прошло под знаком программного неогуманизма. Вскоре после этого во Фрайбурге возникло политическое учение, которое имеет больше риторические, нежели теоретические основы и воспринимается как азбука немецкого послевоенного консерватизма.

Если выстроить в один ряд эти элементы, то может сложиться впечатление, что послевоенный консерватизм не был изобретен в рамках Фрайбургского политического семинара, но был сконцентрирован в идейно-теоретических представлениях. Сюда относятся, в первую очередь, фундаменталистский призыв к западноевропейской традиции при решительном включении западно-либерального мира, ориентированная на статус-кво защита институтов основного закона, включая партийную демократию и социально-правовое государство, и не в последнюю очередь антикоммунистическая внешняя политика с положительной установкой по отношению к европейской интеграции, но в то же время сохранение признания американской гегемонии. Еще раз подчеркнем отличие от веймарского консерватизма – этот консерватизм не был националистически, антидемократически и антизападнически настроен, а, напротив, активно участвовал в создании «трансатлантического моста» как в идеологическом отношении, так и в сфере реальной политики; можно даже рассматривать его в качестве главной опоры этого моста.

Было бы большой ошибкой делать из этого заключение, что консервативно ориентированные эмигранты и ремигранты были решающим фактором значительной переориентации послевоенного консерватизма в сторону Запада. На это не может претендовать и эмиграция в целом, поскольку ее центр тяжести в качественном и количественном плане был смещен в левый сектор, хотя левые в свою очередь развивались в сторону либеральной середины. Возможно, подводя итог совместным достижениям эмигрантов, мож-

но сказать, что они распахнули окно на Запад, и в этом смысле содействовали смещению идейно-политических горизонтов. В более широкой перспективе переориентация немецкого консерватизма была вызвана скорее не идейными движениями, а общественными и мировыми политическими явлениями. В таком крупном пространстве консервативное мышление породило важные формы приспособления к реальной политике, однако почти не предоставило собственные теоретические или идейно-исторические обоснования для перехода в политическую культуру 1970-х гг., которая была подготовлена такими противоречивыми явлениями, как конец эры Аденауэра и конфликт поколений 1968 г.<sup>15</sup>

---

<sup>15</sup> См.: *Greiffenhagen M., Greiffenhagen S.* Ein schwieriges Vaterland. Zur politischen Kultur Deutschlands. München, 1993 (первое издание: 1979).

И. Ю. Князева

магистр

## РОЛЬ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Работа посвящена месту России в представлениях деятелей «консервативной революции» о Европе. Сначала охарактеризуем «европейскую идею» данного идеологического направления, затем – воззрения «консервативных революционеров» на Россию, в конце же попытаемся ответить на вопрос о том, как, по мнению «революционных консерваторов», должна была строиться немецкая политика по отношению к России в контексте их «европейской идеи».

Идея объединения Европы, представления о том, что страны европейского континента связаны между собой не только географической близостью, но и составляют некую общность, позволяющую говорить о перспективах их объединения, отнюдь не нова. Исследователи находят ее следы еще в Средние века. На волне растущего интереса к этой проблеме в последнее время был опубликован ряд научных работ, цель которых – найти истоки европейской интеграции, проследить историю «европейской идеи» и выделить факторы, повлиявшие на ее развитие<sup>1</sup>.

Ученые, занимающиеся данной темой, неизбежно сталкиваются с тем, что путь «европейской идеи» в истории был весьма извилист и неоднозначен: на нем встречались зигзаги и тупики в виде представлений об особых путях развития Европы – представлений, так и не воплощенных в реальности<sup>2</sup>. К ним относятся и идеи деятелей «консервативной революции» – идеологического течения Веймарской республики, явившегося реакцией на Вер-

---

<sup>1</sup> См.: *Buck A.* Der Europa-Gedanke. Tübingen, 1992 ; *Tielker W.* Europa – die Genese einer politischen Idee : von der Antike bis zur Gegenwart. Münster, 1998.

<sup>2</sup> См.: *Conze V.* Europa der Deutschen. Oldenburg, 2005 ; *Elvert J.* Mitteleuropa! Deutsche Pläne zur europäischen Neuordnung (1918 – 1945). Stuttgart, 1999 ; *Grebing H.* Der «deutsche Sonderweg» in Europa 1806 – 1945. Eine Kritik. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1986.



сальский мир и возникшего на волне активного недовольства положением Германии после Первой мировой войны. Кризис национального государства, не способного решить общеевропейские проблемы, породил потребность в новом наднациональном порядке и соответствующих коренных изменениях. В связи с господствующим в то время представлением о примате внешней политики над внутренней логично, что на этой арене шел и поиск решения внутренних проблем Германии. Поэтому возник целый ряд идей преобразования европейского порядка. С другой стороны, любые внутренние перемены в Германии считались имеющими смысл лишь тогда, когда можно было проследить их влияние на международную ситуацию.

Главными интеллектуальными характеристиками «консервативной революции» были антилиберализм, антидемократизм, национализм, отрицание идей 1789 г., ориентация на Восток. Это идеологическое направление было весьма противоречивым, также как и характерные для него представления о Европе, которые следует рассматривать как явление сложное и многослойное<sup>3</sup>.

Историки различают две основные разновидности «европейской идеи», развиваемые «консервативными революционерами»: идея «Срединной Европы» и «имперская идея». Хотя и та, и другая не были придуманы «революционными консерваторами», а существовали в Германии и ранее, развили и популяризировали эти парадигмы именно они. Обе модели предполагали отход от Запада, Версальской системы и идей Великой французской революции, которые ассоциировались с неизбежным закатом, а также переориентацию на Восток, где лежало будущее человечества. И та, и другая имели общую цель – объединение территорий нескольких стран (как правило, восточноевропейских) под немецким руководством. За основу их создатели брали представления о неравенстве, точнее

---

<sup>3</sup> См.: *Mohler A.* Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932. Ein Handbuch. Graz-Stuttgart, 1999 ; *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1995 ; *Sieferle R. P.* Die konservative Revolution. Fünf biografische Skizzen. Frankfurt (M.), 1995 ; *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1994 ; *Weißmann K.* Konservative Revolution : Forschungsstand und Desiderata // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Berlin, 2000. S. 119 – 139.

– о неравноценности народов. Эти представления базировались на теории молодых и старых народов А. Мёллера ван ден Брука<sup>4</sup>.

По мнению «консервативных революционеров», «молодые» народы обладают колоссальным потенциалом, способны повлиять на будущее человечества и создать что-то новое. В связи с этим они представляют собой большую духовную и культурную ценность. Их противоположность – «старые», «закостенелые» народы, достижения которых уже позади. Удел последних – закат и вымирание. Германия, конечно же, относилась к первой категории так же, как, например, Россия и Италия. К категории «старых» народов причислялись в первую очередь Англия и Франция.

Особую группу составляли маленькие народы, которые, по мнению революционных консерваторов, не предназначены для великих деяний. Их участь заключалась в том, чтобы быть ведомыми более «сильными» народами. К малым относились в первую очередь народы «Межевропы» (государств на территории между Германией и Советским Союзом: Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Болгарии, прибалтийских стран и Румынии)<sup>5</sup>. Например, Макс Хильдеберт Бём, автор труда «Европа ирредента», писал по этому поводу: «Существование раздутого польского государства и как с геополитической, так и с национальной точки зрения неудачно сформированного государственного образования Чехословакии между двумя здоровыми организмами Германии и России немислимо»<sup>6</sup>.

Особое положение среди молодых народов занимали немцы. Для Мёллера ван ден Брука и его единомышленников это означало ответственность перед маленькими европейскими народами, а также давало право требовать расширения жизненного пространства немцев на Восток за счет тех же самых народов. Но это не были националистические планы завоевания господства. Представления «консервативных революционеров» о Европе носили мессианский характер, стремились они не к уничтожению народов Восточной и Центральной Европы, а всерьез верили в то, что немецкое руко-

---

<sup>4</sup> *Moeller van den Bruck A.* Das Recht der jungen Völker. München, 1919.

<sup>5</sup> *Wirsing G.* Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft. Jena, 1932.

<sup>6</sup> *Boehm M. H.* Europa Irredenta. Eine Einführung in das Nationalitätsproblem der Gegenwart. Berlin, 1923. S. 315.

водство пойдет на пользу этим малым народам и улучшит их условия жизни.

Ван ден Брук указывал еще на одну особенность немцев: положение между Востоком и Западом, которое, по мнению Мёллера, делало их культурным посредником и защитником европейских ценностей. Немецкий народ предназначен сохранять «баланс сил между такими противоречиями, как работа и потребление, истощение и неистощимость, Запад и Восток»<sup>7</sup>. Успешное выполнение этого задания должно было сделать немцев главной силой на континенте.

Апологеты Срединной Европы стремились к созданию союза государств восточной и юго-восточной части этого континента – союза, в котором Германии следовало занять доминирующую позицию. Западный рубеж «Срединной Европы» должен был совпасть с западной границей Германии, восточный – с границей Советского Союза. Таким образом, в ее состав предполагалось включить геополитические пространства от Северного моря до Черног. Первым шагом на пути к формированию «Срединной Европы» должно было стать присоединение Австрии, в результате чего возникла бы так называемая «Великогермания»<sup>8</sup>.

Что касается имперской идеи, то ее сторонники исходили из представления о вечном Рейхе как сакральной исторической и государственной форме, для воплощения которой был избран немецкий народ. Третий рейх немецкой нации (по аналогии с первым средневековым Рейхом и вторым Рейхом Бисмарка) должен был включать и народы Восточной Европы. Основание третьего Рейха рассматривалось как историческая миссия Германии, призванной спасти цивилизацию Старого Света<sup>9</sup>.

---

<sup>7</sup> *Moeller van den Bruck A.* Der politische Mensch : der Aufbruch nach Osten. Breslau, 1933. S. 154.

<sup>8</sup> *Elvert J.* Op. cit. ; *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915 ; *Jaworski R.* Die aktuelle Mitteleuropadiskussion in historischer Perspektive // *Historische Zeitschrift* 247 (1988). S. 529 – 550 ; *Le Rider J.* Mitteleuropa. Auf den Spuren eines Begriffes. Wien, 1994.

<sup>9</sup> *Aubin H.* Das erste deutsche Reich. Breslau, 1940 – 1941 ; *Beilner H.* Reichsidee, ständige Erneuerung und Führertum als Elemente des Geschichtsbildes der Weimarer Zeit // *Geschichte in Wissenschaft u. Unterricht* ; 28(1977) 1. S. 1–16 ; *Cohn N.* Das Ringen um das Tausendjährige Reich. Bern ; München, 1961 ; *Habsburg O.* Die Reichsidee. Wien ; München, 1986 ; *Hildebrand K.* Das vergangene

В большинстве случаев эти два термина («Срединная Европа» и «вечный немецкий Рейх») не отделимы друг от друга, так как часто с легкостью применяются по отношению к одному и тому же комплексу представлений. Поэтому они должны рассматриваться вместе.

России в этих идеологических конструкциях отводилась особая роль. История, текущая политическая ситуация и культура нашей страны в Веймарской республике в целом обсуждались активно. Основание этому не в последнюю очередь дала Октябрьская революция, которая сделала Россию неким мировым феноменом. Являясь противоположностью ненавистному Западу, она находилась в центре внимания революционных консерваторов, что в наибольшей степени отразилось в произведениях Артура Мёллера ван ден Брука и Эрнста Никиша.

Следует отметить, что дискуссии о русском обществе, его развитии и будущем были в массе своей чисто теоретическими – абсолютное большинство политических публицистов, много писавших о России, ни разу там не были. Их представления о России и русском обществе были основаны на знакомстве с русской литературой XIX в. (прежде всего с произведениями Толстого и Достоевского). Из всех представителей революционно-консервативного лагеря только Эрнст Никиш и Эрнст Юнгер однажды побывали в СССР<sup>10</sup>.

Несмотря на это, идейный мир консервативной революции сложно представить без тех или иных образов России. Революционные консерваторы в большинстве своем придерживались того мнения, что Россия, являясь страной с большим будущим, изначально к Европе все же не относилась.

---

Reich. Berlin, 1999 ; *Hildebrand K.* Deutsche Aussenpolitik 1871 – 1918. München, 1994 ; *Leisner W.* Das demokratische Reich : Reichsidee und Volksherrschaft in Geschichte und Recht. Berlin, 2004 ; *Neuhaus H.* Das Reich als Mythos in der neueren Geschichte // *Mythen in der Geschichte.* Freiburg, 2004 ; *Schüßler W.* Vom Reich und der Reichsidee in der deutschen Geschichte. Leipzig ; Berlin, 1942 ; *Wrede M.* Der Kaiser, Das Reich, die deutsche Nation – und ihre «Feinde» : Nationen- und Reichsidee und der «Durchbruch des Politischen» im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden // *Historische Zeitschrift* ; 280(2005)1. S. 83 – 116.

<sup>10</sup> *Heeke M.* Reisen zu den Sowjets : der ausländische Tourismus in Russland 1921 – 1941. S. 532–533.

Русская культура считалась чем-то обособленным. Петр I, к примеру, оценивался, как правило, негативно, так как попытался заменить изначальную, «настоящую» русскую культуру чужеродной для русского народа европейской культурой. Один из наиболее известных представителей консервативной революции, Освальд Шпенглер, писал по этому поводу в своем труде «Пруссачество и социализм» (1919) следующее: «дух петровской государственной машины (Petrinismus) за 200 лет своего существования являлся чем-то насильственным. Построенное им можно будет оценить только из очень далекой перспективы. Видимо, он расширил границы «Европы» до Урала»<sup>11</sup>. Тем интереснее тот факт, что Шпенглер, с самого начала считавший большевизм явлением типично западным и для российской культуры чуждым, с течением времени кардинально изменил свое мнение и стал рассматривать Октябрьскую революцию как возвращение России в Азию после того, как она после петровских реформ два века принадлежала Европе<sup>12</sup>. Он приветствовал это, так как, по его глубокому убеждению, Россия была «господином Азии», самой «Азией»<sup>13</sup>.

Мёллер ван ден Брук частично соглашался с ним, говоря о том, что Россия хотела стать Европой, с чем были связаны все ее завоевания на Западе. Корень многих проблем России виделся ему в том, что она воспринимает саму себя как Европу, однако это противоречит реальности. По той же причине Мёллер ван ден Брук считал создание ориентированного на Запад Санкт-Петербурга ошибочным решением и подвергал его критике. Историческая миссия России, по его мнению, лежала на Востоке. Таким образом, «развитие пошло по обратному пути: насколько Россия хотела отодвинуть свои границы на Запад, настолько же теперь она откатывается назад на Восток»<sup>14</sup>. При этом Мёллер не хотел определять Россию

<sup>11</sup> *Spengler O.* Preußentum und Sozialismus. München, 1919. S. 113.

<sup>12</sup> *Kraus H.-C.* «Untergang des Abendlandes» – Russland im Geschichtsdenken Oswald Spenglers // *Deutschland und die Russische Revolution 1917 – 1924*, hrsg. v. Gerd Koenen / Lew Kopelew (West-östliche Spiegelungen, R. A, Bd 5). München, 1998. S. 277–312.

<sup>13</sup> *Spengler O.* Jahre der Entscheidung. München, 1933. S. 152.

<sup>14</sup> *Moeller van den Bruck A.* Der politische Mensch : Der Aufbruch nach Osten. S. 158.

как страну азиатскую. По его мнению, Россия была «не Азией и не Европой, а просто Россией»<sup>15</sup>.

Вне зависимости от этого революционные консерваторы считали русских народом многообещающим. К примеру, Освальд Шпенглер писал: «Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее»<sup>16</sup>.

Э. Никиш, повествуя о своей поездке в Советский Союз в 1932 г., признавал: «Покинув Россию и пересекая границу Германии, ничто не ощущается болезненнее, чем это: Германия, будучи более цивилизованной, состоятельной, чистой и ухоженной, является при этом всего лишь страной без исторической миссии и духовности»<sup>17</sup>.

Мёллер ван ден Брук также пророчил русским большое будущее, хотя и несколько позже. Согласно его теории культурного развития наций, каждый народ проходит в своей истории стадии становления, расцвета и упадка. По его мнению, немцы переживали на тот момент пик своего развития, в то время как русские находились в самом его начале. Мёллер ван ден Брук даже предполагал, что русские – не народ, а целая раса, которая когда-нибудь раздробится на отдельные национальности<sup>18</sup>.

Какие последствия все это должно было иметь для России? Какая роль отводилась ей консервативными революционерами во внешней политике Германии?

Россия играла большую роль в их планах относительно Средней Европы, так как, будучи способной разделить ревизионистские планы Германии, она казалась им единственно возможным внешнеполитическим партнером. Хотя советская власть имела немного сторонников в революционно-консервативных кругах, Россия была для них в первую очередь противоположностью Запада, который вызывал намного больше ненависти, чем большевизм. По

---

<sup>15</sup> *Moeller van den Bruck A. Der politische Mensch : Der Aufbruch nach Osten. S. 159.*

<sup>16</sup> *Spengler O. Preußentum und Sozialismus. S. 98.*

<sup>17</sup> Цит. по: *Heeke M. Reisen zu den Sowjets : der ausländische Tourismus in Russland 1921 – 1941. S. 532 – 533 (Niekisch, «eine militante Leistungsgesellschaft», 1975 (zuerst 1932).*

<sup>18</sup> См.: *Moeller van den Bruck A. Das Recht. S. 37.*

этой причине Советский Союз рассматривался не только как возможный, но даже как желательный внешнеполитический партнер для Германии. Кроме того, сближение с восточноевропейскими государствами не могло произойти без разрешения и поддержки Советского Союза.

Такого мнения придерживался, к примеру, Ганс Церер, редактор журнала «Ди Тат». Он придавал большое значение необходимости создания единого экономического пространства в Средней Европе как первому шагу к объединению этих стран. Церер был убежден, что если «германская экономическая политика переместится на Восток и Юго-Восток, а оттуда в Азию», хорошие отношения с Россией будут необходимы<sup>19</sup>.

Его коллега и автор концепции «Межевропы» Гизельхер Вирсинг рекомендовал Германии установить связь с «молодыми народами Востока», путем революционных преобразований перестроить внутренний порядок Германии по принципу национального социализма и создать таким образом предпосылки для совместной работы с Советским Союзом<sup>20</sup>.

Никиш добавлял, что хотя Россия и «не рай», это – «военный лагерь в борьбе с Западом» и даже «центр антиверсальского мира». В 1920-е гг. он еще относился к сторонникам идеи Срединной Европы (но вскоре свои позиции изменил). Чтобы создать Срединную Европу, следовало, по его мнению, «неизбежно пройти длительные расстояния вместе с Россией-Азией и разделить ее тяжелую судьбу»<sup>21</sup>.

Уже упомянутый Макс Хильдеберт Бём писал, что «уходящая эпоха была отмечена попыткой западнизации Восточной Европы. Восток и связанная с ним судьбой Срединная Европа находятся в начале борьбы за возвращение их естественной государственной формы». По его мнению, «в этом процессе становления образа Европы с Востока без сомнения решающую роль будут играть два народа» – Германии и России<sup>22</sup>.

<sup>19</sup> См.: Hecker H. Die Tat und ihr Osteuropabild. Köln, 1974. S. 137.

<sup>20</sup> См.: Ibid. S.138.

<sup>21</sup> Taschka S. Das Russlandbild von Ernst Niekisch, Erlangen-Nürnberg, 1999, S. 40.

<sup>22</sup> См.: Boehm M. H. Op. cit. S. 315.

Однако Советский Союз рассматривался не только как партнер, но и как возможный конкурент на пути к воплощению планов Срединной Европы. Но это для консервативных революционеров также было поводом установить экономическое и политическое партнерство двух стран. Тесная связь с Советским Союзом должна была исключить его из числа потенциальных соперников в Восточной Европе.

Страх подпасть под влияние большевизма, который для многих был важным контраргументом в дискуссии о Советском Союзе как возможном союзнике, многими деятелями «консервативной революции» отвергался как безосновательный. Большевизм они считали специфически славянской формой социализма а, скажем, Мёллер ван ден Брук постулировал, что у каждого народа свой собственный социализм<sup>23</sup>. Поэтому он тоже выступал за партнерство с большевиками, особенно ввиду слабости внешнеполитического положения Германии.

Авторам журнала «Ди Тат» большевизм также представлялся подходящим для русских, но ни в коем случае не для немцев – в частности, потому, что русский народ они считали моложе немецкого (лет на 70, а то и на 150). «Ди Тат» полагал, что Россия быстро наверстает эти годы, так как Октябрьская революция дала ей импульс к быстрому развитию общества<sup>24</sup>.

Таким образом, революционные консерваторы считали, что Срединная Европа должна была идти своим собственным путем, отличающимся как от западноевропейского, так и от русского, а именно – третьим путем, целью которого был воображаемый ими Третий рейх.

Кроме того, зачастую представители «консервативной революции» смотрели на Россию как на обладательницу столь желанного жизненного пространства на Востоке.

Как уже говорилось, Мёллер ван ден Брук считал историческое стремление России к завоеванию западных областей протivoестественным. По его мнению, после Первой мировой войны Россия возвращалась в свои природные границы – как географические,

---

<sup>23</sup> Изначально этот тезис принадлежал Освальду Шпенглеру («Пруссачество и социализм»). Мёллер ван ден Брук его развил, в частности, в работе «Социализм и внешняя политика».

<sup>24</sup> См.: *Hecker H.* Op. cit. S. 150.



так и духовные. Так он оправдывал «Drang nach Osten» по отношению к бывшим российским территориям: «...не Россия движется на Запад, а Европа на Восток. И это переключается с общими принципами развития Европы, которые уже давно содержат в себе это направление, заторможенное русскими, предъявившими претензии на то, чтобы стать европейцами. Этой России больше нет. И путь для Европы свободен. Это относится к бывшим пограничным областям России, которые, как Прибалтика, Финляндия или Польша, в культурном плане уже давно стоят в тесной связи со Средней Европой. Но это относится и к самой России, которая только сейчас, освобожденная от всех заданий, которые она не могла выполнить, приходит к своему «я», которое состоит в органической связи с европейским миром. И этот результат уже не исправить. Русские подтвердили это для себя самих»<sup>25</sup>. Таким образом, по мнению ван ден Брука, сложилась ситуация, когда Россия отдавала территории, уже давно мешавшие ей и отвлекавшие ее от истинного пути. К примеру, вместо Прибалтики она должна интересоваться Сибирью, так как была задумана как «страна большого славянского будущего»<sup>26</sup>.

Мёллер ван ден Брук говорил и о возможном распаде России на маленькие национальности, имея в виду преимущественно европейскую часть страны, т.е. районы к западу от Урала, и даже не мог представить себе для этих территорий другой судьбы. Он также считал весьма возможным, что «нашедшее себя славянство будет расширяться в направлении Индии или Константинополя», а европейская Россия в этом случае когда-нибудь станет частью немецкого Третьего рейха<sup>27</sup>.

Среди всех «революционных консерваторов» наибольший интерес представляла для национал-большевиков возможность расширения на Восток за счет России. Так возникли принципиально новые модели европейского обустройства, выходившие далеко за пределы Средней Европы в своем стремлении к Рейху, кото-

<sup>25</sup> *Moeller van den Bruck*. Die Rechenschaft über Russland. Berlin, 1933. S. 175.

<sup>26</sup> *Moeller van den Bruck*. Zur Einführung, Bemerkungen über sibirische Möglichkeiten // F. M. Dostoevskij. Aus einem Totenhaus, Sämtliche Werke, zweite Abteilung; Achtzehnter Band. München, 1908. S. XIV.

<sup>27</sup> *Schlüter A.* Moeller van den Bruck // *Leben und Werk*. Köln ; Weimar ; Wien, 2010. S. 183.

рый должен был простираться от «Владивостока до Флиссингена» (так звучал известная формула Э. Никиша, выработанная им после того, как он попрощался со своими «средневропейскими» мечтами). Хотя между этими идеями и схожими концептами национал-социалистов имеются серьезные различия, нельзя не обратить внимания на то, что в Веймарской республике существовали планы создания под немецким господством единого пространства от Рейна до Тихого Океана<sup>28</sup>.

Никиш изменил свои планы потому, что разочаровался в Европе. Он перестал верить в возможность предотвратить ее закат. Хотя этот процесс порой замедлялся, Европа, по его мнению, была более «не властна над своей судьбой». Поэтому единственную возможность для Германии избежать упадка Никиш видел в том, чтобы сменить ее политическое направление с европейского на русское. В своих призывах к немецко-русскому сотрудничеству он рассчитывал на перспективу создания могущественного германославянского мирового рейха<sup>29</sup>.

В журнале «Ди Тат» эта тема затрагивалась часто. «Пространство» от Восточной Европы до Азии представлялось его создателям как некое целое, которое всегда стремится к своему единству. Политический союз с Россией должен привести к росту немецкого влияния на азиатские регионы. Расширение экономического пространства в азиатском направлении должно стать следующей задачей для немецкого народа. Таким образом должно было возникнуть «самое большое и перспективное экономическое пространство в мире»<sup>30</sup>.

Итак, Россия была важным звеном внешнеполитических планов «консервативной революции». Хотя преобладали концепции, в которых она выступала только как возможный внешнеполитический партнер, можно было услышать и голоса тех, кто рассматривал ее территорию как чаемое жизненное пространство. В любом случае интерес к российскому государству способствовал тому, что многие немецкие мыслители озаботились вопросами его судеб, а некоторые из их идей известны и даже популярны в современной России.

---

<sup>28</sup> См.: *Elvert J.* Op. cit. S. 60.

<sup>29</sup> См.: *Taschka S.* Op. cit. S. 58.

<sup>30</sup> *Hecker H.* Op. cit. S. 177.

С. Г. Алленов

кандидат исторических наук, доцент

## ОТЗВУКИ «РУССКОЙ ИДЕИ» В ИДЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Благожелательный интерес, который испытывала к России в годы Первой мировой войны и Веймарской республики немалая часть националистически настроенной немецкой интеллигенции, уже давно находится в поле зрения западной историографии. В последнее время этот во многом парадоксальный феномен привлекает внимание и российских исследователей немецкого «революционного консерватизма», в стане которого были особенно заметны русофильские настроения. Тем не менее размах этих настроений и тем более весомость русского вклада в становление «революционно-консервативной» идеологии в Германии до сих пор остаются недооцененными. Прежде всего, это касается влияния, оказанного творческим наследием Ф. М. Достоевского на формирование взглядов культуролога, искусствоведа и политического публициста Артура Мёллера ван ден Брука, а через него – на все мировоззрение немецкой «консервативной революции».

Родившийся в 1876 г. Мёллер был, пожалуй, первым из большой плеяды немецких литераторов, проделавших мировоззренческую эволюцию от воинствующего культурпессимизма к националистически окрашенному политическому радикализму. В начале этого пути он внес весомый вклад в культурную жизнь Германии в качестве издателя и комментатора двадцатидвухтомного немецкого собрания сочинений Достоевского, которое он выпустил в свет совместно с Д. С. Мережковским в 1906 – 1919 гг. В конце своей карьеры в послевоенные годы Мёллер выступил в роли застрельщика немецкой «консервативной революции», а после смерти снискал сомнительную славу предтечи нацизма, которой он обязан своей последней книге со зловещим в свете свершившихся после ее публикации событий названием «Третий рейх»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Schwiarskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und die Anfänge des Jungkonservatismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962 ; Stern Fr.*

Отмеченные факты биографии Мёллера относятся к, казалось бы, далеко отстоящим друг от друга сферам политики и беллетристики. Между тем политические воззрения застрельщика немецкой «консервативной революции» находились в прямой связи с его литературными пристрастиями. Более того, есть основания полагать, что его путь в политику пролегал через русскую литературу, и прежде всего – через произведения ее «центрального гения» Ф. М. Достоевского. В комментариях Мёллера к сочинениям русского классика можно найти зародыши важнейших идей, составивших основу революционно-консервативного мировоззрения, а в публицистике – почти дословно заимствованные у Достоевского, но переиначенные на немецкий лад националистические пассажи<sup>2</sup>.

Пожалуй, наиболее известным примером такой трансформации стал подхваченный когда-то Достоевским у немецких романтиков и эхом вернувшийся на родину тезис Мёллера о «молодых» народах Европы, которые бросают вызов «старым» нациям романского и англосаксонского мира<sup>3</sup>. Однако в текстах Мёллера можно найти и другие случаи заимствований идей Достоевского и их последующей «национализации». Так, Достоевский, призывавший соотечественников отстаивать свой духовный суверенитет перед натиском либерального Запада, писал о необходимости «всем, пре-

---

Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern, 1963 ; *Kaltenbrunner G.-K.* Von Dostojewski zum Dritten Reich. Arthur Moeller van den Bruck und die «Konservative Revolution» // Politische Studien. Zweimonatsschrift für Zeitgeschichte und Politik, Heft 184. 1969. März/April. S. 184–200 ; *Goedel D.* Moeller van den Bruck (1876 – 1925), un nationaliste contre la révolution : contribution à l'étude de la «révolution conservatrice» et du conservatisme allemand au XXe siècle. Frankfurt a.M., 1984 ; *Garstka Chr.* Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906 – 1919. Frankfurt a. M., 1998 ; *Schlüter A.* Moeller van den Bruck. Leben und Werk. Köln, 2010.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Аленов С. Г.* Русские истоки немецкой «консервативной революции» : Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. 2001. № 3. С. 123–138. См. также: *Weiß V.* Dostojewskijs Dämonen. Thomas Mann, Dmitri Mereschkowski und Arthur Moeller van den Bruck im Kampf gegen «den Westen» // Völkische Bande. Dekadenz und Wiedergeburt – Analysen rechter Ideologie (Hgg. von H. Kauffmann, H. Kellershohn, J. Paul). Münster, 2005. S. 102.

<sup>3</sup> См.: *Moeller van den Bruck A.* Das Recht der jüngen Völker. München, 1919.

кратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными», «стать русскими во-первых и прежде всего»<sup>4</sup>. Вдохновленный этим призывом, Мёллер также убеждал своих земляков «иметь силы для того, чтобы не отрицать и не отвергать, но признавать и соединять все противоположности, которые мы вобрали в себя из нашей истории... и при этом оставаться друг для друга – немцами»<sup>5</sup>. Так же, как и Достоевский, Мёллер верил, что решение этой задачи станет залогом не только выживания его народа, но и выполнения им в будущем некой великой миссии.

Конечным смыслом и целью такого примирения для Достоевского было «исполнение национальной идеи русской», мечта о том, что Россия «скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что именно это слово будет заветом общечеловеческого единения, и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации...»<sup>6</sup>. Весьма схожим образом формулировал задачу будущего немецкого государства в своем «Третьем рейхе» и Мёллер: «Величие народа заключено в том, чтобы быть еще чем-то сверх того, что он являет собой, и сообщить о себе нечто: обладать еще чем-то, что он может сообщить... Жить не только для себя, но для всех народов... в отличие от малых народов, думающих только о своём “я”»<sup>7</sup>.

Этот перечень созвучий текстов двух националистов мог бы быть продолжен. Однако оценить масштаб русских влияний на формирование мировоззрения Мёллера вряд ли можно без учета той роли, которую сыграл при этом его наставник в русских делах и соратник в деле популяризации Достоевского Д.С. Мережков-

---

<sup>4</sup> См.: *Dostojewski F. M. Die Versöhnungsmöglichkeit ausserhalb der Wissenschaft // Ders. Politische Schriften. Mit einer Einleitung von Dmitri Mereschkowski. München, 1922. S. 217–218 ; Ders. In Europa sind wir bloß Landstreicher // Ibid. S. 222. Воодушевление, с которым Мёллер повторял эти слова, не оставляет сомнений в том, что он считал поставленную Достоевским задачу более актуальной для немцев, чем для русских (см.: *Moeller van den Bruck A. Dostojewski, ein politisches Mißverständnis // Ders. Rechenschaft über Rußland. S. 48).**

<sup>5</sup> См.: *Moeller van den Bruck A. Rußland, der Westen und wir // Ders. Rechenschaft über Rußland. S. 186 ; Ders. Das dritte Reich. 1935. S. 307, 312ff.*

<sup>6</sup> *Dostojewski F. M. Die Versöhnungsmöglichkeit. S. 217.*

<sup>7</sup> *Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. 1935. S. 315–317.*

ский. Именно ему Мёллер был обязан не только своим открытием, но во многом и восприятием гения русской литературы. Доверившись Мережковскому, прозревшему, как ему казалось, подлинный смысл послания Достоевского, Мёллер воспроизвел его интерпретацию взглядов писателя сначала в своих литературоведческих эссе, а затем и в националистической публицистике.

Эти отзвуки «Русской идеи» прослеживаются уже при сравнении вводных статей Мёллера и Мережковского, которыми они предварили совместно изданные ими «Дневник писателя» и роман «Бесы». Здесь, вслед за Мережковским, Мёллер подчеркивал прежде всего революционный потенциал пророчеств их общего кумира. Правда, в отличие от Мережковского, писавшего о религиозном характере предсказанной Достоевским революции, Мёллер предпочел повторить самооценку Достоевского как «революционного консерватора»<sup>8</sup>. Но как бы то ни было, в обоих случаях грядущая революция должна была носить «предельный» характер и соединить в одно целое обычно несовместимые явления. В религиозной утопии Мережковского такими сходящимися «краями бездны» выступали «Дух» и «Плоть», «материальное» и «идеальное». В политической идеологии Мёллера ими оказывались революция и консерватизм, социализм и национализм<sup>9</sup>. Повторил Мёллер и мысль Мережковского о двух этапах, через которые должна будет пройти революция. Первый, уже начавшийся этап, по мысли обоих авторов, имел разрушительный («социальный» у Мережковского и «социалистический» у Мёллера) характер. Второй, гряду-

---

<sup>8</sup> *Mereschkovski D. Die religiöse Revolution // Dostojewski F. M. Politische Schriften. Mit einer Einleitung von Dmitri Mereschkowski. München, 1922. S. XLIII* (первое издание: *Mereschkovski D. Zur Einführung. Bemerkungen über Dostojewski // Dostojewski F. M. Sämtliche Werke. Bd 13. Politische Schriften. München und Leipzig. 1907. S. VII–XXXIX*) ; *Moeller van den Bruck A. Der Nihilismus und die Revolution // Ders. Rechenschaft über Rußland. S. 58* (первое издание: *Moeller van den Bruck A. Der Nihilismus und die Revolution // Dostojewski F. M. Sämtliche Werke. Bd. 5-6. Die Dämonen. München, 1919. S. VII–XXIV*).

<sup>9</sup> *Mereschkovski D. Die religiöse Revolution. S. XXVIII–XXIX*. (Более подробно эту идею Мережковский развивал в первоначальной русскоязычной версии своей статьи: *Его же. Пророк русской революции // В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 342–343, 349.*) Ср.: *Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. S. 298–299*.

ший этап, будет созидательным («религиозным» у Мережковского и «консервативным» у Мёллера)<sup>10</sup>. Наконец, созвучными оказались и названия того, чем должны были завершиться эти революции. Если русская «религиозная революция» Мережковского вела в «Царство Третьего Завета», то «консервативную революцию» Мёллера должен был увенчать немецкий «Третий рейх».

Нетрудно заметить, что Мёллер, будучи, очевидно, не слишком религиозным человеком, очистил нарисованную Мережковским апокалипсическую картину от мистической подоплеки и секуляризовал ее важнейшие элементы, хотя и сохранил общую логику первоначальных построений. Так, термин «консерватизм» (т.е. сохранение «истинных» ценностей) упоминался им там, где Мережковский писал о религии. Слово «революция» означало у Мёллера возврат к этим ценностям и звучало в его текстах тогда, когда Мережковский писал о грядущем обращении как сакральном акте, в результате которого появится новый человек и новая, связанная узами высшего порядка человеческая общность. Новое Царство, которое обрамляло эту тотальную общность у Мережковского, превратилось у Мёллера в пребывающий в вечности, но встроенный в земную историю Рейх.

И все же, скорее всего, «революционно-консервативная» идеология Мёллера приобрела свой окончательный смысл без помощи Мережковского, но под непосредственным влиянием Достоевского. Как бы спрямляя и договаривая до конца мысль своего любимого персонажа о том, что «у кого нет народа, у того нет и Бога», Мёллер в конце концов пришел к обожествлению немецкого народа и активизировал тем самым взрывоопасный потенциал русского послания о «народе-богоносце».

С легкой руки Мёллера и при активном содействии того же Мережковского в первые послевоенные годы в Германии вспыхнул настолько жадный интерес к Достоевскому, что сами немцы называли это явление «культом», «горячкой», «манией» или – на русский манер – «достоевщиной». Собрания сочинений и отдельные книги русского писателя ежегодно выходили здесь огромными тиражами

---

<sup>10</sup> См.: *Mereschkovski D. Die religiöse Revolution. S. XLIII ; Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. S. 290.*

во все новых издательствах и переводах<sup>11</sup>. Сотни немецких литературоведов, единодушно отмечавших подлинно русскую природу Достоевского, настаивали на том, что его творчество принадлежит всему человечеству, или, напротив, может быть понято лишь в Германии<sup>12</sup>. Лучшие немецкие писатели вспоминали свое знакомство с русским гением как самое сильное литературное потрясение своей жизни<sup>13</sup>. Но даже на фоне этого всеобщего почитания русского гения бросается в глаза тот факт, что особую тягу к его идейному наследию испытывали политики и публицисты, придерживавшиеся крайне «правых» националистических взглядов.

Любовь к Достоевскому и во многом выраставшая из нее «восточная идеология», означавшая культурное и политическое притяжение к России, может считаться таким же признаком немецкого революционно-консервативного мировоззрения, как антилиберализм и антикапиталистический аффект, доктрины «органического (прусского, немецкого, народного или национального) социализма», элитаризм и принцип вождизма, имперский миф и идея сословного государства, противопоставление «прогнившей» западной цивилизации немецкой культурной традиции и т.п. Яркий пример такого русофильства являл Т. Манн, ратовавший в годы Первой мировой войны за примирение с Россией и выступавший после ее окончания – также не без русского влияния – в роли адепта все той же «консервативной революции» и утопии «Третьего рейха»<sup>14</sup>. Еще одним проявлением данного феномена может слу-

---

<sup>11</sup> *Koenen G.* Bilder mythischer Meister. Zur Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland nach Weltkrieg und Revolution // G. Koenen, L. Kopelew (Hrsg.) Deutschland und die Russische Revolution. 1917 – 1924. München, 1998. 763–789 ; Ders. Eine deutsche Dostojewtschina // Ders. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900 – 1945. München, 2005. S. 348–371.

<sup>12</sup> См., например: *Praxmarer K.* Idee und Wirklichkeit. Dostojewskij, Rußland und wir. Berlin, 1923; *Kampmann Th.* Dostojewski in Deutschland. Münster, 1931.

<sup>13</sup> См., например: *Дудкин В. В.* Достоевский в немецкой критике (1882 – 1925) // Достоевский в зарубежных литературах. М., 1978. С. 175–219 ; *Фридендер Г. М.* Достоевский, немецкая и австрийская проза XX века // Там же. С. 117–174.

<sup>14</sup> См.: *Mann Th.* Betrachtungen eines Unpolitischen. Berlin, 1961. S. 433 ; Ders. Gesammelte Werke. Bd IX. Reden und Aufsätze. Frankfurt a. M., 1960. S. 598. См. также: *Sontheimer K.* Thomas Mann und die Deutschen. München, 1961. S. 64ff ; *Koenen G.* Betrachtungen eines Unpolitischen. Thomas Mann über



жить убежденность О. Шпенглера в том, что идущая из России новая религиозная культура, проблеск которой он увидел в мистике Достоевского, будет определять облик третьего тысячелетия после «заката» Европы и окончания в ней эры немецкого господства<sup>15</sup>.

Менее известный, но более поразительный случай подобного русофильства демонстрируют взгляды еще одного представителя «нового» немецкого национализма, записавшего как-то в своем дневнике, в частности, такие слова: «Европа – сплошная духовная проблема... В этой проблеме-Европе находится старая святая Россия, страна, к которой я, даже не зная ее, испытываю глубочайшее почтение... В русской почве зреет отгадка великой загадки-Европы. И только дух Великана Достоевского парит над тихой грезящей Россией. Когда Россия проснется, мир увидит новое чудо. *Ex oriente lux*»<sup>16</sup>. Ошеломляющий эффект этих строк кроется не в их содержании или пафосе, а в том, что они вышли из-под пера будущего нацистского министра пропаганды Й. Геббельса.

Это и многие подобные русофильские признания Геббельс делал в своих записях в первой половине 1920-х гг. В то время ему, прозябавшему в безвестности начинающему литератору, еще предстоял путь от фрустрированного эстета, видевшего в России спасительный оплот против либеральной цивилизации Запада, до национал-социалиста, стремившегося представить Германию защитницей Европы от варварства русского большевизма. В начале этого пути Геббельс исповедовал взгляды, близкие тем, кого принято называть немецкими национал-революционерами и «революционными консерваторами». Огромный массив разнообразных источников, оставленных им в ту пору, позволяет буквально день за днем во всех деталях проследить не только процесс перерастания

---

Rußland und den Bolschewismus // G. Koenen, L. Kopelev (Hrsg.) Deutschland und die Russische Revolution. S. 313–379 ; *Vollmer M.* Wider die Mesalliance. Das Rußlandbild Thomas Manns in den, Betrachtungen eines Unpolitischen<sup>7</sup>. Berlin, 2009. S. 41–65.

<sup>15</sup> См., например: *Spengler O.* Briefe: 1913 – 1936. München, 1963. S. 45. См. также: *Koktanek A. M.* Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968 ; *Kraus H.-Chr.* «Untergang des Abendlandes». Rußland im Geschichtsdanken Oswald Spenglers // Deutschland und die Russische Revolution. S. 277–312.

<sup>16</sup> *Goebbels J.* Die Tagebücher von Joseph Goebbels / Hrsg. von E. Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923 – 1941. Bd I/I. Oktober 1923 – November 1925. München u.a., 2004. S. 30 (запись за 17 октября 1923 г.).

этих взглядов в нацистское мировоззрение, но и соответствующую трансформацию переплетавшихся с ними «русских мотивов»<sup>17</sup>.

Чтобы разобраться в этих хитросплетениях, следует прежде всего учесть, что вплоть до 1924 г. Геббельс не помышлял о политической карьере, но мечтал о славе если не писателя, то литературного критика. Судя по его ранним дневникам и написанным еще в молодости воспоминаниям, он был с головой погружен в мир книг, в котором только и чувствовал себя уютно. В тех же воспоминаниях он запишет о своем впечатлении от знакомства с Достоевским, которого открыл для себя в самом конце 1918 г. или в начале 1919 г.: «Чтение: Впервые Достоевский. Потрясает. «Преступление и наказание». Читаю по ночам»<sup>18</sup>. С тех пор на протяжении пяти лет частные записи студента-германиста, а затем доктора филологии будут пестреть восторженными отзывами о книгах Достоевского и связанными с ними размышлениями. Так Достоевский займет почетное место среди десятков немецких и зарубежных писателей, которых Геббельс читал, перечитывал и сравнивал с русским гением, каждый раз убеждаясь в его превосходстве над ними<sup>19</sup>.

Однако Достоевский был для Геббельса, как и для Мёллера и многих других его земляков и современников, больше, чем просто гениальный писатель. «Он мой пророк, мой ангел, мой брат, мой друг, мой вождь, мой советчик, мой великий учитель и проводник в будущее!», – писал Геббельс в своем дневнике весной 1924 г.<sup>20</sup>. «Человек! Борец! Страдалец! Страстотерпец! Пророк! Безумец! Герой! Мыслитель!», – обращался он к Достоевскому в другом месте, признаваясь, что чтение его книг повергает в состояние «не-

---

<sup>17</sup> См. об этом подробнее: *Аленов С. Г.* Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса : Свет с Востока (1918 – 1923) // *Полития*. 2012. № 1. С. 55–75.

<sup>18</sup> См.: *Goebbels J.* Tagebuch für Joseph Goebbels (Erinnerungsblätter) von 1897 (Geburtsjahr) bis Oktober 1923 (geschrieben Juli 1924) // *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente*. Hrsg. von E. Fröhlich. Teil I. Aufzeichnungen 1924 – 1941. Bd 1. 27.06.1924 – 31.12.1930. München, 1987. S. 10.

<sup>19</sup> См.: *Goebbels J.* Die Tagebücher von Joseph Goebbels. S. 42 (запись за 30 октября 1923 г.), S. 83 (запись за 30 января 1924 г.), S. 88 (запись за 6 февраля 1924 г.), S. 90 (запись за 7 февраля 1924 г.), S. 94–96 (записи за 13 и 14 февраля 1924 г.), S. 100 (запись за 20 февраля 1924 г.), S. 105–106 (запись за 11 марта 1924 г.), S. 155 (запись за 27 июня 1924 г.).

<sup>20</sup> *Goebbels J.* Die Tagebücher von Joseph Goebbels. S. 95 (запись за 13 февраля 1924 г.).

истового безумия», но в то же время «придает такую силу, такую надежду и веру, делает таким добрым и таким чистым!»<sup>21</sup>. Наконец, весь спектр этих чувств Геббельс постарался уложить в посвященную Достоевскому стихотворную оду, в которой обращался к нему как к богу, «держателю в руках» и по сути творящему «мир будущего»<sup>22</sup>.

Пиетет, который Геббельс испытывал к Достоевскому, не был чем-то необычным на фоне увлечения немецких националистов русским писателем и выделялся в хоре их голосов, пожалуй, лишь взвинченностью тона, выдававшей истеричность будущего нацистского пропагандиста. Но прежде всего эти панегирики были созвучны комментариям Мёллера, с которыми Геббельс, судя по его записям, был хорошо знаком. Так, если Мёллер ценил Достоевского за способность обозначать проблемы, встававшие перед современной Европой лишь в «смутном и неявном виде», то Геббельс в унисон ему утверждал: «Достоевский все еще на несколько смелых шагов впереди нашего времени. Мы следуем за ним – робко, колеблясь, сомневаясь, но идем, он нас не отпускает, и мы должны двигаться следом»<sup>23</sup>. Если излюбленной темой Мёллера была завидная способность России к «примирению крайностей», то Геббельс, вторя ему, с таким же восторгом писал о «безграничной в добре и зле» и «равно глубокой в радости и веселье, в боли и муке» «великой душе России»<sup>24</sup>. Весьма схожими с мыслями Мёллера были и суждения молодого Геббельса о России как примере духовного противостояния Западу и потенциальной союзнице Германии в политическом противоборстве против Антанты.

Дневники и воспоминания Геббельса изобилуют упоминаниями о потрясениях, нервных срывах и «внутренних революциях», случавшихся с ним чуть ли не после каждого прочтения книг Достоевского и других русских классиков<sup>25</sup>. Эти казалось бы сугу-

<sup>21</sup> Ibid. S. 99 (запись за 20 февраля 1924 г.), S. 96 (запись за 14 февраля 1924 г.).

<sup>22</sup> Ibid. S. 100 (запись за 20 февраля 1924 г.).

<sup>23</sup> Ibid. S. 99 (запись за 20 февраля 1924 г.).

<sup>24</sup> Ibid. S. 96 (запись за 14 февраля 1924 г.).

<sup>25</sup> См., например: *Goebbels J. Tagebuch für Joseph Goebbels (Erinnerungsblätter)*. S. 17, 19; *Ders. Die Tagebücher von Joseph Goebbels*. S. 99 (запись за 20 февраля 1924 г.).

бо литературные переживания молодого книжочья способствовали политизации его сознания так же, как это случилось ранее у Мёллера. Одно из таких потрясений Геббельс пережил в конце 1919 г. в связи с увиденной им в Мюнхенском театре постановкой пьесы Л. Толстого «И свет во тьме светит», которая оставила у него, как он вспоминал, «неизгладимое впечатление». Сдвиг, который эта пьеса вызвала в его сознании, он опишет следующим образом: «Социализм. Только пока еще тихо растущий. Социальное сочувствие. Экспрессионизм. Еще не очень ясный и отчетливый»<sup>26</sup>. Спустя два года Геббельс познакомился с романом Достоевского «Бесы», и в его сознании произошел новый переворот<sup>27</sup>. Успев к тому моменту возненавидеть католицизм, он уверовал в бога как «синтетическую личность» своего народа и заявил о себе как поборнике «христианского социализма». К середине 1920-х гг. быть христианином и социалистом означало для него – что бы он ни понимал под этими словами – практически одно и то же<sup>28</sup>.

Свою реакцию на прочитанные русские книги Геббельс выплескивал на страницы не только своих дневников и воспоминаний, но и литературных сочинений. В них он по горячим следам домысливал идеи русских писателей и давал им собственную, каждый раз неожиданную интерпретацию. Так, ему явно пришелся по душе вытекавший из драмы Толстого вывод о том, что христианство, понятое буквально, практически неосуществимо, как невозможно в этом мире и бескомпромиссное следование заповедям. Справедливую, в общем-то, мысль о невозможности примирения сущего с евангельскими представлениями о должном будущий нацистский пропагандист будет с удовольствием повторять в своем дневнике и обыгрывать в неопубликованных драматических текстах<sup>29</sup>. Что же касается идеи личного духов-

---

<sup>26</sup> Ders. Tagebuch für Joseph Goebbels (Erinnerungsblätter). S. 16.

<sup>27</sup> См.: Ibid. S. 26. Ср.: «С тех пор, как я прочитал его 'Идиота', я живу целиком в мире его идей» (Ders. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. S. 70 (запись за 9 января 1924 г.).

<sup>28</sup> См., например: *Goebbels J.* Die Tagebücher von Joseph Goebbels. S. 128 (запись за 29 апреля 1924 г.), S. 282 (запись за 16 марта 1925 г.).

<sup>29</sup> См., например: *Goebbels J.* Die Tagebücher von Joseph Goebbels. S. 41–42 (запись за 30 октября 1923 г.). В частности, эта идея стала лейтмотивом драмы Геббельса «Посев», написанной под очевидным влиянием пьесы Толстого «И свет во тьме светит» (см.: *Oppermann J.* Das Drama «Der Wande-

ного самообновления, к которой Толстой и Достоевский, каждый по-своему, приходили в своих поисках правды и спасения, то ее он явно не услышал.

В то же время явно неизгладимое впечатление на молодого Геббельса произвели вычитанные им у Достоевского слова о вере, сплывающей народ в единое целое и становящейся таким образом силой, «повелевающей и господствующей». Эти слова он процитирует во введении к своей диссертации, которую защитит осенью 1921 г.<sup>30</sup> Этот же весьма важный для него мотив коллективного спасения он разовьет в автобиографическом романе, который будет закончен весной 1924 г. и издан в 1929 г. в партийной типографии НСДАП. Один из персонажей романа – обучающийся в Мюнхене русский студент, убеждающий главного героя в том, что «новое поколение русских верит в Достоевского так же, как их отцы верили во Христа», – выступает примером любви к своему отечеству<sup>31</sup>. Однако этот образ, заражающий своей приверженностью «русской идее», оказывается не только наставником, но и демоном-искусителем. Сквозным мотивом драмы становится духовное противоборство с ним героя (*alter ego* Геббельса), утверждающегося в собственном немецком самосознании и обретающего себя в единении с народом и в проповеди ему своей новой веры. К этому вымышленному русскому персонажу Геббельс вновь обратился в 1926 г. в одной из своих первых политических статей. На этот раз начинающий нацистский пропагандист заявлял, что самоутверждение немцев произойдет «только в союзе с подлинно национальной и социалистической Россией». Правда, при этом он предупреждал и о будущем столкновении двух возрождающихся наций, поскольку Германия захочет стать «целым миром» – так же, как им пожелает стать «прснувшаяся» Россия<sup>32</sup>.

---

rer» von Joseph Goebbels : Frühformen nationalsozialistischer Literatur. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie von der Fakultät für Geistes- und Sozialwissenschaften der Universität Karlsruhe. Karlsruhe, 2005. S. 72–84).

<sup>30</sup> См.: *Heiber H.* Joseph Goebbels. Berlin. 1962. S. 23 ; *Reuth R. G.* Goebbels. München, 1990. S. 53.

<sup>31</sup> См.: *Goebbels J.* Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern. München, 1929. S. 34.

<sup>32</sup> См.: *Dr. Josef Goebbels.* Die zweite Revolution. Briefe an Zeitgenossen. Zwickau, 1926. S. 45, 47.

На протяжении всей первой половины 1920-х гг. Геббельс, занимая позиции, в целом близкие «левому» крылу «консервативной революции», разделял и присущие многим ее приверженцам позитивные представления о России. Представители этого направления – Э. Никиш, К. О. Петель, Э. Юнгер и др. – могут классифицироваться и как «революционные националисты» (А. Молер), и как «национал-большевики» (К. Зонтхаймер), и как «немецкие революционеры» (Ф. Каберманн), и как «консервативные анархисты» (Х.-П. Шварц), и как «социал-революционные националисты» (А. Бахар). Иногда они выступают и под несколькими названиями сразу (Л. Дюпе)<sup>33</sup>. В любом случае вплоть до весны 1924 г. идеи весьма неоднородного немецкого «революционного консерватизма» были Геббельсу ближе, чем мировоззрение фёлькише или национал-социализма. Это касалось и представлений о России. Парадоксальным образом пик его увлечения русской литературой и симпатий к России пришелся как раз на тот переломный момент его жизни, когда он уже готовился сделать решающий шаг к превращению в фанатичного антисемита и стопроцентного национал-социалиста.

В целом можно заметить, что притягательность творчества Достоевского для Мёллера, Геббельса и многих других немецких «революционных консерваторов» была обусловлена не только художественными достоинствами текстов писателя. Эффект их воздействия усиливался в данном случае и тем, что мир произведений Достоевского легко вписывался в атмосферу послереволюционной Германии, отмеченную упадком позитивистского мировоззрения и рационального мышления, ростом иррационализма и всеобщим интересом ко всему «мистическому» и «метафизическому», «почвенническому» и «органическому», «естественному», «пер-

---

<sup>33</sup> См.: *Mohler A.* Die konservative Revolution in Deutschland. 1918 – 1932. Ein Handbuch. Darmstadt, 1972 ; *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1983 ; *Kabermann Fr.* Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. Köln, 1973 ; *Bahar A.* Sozialrevolutionärer Nationalismus zwischen Konservativer Revolution und Sozialismus: Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis. Koblenz, 1992 ; *Schwarz H.-P.* Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jungers. Freiburg i. Br., 1962 ; *Dupeux L.* «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1918 – 1933. Kommunistische Strategie und konservative Dynamik. München, 1985.

вобытному» и «стихийному»). Эти идеологемы служили мировоззренческой почвой для развития националистических и антидемократических течений, которые в конечном итоге мостили нацизму дорогу к власти<sup>34</sup>.

Популярность, которой пользовались идеи Достоевского в немецком «революционно-консервативном» стане, была обусловлена и их очевидной враждебностью к «крайне-западной» либеральной Европе. Весьма ценимые немецкими националистами слова писателя о Германии как «вечно протестующей» против Запада стране лишь усиливали их надежды на возможность союза с Россией против Антанты. Дальнейшая эволюция мировоззрения Геббельса наглядно показывает, насколько хрупкой и опасной была эта замешанная на ненависти любовь. Начиная с 1925 г., после усвоения им расовой доктрины и сближения с Гитлером, нацистский пропагандист даже в самых интимных своих записях перестал расточать похвалы как русской литературе, так и воплощенной в ней русской душе. В свете того, что он сумел усвоить из этой литературы, его первоначальное русофильство не кажется отделенным пропастью от его же более поздних нацистских взглядов. В то же время в его отношении к России сполна раскрылся экспансионистский потенциал преимущественно мирной «восточной ориентации» немецкого «революционного консерватизма» и ее связь с тем «натиском на Восток», которым обернулась идея обожествленного и призванного к мировому водительству народа.

---

<sup>34</sup> См.: *Hielscher K. Dostojewskijs antiwestliche Zivilisationskritik und die deutsche Konservative Revolution // Polyfunktion und Metaparodie. Aufsätze zum 175. Geburtstag F. M. Dostojewskijs. Dresden, 1998. S. 238–239 ; Stern Fr. Op. cit. ; Rudolph H. Kulturkritik und konservative Revolution. Tübingen, 1971. S. 263.*

**С. В. Кретинин**

*доктор исторических наук, профессор*

**НЕМЕЦКИЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ  
В ПОЛЬШЕ В 1920 – 1930-е годы:  
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, ЛИДЕРЫ**

С 1918 по 1939 г. в Польше проживало до 1,7 млн немцев. Немецкое население было сосредоточено в четырех основных районах страны: в бывшем Царстве Польском, в Познани и Поморье, в Верхней Силезии, в Галиции и Волыни<sup>1</sup>.

В данной публикации предпринята попытка анализа основных направлений политики и идеологии крупнейших немецких политических партий и организаций консервативного толка в Польше.

Характерной особенностью развития немецкого национального меньшинства в Польше было то, что оно не сумело консолидироваться вокруг единой немецкой политической партии или организации, хотя подобные попытки неоднократно предпринимались. Соответственно главный подвопрос этой работы может быть сформулирован следующим образом: «Почему немецкие консерваторы не смогли объединить вокруг себя большинство немцев в Польше?». И, в продолжение, еще один вопрос: «Почему в итоге польские немцы пошли за Младонемецкой партией, вставшей на позиции радикального национал-социализма?».

Первые политические объединения стали возникать в период борьбы немцев за самоопределение в 1918 – 1921 гг. и носили характер широких политических коалиций, «фронтов». Например, в Познани и Поморье появился Союз немцев, который вскоре был запрещен польскими властями. В 1923 г. на его базе в Познани возникло «Немецкое объединение в сейме и сенате от Познани, Нетцау и Померании». Лидером этого объединения стал депутат поль-

---

<sup>1</sup> Данные о численности немецкого населения в Польше сильно разнятся в зависимости от происхождения источника: немецкие показатели, как правило, значительно превышали польские. Так, в 1927 г. по данным германского МИДа в Польше проживал 1 млн. 150 тыс. немцев (см.: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82202. Bl.001).



ского сейма Мориц фон Кёбер<sup>2</sup>. В 1934 г. оно было преобразовано в Немецкое объединение в Западной Польше, являвшееся массовой политической организацией умеренно-консервативного толка.

В Средней Польше действовало Немецкое объединение Лодзи и округа, которое в декабре 1918 г. было преобразовано в Немецкую народную партию, которую вскоре польские власти запретили. Ее председатель Адольф Айхлер был вынужден бежать в Германию<sup>3</sup>.

В Верхней Силезии действовал Немецкий народный союз во главе с Отто Улицом, в Галиции – Союз немцев Галиции и другие организации.

В начале 1920-х гг. на смену данным «союзам» приходят немецкие политические партии. Наиболее благоприятные условия для этого существовали в Верхней Силезии, имевшей самоуправление. Здесь действовали наиболее влиятельные консервативные партии: Католическая народная партия, позднее переименованная в Немецкую христианскую народную партию, и Немецкая партия.

Католическая партия была создана на базе местных отделений бывшей общегерманской партии «Центр», а Немецкая партия – на основе Немецкой народной партии.

<sup>2</sup> *Stolinski Z.* Die deutsche Minderhit in Polen. Warszawa, 1928. S. 46.

<sup>3</sup> Адольф Айхлер (1877 – 1945). В 1905 – 1914 гг. был соучредителем и соиздателем (вместе с Людвигом Вольфом) газеты «Лодзер Цайтунг» и др. Параллельно он занимался самообразованием, с уклоном в сторону культурно-исторических штудий, писал статьи на различные темы. В годы Первой мировой войны Айхлер стал одним из политических лидеров немцев в оккупированном Австро-Венгрии и Германией Царстве Польском, соучредителем и основателем ряда общественно-политических и финансово-экономических объединений, например, «Дойче Геноссеншафтсбанка». После провозглашения независимости Польши был арестован, но затем освобожден. В марте 1919 г. нелегально выехал из страны. Первоначально жил в Восточной Пруссии, затем переехал в Берлин, где получил известность как организатор помощи беженцам из Польши и акций в поддержку советских немцев. В своих исторических сочинениях Айхлер отстаивал культуртрегерскую роль немецких колонистов на Востоке, доказывал право немцев на «восточные территории». Будучи состоятельным человеком, он много путешествовал, совмещая при этом коммерческую и общественную деятельность, помогая, в частности, в организации немецких колоний в Латинской Америке. Несмотря на национал-консервативные взгляды, не примкнул к национал-социалистам и на протяжении Второй мировой войны от активной политической деятельности отошел (см.: *Weyrauch E.* Adolf Eichler. 1877 – 1945. Ein Leben für sein Volk. Kassel, 1965).

Лидерами клерикалов были Томас Сцепоник и Эдуард Пант. Центральными печатными органами партии были газеты «Обершлезисше Курьер» и «Дер Дойче ин Полен». Клерикалы пользовались поддержкой католического населения из числа сельских собственников, а также представителей буржуазии. Партия стояла на социально-христианских позициях. Она защищала национальные меньшинства, выступала за равноправие наций, подчеркивала свою лояльность Польскому государству<sup>4</sup>.

Отличительной особенностью идеологии и политической практики клерикалов с конца 1920-х гг. стала ориентация на массовую поддержку «простых людей» католического вероисповедания, а также активная оппозиция национал-социализму. Возглавивший в 1927 г. партию д-р Пант сделал ее сильнейшей немецкой партией Верхней Силезии. На выборах в мае 1930 г. клерикалы получили 20 % мест в сейме. Однако под давлением из Германии Пант был вынужден покинуть партию. Он основал «Союз немцев Польши» и продолжал борьбу с нацистами, но без особого успеха<sup>5</sup>.

Немецкая партия, находившаяся на умеренно консервативных позициях, представляла интересы немецких протестантов, евреев, а также промышленников и предпринимателей Силезии. Йоханнес Розумек и Отто Улиц были лидерами этой партии, контролировавшей газеты «Kattowizer Zeitung» и «Schlesische Zeitung».

Изначально обе немецкие партии в Верхней Силезии руководствовались лозунгом: «Маршируем раздельно, сражаемся вместе», т.е. действовали в верхнесилезском сейме сообща. Немецкие партии и объединения имели общий центр во главе с Улицом – Немецкий народный союз. Он был координирующей инстанцией, которая разрешала межпартийные конфликты, представляла верхнесилезских немцев в Лиге наций. В сейме немцы были объединены в «Немецкий клуб», который образовывали представители двух консервативных партий и социал-демократы. Такая политика велась не только в верхнесилезском сейме, но и в общепольском.

---

<sup>4</sup> Nordblom P. Für Glaube und Volkstum. Die Katholische Wochenzeitung «Der Deutsche in Polen» (1934 – 1939) in der Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus. Paderborn, 2000. S. 63 – 64.

<sup>5</sup> Rogall J. Die Deutschen in Posener Land und in Mittelpolen. München, 1993. S. 155.

Однако после 1930 г. кооперация стала разваливаться. Результаты майских выборов 1930 г. в Верхнесилезский сейм были аннулированы, а на повторных выборах немецкие партии потерпели неудачу. Это привело к разногласиям между двумя партиями. Католики критиковали фюрерские замашки Улица и его политическую зависимость от Берлина.

Рожденный в Баварии, Отто Улиц был одним из ведущих представителей немецкого консерватизма в Польше. Бывший военный, руководитель полицейского отделения, он воспринимался многими как персонаж еще совсем недавнего прошлого, когда Верхняя Силезия была частью единой, мощной Германской империи, безопасность и интересы граждан которой охраняли как раз такие люди, как Улиц. Он был хорошим оратором, владел искусством печатного слова. Недостаток знаний Улиц восполнял кропотливым самообразованием, особенно в области юридических наук. Эта деятельность была отмечена Силезским университетом в Бреслау, который присвоил Улицу ученое звание доктора юриспруденции. В 1929 г., после роспуска верхнесилезского сейма, Улиц был арестован по обвинению «во враждебной государству деятельности». Польский министр иностранных дел граф Залесский обвинил Улица и Немецкий союз в «государственной измене»<sup>6</sup>. После громкого судебного процесса Улиц был приговорен к пяти месяцам тюрьмы с отсрочкой исполнения приговора на два года.

В 1930-е гг. Улиц воспринимался как один из ведущих лидеров польских немцев, с которым считались и польские власти, и руководители нацистского Рейха. Он был одним из главных объектов критики со стороны младонемецкого движения. 4 сентября 1939 г. Улиц вместе с большинством верхнесилезских немцев приветствовал части вермахта. Первоначально он возглавил школьное дело в Верхней Силезии, затем был переведен в аппарат Министерства внутренних дел в Берлине, а после 1945 г. был осужден на 10 лет тюрьмы как пособник нацистов.

Помимо Улица ключевыми фигурами среди консервативно настроенных немцев Польши были Курт Греббе и Ойген Науман.

---

<sup>6</sup> *Webersinn G.* Otto Ulitz. Ein Leben für Oberschlesien. Augsburg, 1974. S. 51, 52.

Курт Гребе родился в 1874 г. в дворянской семье. Служил в германской армии, закончил Первую мировую войну в чине майора. В 1920 г. был интернирован поляками и полгода провел в заключении. В 1920 – 1923 гг. Гребе занимал пост заместителя председателя Немецкого союза по защите прав национальных меньшинств в Польше, был депутатом польского парламента в 1922 – 1933 гг., председателем немецкой фракции сейма. Гребе был ключевой фигурой, через которую осуществлялось финансирование немецких политических организаций в Польше из Германии. В 1945 г. он возглавил Комитет помощи Познани в Баварии, в 1945 – 1947 гг. был интернирован американскими оккупационными властями и 16 месяцев провел в заключении. Один из основателей и председатель Землячества немцев Вайхель-Варте в Баварии<sup>7</sup>.

Науман был одногодком Гребе, и их жизненные пути были во многом схожи. Он также родился в обеспеченной дворянской семье, в Микушево. В отличие от Гребе, Науман избрал стезю интеллектуала. Он учился в университетах Лозанны, Фрайбурга, Берлина и защитил диссертацию по юриспруденции. Затем решил попробовать себя в политике. Как активный противник отторжения Познани от Германии, в начале января 1919 г. был арестован польскими властями и отправлен в лагерь для интернированных. После освобождения вернулся в Познань и возглавил местный Немецкий народный совет, который затем был трансформирован в Немецкий союз для Познани и Померании. В 1922 – 1930 гг. был депутатом польского сейма. В 1933 г. отошел от активной политической деятельности. В сентябре 1939 г. Науман был расстрелян поляками<sup>8</sup>.

Еще одним лидером немецких консерваторов в Польше являлся Эрвин Хасбах. Он родился в 1875 г. в Белостоке, на территории Российской империи, куда его семья (отец был фабрикантом) переселилась незадолго до этого. Изучал сельское хозяйство в Галле и Берлине. Во время войны служил в германской армии, но после 1918 г. принял польское гражданство. Хасбах в совершенстве знал польский язык. Еще до 1918 г. он выделялся как представи-

---

<sup>7</sup> *Kotowski A. Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919 – 1939. Wiesbaden, 1998. S. 63 – 64.*

<sup>8</sup> *Von Reval bis Bukarest. Statistisch-biographisches Handbuch der Parlamentarier der deutschen Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa 1919 – 1945. Kopenhagen, 1991. Bd 1. S. 228 – 229.*

тель немецкой национальной группы в Царстве Польском. После окончания Мировой войны он поселился в Поморье, откуда избирался депутатом польского сейма в 1920 – 1922 гг. С 1922 г. стал сенатором. На протяжении многих лет отстаивал интересы немецкого меньшинства в Польше, апеллируя к польскому правительству. Особую известность принесла ему попытка создать в сентябре 1938 г. «Немецкий Совет в Польше» с центром в Варшаве, а также речи в марте 1939 г. против массового лишения польского гражданства немцев в приграничных польских областях. В начале Второй мировой войны был арестован, но освобожден германскими войсками. После 1945 г. бежал на территорию Восточной Германии, где несколько лет сотрудничал с советской оккупационной администрацией. Затем перебрался в ФРГ, где почитался как один из «старейшин» немцев Западной Пруссии. Умер он в 1970 г. в возрасте 94 лет.

Таким образом, вождями немецких консерваторов в Польше были видные германские политики и военные, которые как личности состоялись еще до 1918 г. В этом крылась одна из причин того, что в Польше не было создано единой общенемецкой политической партии консервативного толка. Эти лидеры были уже в зрелом возрасте, и не случайно в 1930-е гг. новая генерация политических активистов («молодые») предъявила им претензии в том, что они упустили возможности для улучшения положения немцев в Польше. Возник спор «старых» и «молодых». Наиболее последовательными представителями последних выступали младонемцы во главе с Рудольфом Виснером, стоявшие на национал-социалистических позициях.

Другими причинами были регионализм и разобщенность немецкого консервативного движения. Если между немцами Познани, Поморья и Верхней Силезии еще можно было вести речь о единстве действий, то представители Средней Польши и Галиции, которые развивались до 1918 г. в составе Австро-Венгрии и России, имели мало общего с ними.

Попытки объединения предпринимались, но носили либо формальный, либо узкорегionalный характер. Так, в бывшей австрийской Галиции (Малой Польше) политические и культурно-

религиозные интересы немцев представлял Союз христианских немцев Галиции, который в 1923 г. передал свои полномочия Немецкому народному совету Малой Польши<sup>9</sup>. Однако подобные явления были скорее исключением. Единственными, кому удалось создать действительно общую для всех польских немцев партию, были социал-демократы и младонемцы.

Младонемецкая партия стояла на позициях национал-социализма, антисемитизма и антикоммунизма, подчеркивая при этом свою лояльность Польскому государству. Первое время после победы нацистов в Германии партия пользовалась их поддержкой, что позволило младонемцам быстро распространить свое влияние на все регионы Польши. Младонемцы вступили в идеологический спор со «стариками», подчеркивая бесперспективность той политики, которую немецкие консерваторы проводили в Польше. В г. Бромберг (польское название Быдгощ) «старики» в противовес младонемцам попытались создать организацию под названием «Немецкое объединение» во главе с племянником Гребе Гансом Конертом<sup>10</sup>.

Конерт был новым лицом на политической сцене немецкого консерватизма. Он имел авторитет не только у «стариков», связывавших с ним свои надежды, но и у молодой генерации. Конерт не был приверженцем национал-социализма. Он говорил: «За Паппена я бы прыгнул в огонь, но только не за Гитлера!»<sup>11</sup>. Поэтому не случайно эта организация не получила поддержки из Германии. Однако и младонемцы к 1939 г. также лишились благосклонности нацистских вождей.

Следует констатировать, что фактически с середины 1930-х гг. имело место личностно-региональное противостояние консервативно настроенных групп и лидеров польских немцев, которые зачастую становились фигурами в той политической игре, которую вели отдельные германские ведомства, инстанции и организации.

---

<sup>9</sup> Deutsche Geschichte im Osten Europas. Galizien. Berlin, 1999. S. 172.

<sup>10</sup> Bundesarchiv (Berlin). BA. NS 43 / 31/. Fol. 1. Bl. 381.

<sup>11</sup> BA. NS 43 / 31/. Fol. 1. Bl. 232.

**Х. Тосс**

*доктор*

## **РЕЙХСВЕР И «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»**

В центре внимания данной статьи находится рейхсвер как институт, который, несмотря на свою надпартийность и независимость от повседневных политических хитросплетений, оставил существенный след в истории внешней и внутренней политики Веймарской республики. Рассмотрим такие вопросы, как: присутствующая рейхсверу политическая идея, представления о ценностях, его связи с «консервативной революцией», а также отношения рейхсвера с Красной армией молодого Советского Союза.

Рейхсвер сформировался из кайзеровской армии по условиям Версальского договора, и с позиции победителей-союзников, в первую очередь Франции, считался чисто профессиональной армией, а будучи ограничен по составу и численности (всего 100 тыс. военнослужащих, среди которых 4 тыс. офицеров), не должен был представлять для соседей Германии никакой угрозы. Однако для немецкой стороны рейхсвер был задуман как кадровые войска, в которые проводился тщательный отбор военных и которые рассматривались в среднесрочной перспективе как армия, комплектуемая путем призывов на действительную службу<sup>1</sup>.

Если задаться вопросом о наличии в этих вооруженных силах преобладающих идейных позиций, то станет ясно, что определенные симпатии, вероятно, все же доминировали, однако ни в начале, ни в конце Веймарской республики не существовало единого рейхсвера как политически цельного субъекта. Обратимся к структуре кайзеровской армии 1918 г.; она состояла преимущественно из молодых солдат, большинство из которых в ходе войны были повышены до офицеров. Исследователи Первой мировой войны не без основания называют ее «войной лейтенантов». Впоследствии после поражения кайзеровской армии и создания немецких вооруженных сил лишь немногие лейтенанты, познавшие тяготы вой-

---

<sup>1</sup> См.: *Carsten F. L. Reichswehr und Politik. 1918 – 1933. Köln ; Berlin (West), 1964. S. 57.*

ны, снова оказались в униформе под знаменем республики<sup>2</sup>. Таким примером служит Эрнст Юнгер.

В генералитете и офицерском корпусе рейхсвера, т.е. той армии, от которой можно было ожидать преданности республике и демократии, доминировали личности, военная и политическая социализация которых завершилась в довоенное время, т.е. до 1914 г. При этом большинство из них имели буржуазное происхождение, поскольку прусский офицер, потомок бранденбургской знати, в островерхой каске с моноклем, который впоследствии, особенно в англосаксонской культуре, превратился в стереотипный образ врага, на тот момент уже практически «вымер». В 1914 г. лишь 30 процентов немецких профессиональных офицеров принадлежали дворянскому сословию<sup>3</sup>. Но не «вымерли» корпоративный дух и мировоззрение, которые быстро усвоили офицеры буржуазного происхождения. Сохранялись чувства и мысли в духе националконсерватизма, сформированные верным служением кайзеру и немецким князьям, а также преклонение перед немецким рейхом, который был создан Бисмарком в результате трех успешных войн, и эти офицеры рассматривали себя неприкосновенной элитой этого рейха. Такие умонастроения были характерны как минимум для генеральской среды и старых штабных офицеров даже после поражения 1918 г. и никогда не изменялись на установки, которые соответствовали бы политическому развитию Германии и изменению в сторону демократической республики. Однако в рейхсвере, особенно среди молодого поколения штабных офицеров, а также определенной части войсковых офицеров, имелись значительные отклонения от представленных выше взглядов, что наглядно демонстрирует Ульмский процесс 1930 г. над офицерами рейхсвера, и это не единичное доказательство.

Имперский верховный суд приговорил трех офицеров рейхсвера за их личную привязанность к Национал-социалистической

---

<sup>2</sup> Вопрос о взаимоотношениях между штабным генералитетом и фронтowymi офицерами внутри руководства рейхсвера рассматривался в работах: *Carsten F. L. Reichswehr und Politik. S. 62*; *Gordon H. J. Die Reichswehr und die Weimarer Republik. 1919 – 1926. Frankfurt am Main, 1959. S. 191.*

<sup>3</sup> О социальном составе рейхсвера см.: *Bald D. Sozialgeschichte der Rekrutierung des deutschen Offizierkorps von der Reichsgründung bis zur Gegenwart. Bonn; München, 1977. S. 24.*



рабочей партии Германии Адольфа Гитлера к аресту, обвинив их в государственной измене. Однако скрытые симпатии к идеям национал-социализма, которые испытывали многие командиры, как, например, Вальтер фон Рейхенау или Эдуард Дитл, еще до прихода к власти Гитлера были гораздо сильнее привязанности трех осужденных офицеров<sup>4</sup>. Недавно Франк-Лотар Кролл установил на примере Гельмута фон Мольтке, что военная верхушка кайзеровского рейха как во внутривойсковых, так и во внешнеполитических вопросах мыслила в политических категориях и выстраивала все свои действия в строгом соответствии с этими категориями, что было похоже на выработку стратегии в большом генеральном штабе<sup>5</sup>. Такая ситуация практически не изменилась и после 1918 г. Ханс фон Зеэкт, который с 1920 по 1926 г. был командующим сухопутными войсками и одним из основных создателей рейхсвера, в своей статье об истории «его» армии, опубликованной в 1933 г., писал: «Военные образования по своей сути носят консервативный характер, и это имеет свою положительную сторону: они основываются на ясном и проверенном опыте, из которого развивается традиция»<sup>6</sup>. Тем самым фон Зеэкт обозначил основной элемент самоопределения большинства военных рейхсвера. «Государство, – писал Зеэкт далее, – является слишком холодным понятием, чтобы вызывать теплоту ощущений, которая необходима для солдатской самоотверженности; конституция, которую парламент может изменять каждый день с помощью двух третей большинства, не подходит в качестве основы для внутреннего долга»<sup>7</sup>. То обстоятельство, что рейхсвер, хотя и против воли, подстроился под структуры парламентской демократии и ни в начале, ни в конце не вмешивался активно во внутреннюю политику, преследуя собственные интересы, оказалось следствием позиций, которые постулировал

<sup>4</sup> См.: *Bucher P.* Der Reichwehrprozeß. Der Hochverrat der Ulmer Reichswehroffiziere 1929 – 30. Boppard am Rhein, 1967 ; *Hürter J.* Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941 – 42. München, 2007. S. 652 ; *Boll B.* Generalfeldmarschall Walter von Reichenau // *Ueberschär G. E.* (Hrsg.) Hitlers militärische Elite (wie Anm. 15). S. 195 – 202 ; *Knab J.* Generaloberst Eduard Dietl // *Ibid.* S. 299–307, 624.

<sup>5</sup> См.: *Kroll F.-L.* Moltke als politischer Denker // *Forschungen zur brandenburgischen und preußischen Geschichte.* NF 1 (1991). S. 111 – 128.

<sup>6</sup> *Meier-Welcker H.* Seeckt. Frankfurt am Main, 1967. S. 524.

<sup>7</sup> *Ibid.* S. 525.

Зеект: военные силы должны подчиняться государству, но эта позиция скорее была продиктована и осознанием того, что, исходя из ограниченных возможностей рейхсвера, практически невозможно было ничего сделать против воли большинства населения.

К тому же руководство рейхсвера в период с 1919 по 1932 г. на подсознательном уровне видело во всех партиях, которым была доверена власть, включая социал-демократов, с разной степенью выраженные симпатии к интересам военных. Кульминацией этих интересов было упразднение Версальского договора, восстановление политической и военной мощи Германии как европейской державы, включая беспрепятственное вооружение и восстановление всеобщей воинской обязанности, а во внешней политике – разгром Польши<sup>8</sup>.

С такой позицией рейхсвер был далеко не одинок и представлял себя в союзе с Немецкой национальной народной партией и Немецкой народной партией. Несмотря на это, Зеекта и бесспорного руководителя Немецкой народной партии министра иностранных дел Густава Штреземанна разъединяла глубокая обоюдная антипатия. Зеект резко отвергал усилия Штреземанна, направленные на восстановление взаимопонимания с Францией.

Если при всей широте мировоззренческих позиций представителей «консервативной революции» у них имеются общие моменты, то можно сказать, что «консервативные революционеры» были вполне способны заимствовать у рейхсвера политические идеалы. И хотя в опубликованных библиографических исследованиях о выдающихся представителях рейхсвера, которые после 1933 г. нередко участвовали в создании «новых немецких вооруженных сил – вермахта»<sup>9</sup>, содержатся лишь отдельные прямые указания на интерпретацию соответствующих публикаций «консервативной революции» или на другие формы полемики с этой средой, все же следует исходить из того, что как руководство рейхсвера, так и часть офицерского корпуса критически рассматривали представления и идеи «консервативных революционеров». Ханса фон Зеекта и Освальда Шпенглера связывало близкое знакомство, кото-

---

<sup>8</sup> См.: *Carsten F. L. Reichswehr und Politik. 1918 – 1933. S. 77.*

<sup>9</sup> *Ueberscher G. R. (Hrsg.) Hitlers militärische Elite. 68 Lebensläufe. Darmstadt, 2011 (первое издание: 1998).*

рое поддерживалось, несмотря на то, что Зеект не принимал идей Шпенглера.

Скорее всего, особый интерес в кругах рейхсвера представляли идеи Эрнста Юнгера, поскольку его публицистическая деятельность, его биография и его временная принадлежность рейхсверу обеспечили Юнгеру особое уважение в первую очередь среди младших офицеров. Самобытное понимание Юнгером войны и солдатства происходило в первую очередь из фронтовых переживаний «окопного братства», которые в своих архаичных структурах имели две важные составляющие – вождя (т.е. закаленного в боях фронтового офицера) и его последователей (т.е. «его» группы солдат). Также важной причиной принятия идей Юнгера послужили идеализированные представления о долге служить народу, которому военные принадлежат по крови, и общие представления о современной политической обстановке. Аналогичные убеждения были характерны и для других публицистов с похожими биографиями, например Франца Шаувекера, Вернера Боймельбурга или Фридриха Вильгельма Гейнца.

Вероятно, преуспевающей военной верхушке оставался чуждым перенос сформировавшихся под влиянием войны взглядов на гражданское общество с целью разгромить это буржуазное общество с мнимым порядком в результате беспощадной и бескомпромиссной борьбы с политическими противниками, как это представлено во многих работах Юнгера, например в его «Рабочем» (1932). Среди молодых офицеров, которые не познали тяготы Первой мировой войны и чья военная и политическая социализация прошла в рейхсвере Веймарской республики, такие представления, напротив, вызывали оживленный интерес, а нередко и симпатию. Приведем пример таких идей: «Мир насквозь пронизан картинами ужасающего разгрома. Мы участники драмы крушения, которое сравнимо лишь с геологическими катастрофами. Мы теряем время, разделяя пессимизм жертв или оптимизм разрушителей... И все же эпоха масс и машин представляет собой гигантскую кузницу вооружения поднимающейся империи, и с позиции этой империи каждое крушение представляется намеренным, кажется лишь подготовкой».

В последний серьезный кризис Веймарской республики в конце 1932 г. рейхсвер действовал в сфере внутренней политики не как закрытая организация в стиле «своего» рейхсканцлера, генерала Курта фон Шлейхера, который в декабре принял служебные обязанности своего предшественника Франца фон Папена. Отставка Шлейхера, которая в конечном итоге освободила национал-социалистам дорогу к власти, не в последнюю очередь способствовала целенаправленному влиянию генерала Вернера фон Бломберга на рейхспрезидента Гинденбурга. В основе этой сети интриг Бломберга лежали личные мотивы, ведь Бломберга и «его» генерала Шлейхера разъединяла глубокая личная вражда.

Кроме того, Бломберг после первой встречи с Гитлером летом 1930 г. в Кенигсберге был глубоко потрясен личностью Гитлера и его молодым динамичным национал-социалистическим движением, которое провозглашало ценности, многие из которых разделяли и военные, поэтому Бломберг возлагал большие надежды на Гитлера в должности рейхсканцлера. Этот пример показывает, что сложившееся еще в начале 1920-х гг. в некоторых частях рейхсвера родство с национал-социалистическим движением спустя десятилетие обрело почву и в генералитете, который связывал с национал-социализмом надежды на возврат стабильной военной силы Германии. И, как нам всем известно, после прихода к власти национал-социалистов эти военные не были разочарованы.

Взглянув на политические идеалы немецкого военного руководства после 1918 г., мы увидим, что они колебались между консервативно-монархическими и национально-консервативными представлениями. При этом можно сделать удивительное открытие: между представителями этой среды и командирами и высокопоставленными офицерами советской Красной армии, которые все без исключения были убежденными коммунистами, более десяти лет существовали тесные личные и даже профессионально-дружественные отношения, которые наверняка должны были скрываться на обеих армиях того времени. Примерами таких отношений служат знакомство Вернера фон Бломберга с Иеронимом Петровичем Уборевичем или Вильгельма Адама с Витовтом Казимировичем Путна.

И здесь корни также уходят в окончание Первой мировой войны и в стремления союзников-победителей, особенно Франции, направленные на политическую и экономическую изоляцию Германии. Поскольку большевикам пришлось одновременно вести ожесточенную борьбу и с «белыми контрреволюционерами», и с британскими и французскими интервентами, а в 1920 г. еще и с Польшей, то в Германии симпатии даже в правом политическом лагере были преимущественно на стороне России; казалось, что будущее сотрудничество не за горами. Подобное сотрудничество имело в военной сфере особый смысл как для немецкой, так и для русской сторон. В побежденной и практически полностью разоруженной Германии под влиянием Версальского договора не было свободного пространства для поддержания в тоне военных структур, который удовлетворял бы претензиям руководства рейхсвера.

Это касалось не только кадровой составляющей, но и разработки и наличия тяжелого современного оружия, например, крупнокалиберных орудий, танков и самолетов, а также возможности обучения руководящих кадров управлению крупными войсковыми частями различных родов войск в общевойсковых боях. С этой точки зрения Красная армия могла бы оказать большую помощь, однако на руководящем уровне ей не хватало навыков и компетенций, которые были, к примеру, на протяжении 50 лет у Немецкого Большого Генерального штаба с его высококвалифицированным персоналом. После многочисленных неофициальных встреч и переговоров между немецкими и русскими дипломатами и политиками, в частности между послом Германии в Москве Ульрихом фон Брокдорф-Ранцау и военным комиссаром Львом Троцким в конце 1922 г., в конечном итоге в 1923 г. активизировалось тайное военное сотрудничество между Красной армией и рейхсвером. Сошлемся на опубликованное в 1990-х гг. в Германии очень серьезное исследование Манфреда Цайдлера. В период между 1925 и 1932 гг. многочисленные немецкие и русские офицеры имели возможность получить представление об уровне образования и вооружения в России или Германии, о стратегических и оперативных возможностях и границах партнеров по сотрудничеству и, помимо прочего, познакомиться со страной и населением. Как немцы, так

и русские очень положительно отзывались об открытости, с которой их информировали по интересующим вопросам.

Многие немецкие командиры, как, например, генерал-майор Хильмар фон Миттельбергер, который с 1927 по 1932 г. порядка 10 раз побывал в России и мог свободно передвигаться по стране, имели возможность увидеть неприукрашенную картину Советского Союза, существенно отличавшуюся от «Потемкинских деревень», которые обычно показывали зарубежным гостям.

В свою очередь, русские курсанты и наблюдатели наряду с разнообразными познаниями в отношении немецкого оперативного мышления, а также «способности немецких офицеров от фенриха до генерала к самостоятельной работе и к боевой подготовке войск», которую увидел Иван Белов в 1930 г. в Дрезденской пехотной школе, вынесли из Германии представление о том, что «основная масса офицеров является сторонниками жесткой буржуазной диктатуры и тем самым поддерживает фашизм». Рейхсвер не будет выступать против фашизма, а скорее всего присоединится к нему и организует массовую армию, чтобы выступить против Версаля и марксизма. Вне сомнения, русским гостям не хватало более глубоких знаний о незначительных различиях между мировоззренческими позициями консервативно настроенных немецких офицеров и идеологией национал-социалистов.

Кроме того, в конце 1920-х гг., вероятно, и у большинства немцев отсутствовало какое-либо представление о радикальности, с которой протагонисты национал-социалистического режима намеревались на практике реализовать свой идейный багаж. С немецкой точки зрения важным оказалось то большое значение, которое большевистское государство придавало военным, а также значимость профессии офицера. В период коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. немецкие гости видели в разных уголках России лежавшие на обочинах дорог трупы умерших от голода, в то же время Красная армия, по всей видимости, ни в чем не нуждалась. Как бы трагично это ни звучало, но пережитое в России, особенно успехи коллективизации, неуклонная индустриализация, которыми сильной рукой руководил Сталин, на многих немецких военных, включая Вернера фон Бломберга и Эриха Кюлентала, произвело положительное впечатление и подготовило их

для восприятия национал-социализма, в котором они видели похожую силу. Очевидно, ввиду безнадежной внутривосточной ситуации в Германии им лишь «фигура лидера» представлялась подходящей для решения всех проблем и преодоления разногласий. Примечательно, что ни с русской, ни с немецкой стороны на тот момент не чувствовалось никакой прямой враждебности. Помимо хороших личных отношений и плодотворного для обеих сторон военно-научного сотрудничества, немцев и русских объединяла враждебность по отношению к Польше, а также неприятие доминирования западных демократий в Европе. Как известно, осенью 1939 г. «противоестественным союзникам» Гитлеру и Сталину удалось сообща избавиться от Польши, «отвратительного выродка Версаля», – так назвал Польшу Молотов в октябре 1939 г. перед Высшим Советом. При этом многочисленные встречи русских и немецких солдат в Восточной Польше носили дружеско-товарищеский характер.

Однако это не помешало немецким офицерам и генералам в 1941 г. последовать приказам своего фюрера и начать военный поход против сталинского Советского Союза. Их русские партнеры на тот момент практически все были уничтожены. Они, как и многие тысячи других военных и гражданских, стали жертвами чисток конца 1930-х гг.

Подводя итог, заметим, что в немецкой армии в межвоенный период в политическо-мировоззренческой плоскости однозначно доминировали консервативные идеи, которые основывались, главным образом, на традициях прусско-германского прошлого. Дистанцированность рейхсвера от государства и демократии, типичная практически для всего военного состава, независимо от звания и позиции, представляла собой, вероятно, самую яркую характерную черту, которая усилилась на протяжении 1920-х гг. настолько же, насколько Веймарская демократия проявила слабость и ущербность, а также неспособность противостоять внутренним и внешним врагам. Молодые офицеры склонялись к радикальным идеям, которые выходили далеко за пределы представлений руководства рейхсвера о сильном и авторитарном государстве и поддерживались по большей части интерпретацией «тотальной войны» и переносом ее идей на взаимосвязи гражданского общества. Идей-

ные точки соприкосновения эти офицеры находили у националистов – представителей «консервативной революции», а также, прежде всего, у национал-социалистов, которые умело использовали в своем мировоззрении национально-революционные элементы. Тот факт, что идея государства, управляемого сильной рукой, ввиду сложившейся в Веймарской республике внутренней ситуации вызвала все больший интерес и среди опытных офицеров, объясняется не в последнюю очередь сотрудничеством среднего звена офицеров с Красной армией, которая пользовалась значительными материальными и кадровыми преимуществами в сталинском Советском Союзе. Поэтому для немецкой военной верхушки национал-социалистическое движение внутри партийной системы Германии становилось все более интересным, от него ожидали в первую очередь повышения значимости собственной позиции как военных сил нации, а также «восстановления единства единого немецкого народа». Вероятно, Гитлер это очень хорошо понимал и в 1934 г., после нейтрализации штурмовых отрядов, заключил тот пакт с германской армией, о котором некоторые решительные военные отважились рассказать лишь спустя десять лет ввиду полного поражения.



М. Мюнке

*магистр*

## **ИСТОРИЯ КАК ОРУЖИЕ: «НАЦИОНАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ НЕМЦЕВ» И ЕГО СВЯЗИ С НЕМЕЦКИМ ПРАВЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ**

К основополагающим элементам консервативной теории и практики относится их четкая связь с историей. Традиция и память дают ориентиры для преодоления вызовов современности. Обращение к прошлому имеет для консерваторов гораздо большее значение, чем для других общественно-политических течений. С одной стороны, это важно для их личной самоидентификации, с другой – для создания групповой идентичности, поскольку то, что стало историей, для консерваторов имеет гораздо большее значение, чем то, что относится к настоящему. Консерватизм склонен «сохранять все то, что пережило изменения временем и переломы истории и тем самым доказывает свою жизнеспособность»<sup>1</sup>.

Однако не только для консерваторов «история» может служить связующим звеном для интеграции «национальных, социальных или других групп»<sup>2</sup>. Такая ненаучная объединительная функция «истории» делает возможным ее использование как политического аргумента для обоснования господства<sup>3</sup>, а в преувеличенном виде и как оружие, как политическое средство борьбы против внутренних и внешних врагов<sup>4</sup>.

Указанная форма инструментализации истории со своими формами и функциями будет рассмотрена здесь на примере, который подтверждает существование еще одного моста между двумя географическими полюсами нашей конференции, между Германи-

---

<sup>1</sup> *Kroll F.-L.* Konservatismus in Deutschland nach 1945. Probleme und Perspektiven // Zehetmair H. (Hrsg.) Zukunft braucht Konservative. Freiburg im Breisgau ; Basel ; Wien, 2009. S. 36.

<sup>2</sup> *Wolfrum E.* Geschichte als Waffe. Vom Kaiserreich bis zur Wiedervereinigung. Göttingen, 2001. S. 5.

<sup>3</sup> См.: *Salewski M.* Geschichte als Waffe. Der nationalsozialistische Missbrauch // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte. 1985. 14. S. 289.

<sup>4</sup> См.: *Wolfrum E.* Geschichte als Waffe. S. 5.

ей и Россией. Статья посвящена «национально-консервативному движению русских немцев», которое активно проявляет себя с 2005 г. В политическом плане ярко выраженная правая группировка из Северной Рейн-Вестфалии была создана как представительство так называемых переселенцев из стран – наследниц бывшего Советского Союза, которые, будучи потомками немецких мигрантов, живших в различных регионах бывшей царской России, в 1990-е гг. массово переехали в Германию.

По некоторым данным, в последней трети XX в. этот процесс охватил 3–4,5 млн человек. Среди них особую группу составляют так называемые поздние переселенцы (около 1 млн). По статистическим данным, в 2009 г. было зарегистрировано около 2 600 000 переселенцев, имеющих в ФРГ право голоса<sup>5</sup>. В последние годы количество мигрантов неуклонно сокращается. По данным МВД Германии, в 2005 г. в страну приехало еще 35 500 поздних переселенцев и членов их семей, в 2006 г. переехавших было уже 7 750, а в 2007 г. – всего лишь 5 792 человека. В 2008 г. в земле Северная Рейн-Вестфалия проживало около 400 тыс. переселенцев. Несмотря на то, что в социальном плане русские немцы представляют собой весьма гетерогенную группу, они снискали себе славу избирателей с правой или право-консервативной ориентацией<sup>6</sup>. Это частично подтверждается эмпирическими данными, которые позволяют установить четкое политическое предпочтение русских немцев в пользу ХДС/ХСС, однако данная тенденция заметно ослабевает.

После вводных рассуждений сделаем обзор деятельности и отметим значение «национально-консервативного движения» в среде русских немцев, а затем перейдем к анализу функции истории

---

<sup>5</sup> См.: *Chepikova K., Leißle O.* Xenophobie als politisches Instrument. Russlanddeutsche und die NPD // Gesellschaft. Wirtschaft. Politik. Sozialwissenschaften für politische Bildung. 58 (2009). H. 4. S. 466 ; *Becker S., Schmalenbach M.* NPD buhlt um Stimmen von Russlanddeutschen // Spiegel Online vom 21. September 2009. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundestagswahl-npd-buhlt-um-stimmen-von-russlanddeutschen-a-650151.html> (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>6</sup> См.: *Golova T.* Akteure der (extremen) Rechten als Sprecher der Russlanddeutschen? Eine explorative Analyse // Sabine Ipsen-Peitzmeier / Markus Kaiser (Hrsg.) : Zuhause fremd. Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. Bielefeld, 2006. S. 242.

и исторических мифов в официальных заявлениях данной политической группировки и тем самым дополним анализ дискурсивных стратегий ревизионистских праворадикальных групп в Германии.

Основным источником нашего исследования послужили заявления и речи, опубликованные на интернет-странице данной группировки ([www.volksdeutschestimme.de](http://www.volksdeutschestimme.de)). Уже само название интернет-страницы демонстрирует явное родство с «центральным органом» национально-демократической партии Германии, а именно партийной газетой «Дойче штимме», и тем самым близость этого движения к праворадикальным позициям, которые далее будут рассмотрены более подробно. Само движение состоит из нескольких группировок, таких как объединение «Общество немецкая родина немцев из России» под председательством Йоханна Тиссена и объединения «Русские немцы-консерваторы» под председательством Андрея Триллера. На главной странице сайта этого движения есть центральная ссылка на газету «Дойче штимме» и на официальную страницу НДПГ, а также на другие источники в Интернете, которые можно отнести к правоэкстремистской среде. Андрей Триллер выполняет также функции председателя основанной в 2008 г. «Рабочей группы русских немцев в НДПГ» и иногда издает журналы с названиями «Дойче штимме» и «Ди руссланддойчен консервативен».

С научной точки зрения эта проблема мало изучена, в литературе встречаются лишь отдельные исследования, которые посвящены анализу этого движения, в первую очередь, с социологической точки зрения. Деятельность движения освещается в местной прессе и отслеживается отдельными людьми, которые периодически поддерживают антифашистов, т.е. левые, леворадикальные и автономные группы, которые, по-своему интерпретируя антифашизм, нацелены на борьбу с национализмом и расизмом и которые находятся под частичным наблюдением ведомства по охране конституции<sup>7</sup>. Поскольку региональная и федеральная пресса очень

<sup>7</sup> См.: Pfahl-Traugber A. Antifaschismus als Thema linksextremistischer Agitation // Bündnispolitik und Ideologie. Eine Analyse zu ideengeschichtlichen Hintergründen und strategischen Funktionen eines Kampfbegriffs. 6. März. 2008. URL: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/linksextremismus/33612/antifaschismus> (дата обращения: 20.07.2012); Wirsching A. «Hauptfeind Sozialdemokratie» oder «Antifaschistische Aktion»? Die Politik von KPD und Komintern in der Endphase der Weimarer Republik // Winkler H.A. (Hrsg.) Weimar im Widerstreit. Deutungen der ersten deutschen Republik im geteilten Deutschland. München, 2002.

редко публикуют подобные сообщения, приходится ссылаться на перечисленные источники, так как даже такие источники, которые непосредственно обращены к переселенцам, а именно пресслужба ОРНИС ([www.ornis-press.de](http://www.ornis-press.de))<sup>8</sup>, поддерживаемая МВД ФРГ и Германским обществом по международному сотрудничеству, не сообщают подробно об этом движении.

### ***Деятельность и значение «Национально-консервативного движения русских немцев»***

Последний раз взаимосвязь правого экстремизма и русских немцев обратила на себя внимание в прессе в 2009 г. Русский немец Алекс Винс, а именно Александр Игоревич Нельсин, родившийся 1 июля 1980 г. в Перми, во время судебного процесса в Дрездене зарезал беременную немецкую египтянку Марву Эль-Шербини, на которую за год до этого он напал как на «террористку» и «исламитку». По сообщениям знакомых, Винс, посещая курсы повышения квалификации, не раз высказывал ксенофобские заявления и отличался агрессивным поведением в дискуссиях о Германии и иностранных странах. Кроме того, он нередко демонстрировал свою гордость тем, что является немцем<sup>9</sup>. В отчетах по процессу над Винсом, который закончился для него пожизненным заключением, были подняты вопросы о политических пристрастиях русских немцев.

Конкретную ссылку на «Национально-консервативное движение русских немцев» можно обнаружить в отчетах по выборной кампании НДПП за сентябрь 2009 г.<sup>10</sup> В листовках с заголовком «Призыв к русским немцам» партия целенаправленно обращалась к братьям и сестрам из бывшего Советского Союза. Йоханн Тис-

---

S. 105–130 ; *Bavaj R.* Von links gegen Weimar. Linkes antiparlamentarisches Denken in der Weimarer Republik. Bonn, 2005. S. 71–108.

<sup>8</sup> *Budler K.* «Deutsch-Russischer Friedensmarsch» am «Tor zur Freiheit»? Rechtsradikale suchen Zusammenarbeit mit Russlanddeutschen. URL: <http://www.ornis-press.de/deutsch-russischer-friedensmarsch.1086.0.html> (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>9</sup> См.: Tödlicher Angriff auf Ägypterin. Angeklagter im Marwa-Prozess gesteht // Spiegel online vom 4. November 2009. URL: [www.spiegel.de/panorama/justiz/toedlicher-angriff-auf-aegypterin-angeklagter-im-marwa-prozess-gesteht-a-659258.html](http://www.spiegel.de/panorama/justiz/toedlicher-angriff-auf-aegypterin-angeklagter-im-marwa-prozess-gesteht-a-659258.html) (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>10</sup> См.: *Chepikova K., Leiß O.* Xenophobia als politisches Instrument. S. 466–469.

сен, 1956 г. рождения, председатель «Общества немецкая родина» во время муниципальных выборов присоединился как беспартийный кандидат к НДПГ и на всех предвыборных мероприятиях появлялся вместе с председателем НДПГ Удо Фойгтом. До середины 2008 г., по данным ведомства по охране конституции земли Северная Рейн-Вестфалия, в ряды НДПГ были приняты около 30 русских немцев. Позже Тиссен был исключен из окружного союза – «Союза изгнанных» – г. Дюрена. Этот город с населением 93 тыс. расположен между Аахеном и Кельном, в нем располагается руководство объединения «Общества немецкая родина»; Тиссен совместно с Андреем Триллером пытался оказывать влияние на работу землячества немцев из России. На национальное собрание землячества в Висбадене в мае 2007 г. русские немцы – активисты из НДПГ – все же не были допущены полицией.

В 2008 г. отношения между представителями этого движения и НДПГ в первый раз стали более широко обсуждаться после того, как в ходе аферы вокруг журнала русских немцев «Ост-вест-панорама» из партии был исключен один русский немец, член ХДС, а другой добровольно покинул партию. Это были главный редактор Генрих Дауб и издатель Виктор Хардер – деятели на местном и региональном уровнях. В журнале они публиковали статьи многих известных политиков из НДПГ и представителей других праворадикальных организаций. На съезде НДПГ в Бамберге в мае 2008 г. к движению присоединились Анатолий Ганцхорн и Йоханн Тиссен. На съезде Тиссен обратился к «дорогим братьям и сестрам» и пожаловался на «антинародную политику»<sup>11</sup>, господство которой ожидает Германию.

Три месяца спустя в демонстрации, которую Тиссен подготовил в Дюссельдорфе, приняли участие около 80 человек, среди которых был Председатель регионального отделения НДПГ Клаус Кремер и многие другие члены НДПГ. Демонстрация проводилась под лозунгом: «Мы один народ, мы одна империя» и была направлена против школьного учебника по истории, который якобы неправильно представил роль русских немцев во время Второй мировой войны. На митинге Анатолий Ганцхорн так резюмировал на-

<sup>11</sup> См.: *Klarmann M.* Russlanddeutsches Volk und Vaterland. 19. August. 2008. URL: <http://klarmann.blogspot.de/2008/09/11/> (дата обращения: 19.07.2012).

мерения «национал-консервативно настроенных русских немцев»: «Ничего для нас, все для немецкого народа и для отечества» – этот лозунг в похожей форме, а именно «Ничего для нас, все для Германии!»<sup>12</sup>, использовался организацией гитлерюгенд<sup>13</sup>, а также часто звучит как заключительная фраза в речах председателя НДПГ Удо Фойгта, например в речи по поводу включения его партии в ландтаг земли Мекленбург Передняя Померания в сентябре 2006 г.<sup>14</sup>

Степень политической организованности русских немцев чаще всего оценивается как низкая. Двухязычный журнал «Ост-вест-панорама» тиражом 10 тыс. экземпляров охватывал в конце 2008 г. лишь небольшой круг людей, тем не менее он имел возможность влиять на настроения, в том числе и в правонационалистической среде русских немцев. Главными темами журнала являются политическая жизнь в Германии и отношения между Германией и Россией; также в нем публикуются статьи на исторические и культурные темы<sup>15</sup>. При этом политические позиции НДПГ получают открытую поддержку, журнал до сих пор цитирует заявления местных представителей НДПГ<sup>16</sup>. В начале 2010 г. был опубликован призыв малой партии «за НДПГ», которая в отчетах ведомства по охране конституции оценивается как партия правозкстремистская и агрессивная по отношению к конституции. В ноябре 2009 г. на ежегодной конференции «Германо-российского мирного движения» выступил главный редактор Генрих Дауб, который имеет тесные связи с национально-консервативным движением.

Тем не менее рост внимания в СМИ, видимо, затронул и журнал «Ост-вест-панорама»: интернет-версия журнала ([www.ost-west-panorama.de](http://www.ost-west-panorama.de)), по крайней мере с конца 2009 г., находится якобы в статусе «обновления данных». По последним сообщениям пресслужбы ([www.presseru.de](http://www.presseru.de)), актуальный тираж журнала составляет 1200 экземпляров, а первый выпуск 2011 г. имел 935 подписчиков.

---

<sup>12</sup> Цит. по: Die Region als Experimentierfeld von NPD und Russlanddeutschen. 11. September 2008. URL: <http://klarmann.blogspot.de/2008/08/19/> (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>13</sup> См.: *Klinksiek D.* Die Frau im NS-Staat. Stuttgart, 1982. S. 47.

<sup>14</sup> См.: *Speit A.* «Höchststrafe für das deutsche Parteiensystem» // Röpke A. (Hrsg.) Neonazis in Nadelstreifen. Die NPD auf dem Weg in die Mitte der Gesellschaft. Berlin, 2008. S. 50.

<sup>15</sup> Ibid.

<sup>16</sup> Ost-West-Panorama. 10 (2011). H. 1. S. 16.

Связи с НДПГ, разумеется, сохраняются. Так, на выборах в ландтаг земли Баден-Вюртемберг Алекс Хайнцманн выставил свою кандидатуру от партии, поскольку, по его словам, «только эта партия всегда оставалась верной объединению Германии, а также интересам русских немцев»<sup>17</sup>. В процессе образования «рабочей группы русских немцев в НДПГ» Андрей Триллер критично отозвался о партии, заявив, что эта партия недостаточно защищает интересы немецкого народа. Поэтому «мы, русские немцы не должны сидеть сложа руки, мы должны защищать интересы нашего народа и нашего отечества»<sup>18</sup>.

Следующим событием, получившим огласку в СМИ, стало заявление Движения в 2009 г. о проведении марша мира, которое было запланировано на 9 мая в нижнесаксонском городе Фридланд, однако это мероприятие было запрещено приказом ведомства ландрата г. Геттинген. Транзитный лагерь во Фридланде служил пунктом приема для выселенных немцев, бывших военнопленных и переселенцев из бывшей ГДР, и в настоящее время он является первым пунктом приема поздних переселенцев. В качестве организаторов марша мира должно было выступить и «Немецко-русское движение за мир», участниками которого были многие члены НДПГ. Через «Движение за мир», которое располагается в г. Арнштадт, осуществлялись контакты с российскими правозащитными группировками, такими как «национально-патриотический фронт России»<sup>19</sup>.

«Рабочая группа русских немцев в НДПГ» также приняла участие и в марше неонацистов 14 февраля 2009 г. в Дрездене. Отношение к сотрудничеству с представителями «национально-консервативного движения» с самого начала вызывало противоречивые мнения среди приверженцев НДПГ, а первые совместные действия в предвыборной кампании в Нижней Саксонии осенью 2007 г. были прокомментированы следующим замечанием: «Что же последует

<sup>17</sup> Ost-West-Panorama. 10 (2011). H. 1. S. 17.

<sup>18</sup> Цит. по: *Kronauer J.* Heim ins Reich? Deutschbewusste Russlanddeutsche // LOTTA. Antifaschistische Zeitung aus NRW. Nr. 32. Herbst 2008. URL: [http://projekte.free.de/lotta/pm/Deutschbewusste\\_Russlanddeutsche\\_LOTTA\\_Nr\\_32.pdf](http://projekte.free.de/lotta/pm/Deutschbewusste_Russlanddeutsche_LOTTA_Nr_32.pdf) (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>19</sup> См.: *Budler K.* «Deutsch-Russischer Friedensmarsch» am «Tor zur Freiheit»?

далее? В следующем предвыборном выступлении, вероятно, опять прозвучит понятие полуеврей?»<sup>20</sup>. В октябре один из членов организации «Молодые национал-демократы», которая была организована при НДПГ, заявил в городе Хальберштадт: «Основной причиной, по которой я больше не буду выбирать НДПГ, является то, что я хочу жить в Германии среди немцев, а не среди пьяных русских или поляков»<sup>21</sup>.

Таким образом, немногочисленные активисты из «национально-консервативного движения» пользуются спорной репутацией даже среди своих новых союзников, а землячество немцев из России изолировалось от них. Такой вывод сделала Лили Бишоф, председатель земельной группы «Нижняя Саксония», собираясь принять участие в ответной демонстрации на запланированный во Фридланде марш местного Союза против Правых<sup>22</sup>. По случаю федерального собрания землячества в мае 2011 г. в г. Фульда на интернет-портале журнала «Фольксдойче штимме» была опубликована обширная статья, в которой содержалась жесткая критика общего курса возглавляющей организации, после того как «национально-консервативное движение» организовало акцию протеста во время этого мероприятия. И все же не следует недооценивать степень взрывоопасного потенциала позиций «национально-консервативного движения» ввиду тяжелого социального положения многих русских немцев.

### **«История как оружие» – об инструментализации исторических мифов**

Близость позиций к НДПГ, а также к правоэкстремистским группам проявляется и в отношении «Русских немцев-консерваторов» к истории Германии и России. В качестве примера рассмот-

---

<sup>20</sup> Цит. по: *Kronauer J.* Heim ins Reich?

<sup>21</sup> Цит. по: *Rank M.* Neonazis mit Migrationshintergrund. Bei der NPD marschieren auch Spätaussiedler aus Russland mit – zum Ärger mancher Kameraden // Die Tageszeitung vom 12./13. Februar 2011. URL: <http://www.taz.de/Russlanddeutsche-in-der-NPD/165740/> (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>22</sup> См.: *Heinzel M.* Russlanddeutsche gegen Rechts-Russen. «Friedensmarsch» offenbar abgesagt // Göttinger Tageblatt vom 6. Mai 2009. URL: <http://www.goettinger-tageblatt.de/Nachrichten/Goettingen/Uebersicht/Friedensmarsch-offenbar-abgesagt> (дата обращения: 19.07.2012).



рим выступления на упомянутых выше демонстрациях и съездах, на федеральном конгрессе «Движения» в октябре 2010 г., а также заявления в Интернете. В них постоянно прослеживаются ссылки на «традиции нацистской идеологии», кроме того, возвеличивается «германское прошлое» страны.

Статья под сокращенным названием «РДК», опубликованная в «Фольксдойче штимме», посвящена празднику летнего солнцестояния. Этот праздник ориентирован на «оживление и поддержание немецкой национальности, привнесение обычаев и старых традиций в народные праздники»<sup>23</sup>. При этом четко проявляются созвучия с национал-социалистическим идеалом «единого немецкого народа», когда речь идет о празднествах, «которые может позволить себе только хорошо организованное и слаженное сообщество»<sup>24</sup>. В статье подразумевается праздник, который ежегодно проводится недалеко от г. Нордхаузен, на который съезжаются участники из скандинавских стран, России и Южной Европы, а также русские немцы из «Круга наших друзей». Описание праздника звучит высокопарно и мистически: «Волшебство огня притягивает к себе. В полной тишине, словно зачарованные светом костра, немецкие люди стоят, погружившись в свои мысли. Хайль, солнцестояние, хайль!»

В ноябре 2009 г. Йохен Тиссен подхватывает в другой статье еще один элемент культа германцев и позиционирует Арминия, вождя херусков, «как первого фольксдойче, возвратившегося на родину»<sup>25</sup>. Даже находясь на службе у римлян, Арминий испыты-

<sup>23</sup> Здесь и далее: *RDG: Sommersonnenwende*. URL: [http://www.volksdeutsche-stimme.de/bewegung/SSW\\_de.htm](http://www.volksdeutsche-stimme.de/bewegung/SSW_de.htm) (дата обращения: 20.07.2012).

<sup>24</sup> *Wildt M. Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung. Gewalt gegen Juden in der deutschen Provinz 1919 bis 1939*. Hamburg, 2007. См. также: *Geschichte des Nationalsozialismus*. Göttingen, 2008; *Schmiechen-Ackermann D. (Hrsg.) Volksgemeinschaft. Mythos, wirkungsmächtige soziale Verheißung oder soziale Realität im Dritten Reich? Zwischenbilanz einer kontroversen Debatte*. Paderborn, 2012; *Kershaw I. «Volksgemeinschaft». Potenzial und Grenzen eines neuen Forschungskonzepts // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 59 (2011). S. 1–17; *Wildt M. «Volksgemeinschaft». Eine Antwort auf Ian Kershaw // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History (Online-Ausgabe)*. 8 (2011). H. 1. URL: (<http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Wildt-1-2011> (дата обращения: 19.07.2012).

<sup>25</sup> Здесь и далее: *Thießen J. Arminius – der erster Volksdeutscher [sic!] Heimkehrer*. URL: [http://www.volksdeutsche-stimme.de/bewegung/armin\\_021109de.htm](http://www.volksdeutsche-stimme.de/bewegung/armin_021109de.htm) (дата обращения: 20.07.2012).

вал, по словам Тиссена, «гнев и ярость». Эти чувства породили «жгучую потребность и твердую решимость освободить родину от завоевателей». Характеристика Римской империи, которую принял автор статьи, напоминает оценку ФРГ правоэкстремистскими кругами, а Тиссен без обиняков ссылается на «современный глобализированный мир»: «Римская империя лишь казалась мощной и блистательной, однако ее сущность была отмечена гниением и распадом. Свободный средний класс, обладающий чувством гражданской ответственности, исчез, а благородное настроение самопожертвования сменилось жадностью и беспутством».

В то время как «в империи господствовала чванливая олигархия, римский народ, пребывая в убожестве и нищете, приходил в упадок». Тем самым историческое сравнение используется как средство агитации против существующих условий, а история интерпретируется как призыв к действиям в настоящем: «История германской освободительной борьбы должна служить вкладом в немецкое национальное воспитание. Эта борьба делает ставку на силу, помогающую поддерживать наследие предков, уважать женщину как спутницу и хранительницу домашнего очага и традиций, а также быть готовым пожертвовать за свободу собственную жизнь! Такие идеи указывают путь в будущее».

Особенно осязаемым постоянное обращение к истории становится на примере уже упомянутой демонстрации в апреле 2009 г. в Дюссельдорфе. Демонстрация была направлена против пассажей в учебнике по истории «История и современность» издательства Шёнигин, в которых русским немцам приписывается соучастие в национал-социалистических преступлениях во время Второй мировой войны. «Фольксдойче штимме» сначала использует серьезную критику из других источников, чтобы затем дать возможность высказаться представителям из собственных рядов. Так, сначала цитируется Адольф Ферч, политик из ХСС и член правления «землячества немцев из России», который, пользуясь разными удобными случаями, дистанцировался от национал-консерваторов, а затем приводятся слова кандидата исторических наук Альфреда Айсфельда, заведующего кафедрой культуры и истории немцев в Северной Европе при Геттингенском университете.

Далее следовали комментарии Йохана Тиссена («Еще придет время, когда не будут распространяться ложь и фальсификация, а наша славная история будет рассказываться с гордостью и радостью. Чтобы приблизить это время, мы должны всеми силами и доступными средствами выступать за честь нашего народа и за сохранение нашей немецкой родины!»), Генриха Дауба («Если оправдано говорить в школьном учебнике «об участии русских немцев в массовом истреблении евреев в областях, оккупированных вермахтом во время Второй мировой войны», то тогда также и даже в большей степени оправданно говорить об «участии евреев в массовом истреблении русских немцев в советском тылу»), и Клауса Кремера («НДПГ и в будущем будет бескомпромиссно противостоять всем попыткам СМИ, системных партий или псевдопартийных популистов, которые пытаются расколоть основное население Германии и русских немцев, смешивая русских немцев с другими иностранными мигрантами») <sup>26</sup>. Подобные комментарии содержали многочисленные ксенофобские и антисемитские элементы. Аналогичные связи содержатся и в интервью с правозэкстремистским публицистом Клаусом Нордбрухом, которое было опубликовано в апреле в «Фольксдойче штимме» <sup>27</sup>.

Во время демонстрации в Дюссельдорфе Инге Годенау, которая в 2006 г. была кандидатом от ответвления «Движения за» на муниципальных выборах земли Гессен, продолжала метать гром и молнии, используя жаргон правых экстремистов, против «системных СМИ» <sup>28</sup> и существующих политических порядков, против

---

<sup>26</sup> Все цитаты: «Einigkeit und Recht und Freiheit». Zusammen gegen die Fälschung der Geschichte der Russlanddeutschen. URL: [http://www.volksdeutsche-stimme.de/aktuell/einigkeit\\_180409de.htm](http://www.volksdeutsche-stimme.de/aktuell/einigkeit_180409de.htm) (дата обращения: 20.07.2012).

<sup>27</sup> См.: Richter K. «Der Gesinnungsstaat ist längst Realität». Die DS im Gespräch mit dem Historiker und Publizisten Dr. Claus Nordbruch, 31. März 2009. URL: <http://www.deutsche-stimme.de/ds/?p=1144> sowie [http://www.volksdeutsche-stimme.de/interviu/nordbr\\_120409de.htm](http://www.volksdeutsche-stimme.de/interviu/nordbr_120409de.htm) (дата обращения: 20.07.2012).

<sup>28</sup> См.: Jansen F. Hass auf andere und sich selbst // Potsdamer Neueste Nachrichten vom 6. April 2009. URL: <http://www.pnn.de/politik/168829/> (дата обращения: 20.07.2012).

диктата Америки, Брюсселя и Страсбурга: «Германия не является ни свободной, ни демократической страной. Она не отличается независимостью и суверенитетом. Мы все еще подчиняемся праву победителей, у нас все еще нет мирного договора и до сегодняшних дней у нас нет конституции, одобренной народом, зато у нас есть предписанный победителями основной закон»<sup>29</sup>.

Правоэкстремистские элементы в концепции истории «национальных консерваторов среди русских немцев» четко проявляются к тому же в различных докладах на их первом федеральном съезде, который, по сообщениям в Интернете, был открыт совместным исполнением так называемого немецкого гимна «Когда все станут неверными» – первоначально это была студенческая песня, написанная Максом фон Шенкендорфом, который во времена освободительных войн выступал против наполеоновской Франции. Во время Третьего рейха эта песня в измененной форме звучала как песня верности и использовалась в СС.

Евгений Краузе подчеркнул в своем сообщении о «группе Фаниск»<sup>30</sup> «консервативный потенциал» русских немцев, которых необходимо познакомить с такими ценностями, как «семья, народ и отечество! Искренность, честь и верность! Любовь к природе, традиции и древней культуре!». В своей риторике Краузе выстраивает мостик к концепции Гердера о «духе народа» и тем самым ссылается на таких известных современных представителей национал-социалистического расового учения, как Юрген Ригер и Герберт Швайгер, чтобы обосновать свой лозунг «Честь, кровь и наше народное наследие!».

Представление этих элементов как мифов можно найти и у Томаса Унруа, который является репрезентантом «Молодежи нацио-

---

<sup>29</sup> См.: *G[odenau] I. Protest gegen die Fälschung der Geschichte der Russlanddeutschen am 23. August 2008 in Düsseldorf.* URL: [http://www.volksdeutsche-stimme.de/aktuell/protest\\_30908de.htm](http://www.volksdeutsche-stimme.de/aktuell/protest_30908de.htm) (дата обращения: 20.07.2012).

<sup>30</sup> «Wir sind die Brücke zwischen zwei großen europäischen Völkern». Ansprache von Eugen Krause (Die russlanddeutsche Kameradschaft «Fanisk») am I. Bundeskongress der National-Konservativen Bewegung der Deutschen aus Russland. URL: [http://www.volksdeutsche-stimme.de/bewegung/bruecke\\_okt2010de.htm](http://www.volksdeutsche-stimme.de/bewegung/bruecke_okt2010de.htm) (дата обращения: 20.07.2012).

нально-консервативных немцев из России». Он изображает «духовное путешествие»: «Я проникаю сквозь века и тысячелетия, и все, все протекает в мою душу, как мощный поток судьбоносности. Я вижу людей такой же крови, я часть этих людей. Я живу с ними. Я страдаю и умираю с каждым из них, чтобы на следующее утро возродиться снова и знать: я с ними единое целое, и никакая сила не в состоянии отделить мою жизнь от их судьбы». И здесь уже явно видно то, что мнимая «консервативная» ориентация «национально-консервативных русских немцев» во многих элементах является не чем иным, как попыткой регенерировать элементы национал-социалистической идеологии.

**Е. С. Селиванова**

*аспирантка*

## **КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ИДЕОЛОГИИ И ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»**

В начале прошлого столетия Н. А. Бердяев констатировал, что в России консервативной идеологии нет и быть не может<sup>1</sup>. Сказанное в значительной мере справедливо и для настоящего времени, когда партия власти активно ищет идеологическую основу своего функционирования, что говорит об определенном вакууме в данной сфере. Специальная группа под руководством первого заместителя председателя Государственной думы О. В. Морозова работает над информационно-политическим проектом «Идеи. Лидеры. Действия»<sup>2</sup>.

Следует отметить, что именно в рамках данного проекта «Единая Россия» все больше ориентируется на консерватизм – мировоззрение, мироотношение, идеологию<sup>3</sup>, опираясь в теории на И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, а в практике – на П. А. Столыпина. «Единая Россия» все больше оттесняет на «левую обочину» политические осколки «Родины», исторически идентифицируя себя с российскими партиями начала XX века: кадетами, т.е. Конституционно-демократической партией (Партией народной свободы), и октябристами («Союз 17 октября»), делая это, как отмечает К. В. Симонов, в опоре на традиции «пусть и небольшого, но все же значимого опыта построения консервативных партий в России в период между двумя революциями в начале XX века. Именно сейчас мы нуждаемся в строительстве сильной консервативной партии»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные, литературные (1900 – 1906 гг.) / сост. и коммент. В. В. Сапова. М., 2002. С. 255.

<sup>2</sup> *Нечаев Д. Н.* Партийное строительство в регионах России : институционализация «полупартийной» модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 49.

<sup>3</sup> *Поляков Л. В.* К сбережению России : первоначала государственной мудрости // Библиотека Единой России : идеи. М., 2006. С. 7.

<sup>4</sup> *Симонов К. В.* Формула консервативной партии : государство, эффективность, модернизация // Библиотека Единой России : идеи. С. 5.

Данный вектор развития для «партии власти» обозначил в апреле 2012 г. бывший Президент РФ Д. А. Медведев, заявивший в интервью российским телеканалам: «Перспективы «Единой России» я рассматриваю как перспективы сильной центристской консервативной силы, которая должна быть в такой стране, как наша»<sup>5</sup>.

Основными ценностями консервативная идеология признает: традицию как таковую и все традиционное – то, что надлежит сохранить в условиях перемен; представление о несовершенстве и даже греховности человеческой природы и ограниченных возможностях разума; понимание общества как продукта органического социально-исторического развития, которому противопоказаны волюнтаристские эксперименты; идею неизбежности и благотворности общественной иерархии, опирающейся на врожденное неравенство людей (отсюда – восхваление общественного и нравственного авторитета «естественной аристократии»); сдержанное отношение к самой идее свобод для «неразумных» масс и др.<sup>6</sup>

Предпосылкой для превращения «Единой России» в полноценную консервативную партию служит то, что ей как доминирующей и в известном смысле «государствообразующей» политической силе созвучны главные системные принципы консерватизма как метаидеологии – преемственность, эволюционность, традиционные ценности и порядок<sup>7</sup>. Вспомним высказывание председателя высшего совета партии Б. В. Грызлова, в 2009 г. охарактеризовавшего ее идеологию как «российский консерватизм» – «идеологию стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций»<sup>8</sup>.

Рассматривая проблематику присутствия консервативных ценностей в программных документах «Единой России», необходимо отметить, что на процесс формирования этих документов оказыва-

<sup>5</sup> *Лебедев С.* Консервативная партия России нужна, но с четко выраженной программой. URL: [http://www.ruskline.ru/news\\_rl/2012/04/27/sergej\\_lebedev\\_konservativnaya\\_partiya\\_rossii\\_nuzhna\\_no\\_s\\_chetko\\_vyrazhennoj\\_programmoj/](http://www.ruskline.ru/news_rl/2012/04/27/sergej_lebedev_konservativnaya_partiya_rossii_nuzhna_no_s_chetko_vyrazhennoj_programmoj/) (дата обращения: 06.09.2011).

<sup>6</sup> Категории политической науки. М., 2002. С. 544–545.

<sup>7</sup> Там же. С. 544.

<sup>8</sup> *Бенедиктов К.* Как единокороссы стали «консерваторами». 2010. 21 янв. URL: <http://www.russ.ru/pole/Kak-edinorossy-stali-konservatorami> (дата обращения: 06.09.2011).

ет влияние работа фондов «Центр социально-консервативной политики» (ЦСКП) и «Стратегия – 2020». В начале 2011 г. в информационном пространстве были представлены доклады Института современного развития, Центра стратегических разработок; стратегия социально-экономического развития страны обсуждалась экспертными группами при Правительстве РФ.

Вопрос о консервативных ценностях поднимался в ходе конференции «единороссов» «Современная политика и новый политический класс России». Как отметил заместитель секретаря президиума генерального совета партии Ю. Е. Шувалов, «сейчас задача партии – наполнить идеологией практическую работу каждого дня, мы ...говорим об идеологии, которая может объединить всех»<sup>9</sup>. А координатор Государственно-патриотического клуба (ГПК) И. А. Яровая подчеркнула: «Наша функция – это объединение, и наша идеология – это фундамент объединения страны». Координатор же ЦСКП А. К. Исаев обрисовал ужасы тоталитарного и либерального рецептов модернизации и призвал собравшихся задуматься над задачами консервативной модернизации. По мнению Исаева, «именно консерватизм является залогом постепенного, поэтапного движения к демократии».

В феврале 2011 г. на заседании ГПК «Единой России» обсуждался предложенный главой синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям церкви и общества В. Чаплиным список вечных ценностей, которые предлагалось принять в качестве некоего общественного договора, морального кодекса. Список включал 8 позиций: справедливость, свобода, солидарность, соборность, самоограничение, патриотизм, благо и достоинство, семейные традиции. Ю. Е. Шувалов отметил своевременность данной инициативы, предложив сделать данные идеи предметом партийной дискуссии. Однако обратим внимание на обоснованный скепсис некоторых аналитиков, отмечающих невозможность преодоления кризиса нравственности и национальной идентичности посредством одного только принятия подобного официального документа.

Анализируя представленный список ценностей, отметим, что ряд из них присутствует в программных документах партии. К примеру, в предвыборной программе на выборах Президента РФ

---

<sup>9</sup> *Закатнова А.* Без утопий // Рос. газ. 2010. 22 нояб. С. 3.



отмечается важность патриотизма и семейных традиций: «Нужно воспитывать приверженность семье, ответственность за судьбу Отечества, уважение к людям... Это обогатит наше общество, объединит его для новых свершений. Возрождению и укреплению этих ценностей мы будем всемерно содействовать через развитие культуры, сотрудничество с традиционными российскими религиями»<sup>10</sup>.

Находят отражение в данном документе и ценности свободы и справедливости: «Каждому должен быть обеспечен свободный выбор, при этом свобода должна базироваться на фундаменте справедливости – только так она будет признана нашим обществом. Социально незащищенным гражданам должны быть предоставлены надежные социальные гарантии, включая достойные пенсии»<sup>11</sup>. Справедливость упоминается и в программном обращении партии, где в разделе «Справедливость как безусловная ценность» постулируется: «Все наши решения должны отвечать интересам абсолютного большинства граждан России. А значит – должны быть справедливыми»<sup>12</sup>.

Стремление к максимальному расширению электоральной базы поддержки побуждает партию власти к формированию контролируемых совещательных структур, способных помочь ей в поисках компромисса с идеологическими оппонентами. Одним из подобных образований следует признать либеральный клуб «Единой России», призванный способствовать повышению уровня доверия к партии со стороны либерально настроенных избирателей. Показательно, однако, что даже в высказываниях руководителя либерального клуба «единороссов» О. В. Крыштановской проскальзывает скорее консервативная риторика: «Мы не считаем либералами людей, которые, прикрываясь либеральными идеями, ведут разрушительную работу и ломают хребет государства». Это соответствует позиции секретаря президиума генерального совета партии «Единая Россия» С. И. Неверова по поводу существо-

---

<sup>10</sup> Предвыборная программа партии «Единая Россия» на выборах Президента России. URL: [http://er.ru/party/presidential\\_election/](http://er.ru/party/presidential_election/) (дата обращения: 06.09.2011).

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Программное обращение Партии. URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 06.09.2011).

вания под эгидой партии различных клубов: «У нас общий вектор идеологии. Общие ценности стабильного поступательного развития государства. Мы держимся центристской позиции, но охватываем и левый, и правый фланг, сознательно отказываясь от идейной монолитности»<sup>13</sup>.

Одним из проявлений данного тренда стало создание в сентябре 2011 г. Социально-консервативного союза – организации, объединяющей сторонников на принципах соответствующей идеологии. Своего рода идейное credo данного объединения сформулировал А. К. Исаев, заявивший о том, что «единственная идеология, которая способна стать фундаментом для модернизации страны – это консервативная идеология»<sup>14</sup>. При этом, по его словам, созданный союз – «это не партия и не протопартия. Это организация, рассчитанная на то, чтобы поддержать деятельность «Единой России» и ОНФ. Это союз единомышленников, объединенных на идеологической основе. Он будет выполнять роль мощного экспертного сообщества, предлагающего решения, исходя из ценностных ориентиров социально-консервативной идеологии»<sup>15</sup>.

Необходимо, однако, принимать во внимание, что сами ориентиры этой идеологии были достаточно подробно сформулированы еще в 2007 г. в манифесте «Социальный консерватизм как идеологическая платформа «Единой России»: «Главные ценности, объединяющие нас, – это территориальная целостность и суверенитет Российской Федерации, повышение роли нашей страны в мире; сохранение традиций российского общества, его многонационального и многоконфессионального характера, укрепление демократии как условие для свободного развития каждого, ...необходимость развития системы социальной поддержки одновременно со стимулированием экономического роста»<sup>16</sup>.

Подводя итоги, следует отметить, что консервативные ценности в партийных документах «Единой России» представлены достаточно широко. Вместе с тем сама идея «консервативной модер-

---

<sup>13</sup> «Единая Россия» представила идеологические платформы Партии. URL: <http://www.er-region.ru/news/2/16946/> (дата обращения: 06.09.2011).

<sup>14</sup> В России создан Социально-консервативный союз. URL: <http://www.edinros21.ru/?id=47224> (дата обращения: 06.09.2011).

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> URL: <http://www.vsesmi.ru/news/833913/> (дата обращения: 06.09.2011).

низации» часто подвергается критике со стороны независимых экспертов и политических оппонентов «Единой России», обращающих внимание на внутреннюю противоречивость предполагаемого консервативной идеологией стремления к сохранению существующего статус-кво и необходимости модернизационных преобразований. К примеру, член Центрального совета сторонников партии С. Г. Волобуев отмечает, что, заявив о российском консерватизме как об идеологической основе партии, «Единая Россия» в своих программных документах так и не стала следовать ему на практике, «побоявшись переступить через либеральный канон»<sup>17</sup>, а руководитель Института национальной стратегии М. В. Ремизов указывает на то, что «по сути дела, между модернизацией и идеологией консерватизма есть некоторое напряжение, которое неплохо было бы преодолеть. ...Модернизационные процессы в стране начнутся только тогда, когда общество до конца осознает, что без обновления нынешняя реальность заведет страну в тупик»<sup>18</sup>.

В теории данное противоречие отчасти снимается противопоставлением радикальных революционных преобразований и пути плавного эволюционного развития (консервативная модернизация при этом отождествляется с последним), а также общей установкой партии на прагматический подход, в рамках которого определяющими становятся не столько абстрактные идеологические построения, сколько требования текущей политической ситуации.

---

<sup>17</sup> *Волобуев С. Г.* Российский консерватизм должен остаться идеологической платформой Партии. URL: <http://www.storonniki.info/?p=22899> (дата обращения: 06.09.2011).

<sup>18</sup> *Билевская Э.* Мировые стандарты консерватизма // Независимая газета. 2009. 2 дек. URL: [http://www.ng.ru/politics/2009-12-02/1\\_conservatism.html](http://www.ng.ru/politics/2009-12-02/1_conservatism.html) (дата обращения: 06.09.2011).

**Д. Н. Нечаев**

*доктор политических наук, профессор*

**МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ:  
КОНСЕРВАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ В ПРОГРАММАХ  
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В избирательную кампанию 2011 г. по выборам депутатов Государственной Думы РФ (нижней палаты российского парламента) вступили семь политических партий, располагающих более-менее постоянным числом сторонников. В России из всех политических партий только одна официально опирается на российский консерватизм как на идеологию – это партия «Единая Россия». Вместе с тем отдельные консервативные установки и элементы в том или ином виде представлены в программных документах остальных шести партий. Опираясь на дельфийский метод (метод экспертного прогнозирования путем организации системы сбора экспертных оценок), можно говорить о четырех вариациях консерватизма в программах политических партий России: *правый консерватизм* («Единая Россия»), *левый консерватизм* (КПРФ, «Справедливая Россия» и «Патриоты России»), *популистский консерватизм* (ЛДПР) и *либеральный консерватизм* («Яблоко» и «Правое дело»).

Важно подчеркнуть, что консервативные установки в программных документах современных политических партий возникли не на пустом месте: консервативная мысль достаточно активно развивалась в России еще с начала XIX столетия. В числе ведущих идеологов консерватизма этой эпохи отметим С. С. Уварова, А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева. Однако особенно востребованными оказались в современных условиях идеи консервативных или перешедших на консервативные позиции мыслителей первой половины XX в., в особенности Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и И. А. Ильина, развивавших данное интеллектуальное направление после революции в условиях вынужденной эмиграции. В советское время в роли ведущих консервативных

мыслителей выступали: в 1960-е гг. – А. И. Солженицын, в 1970–1980-е гг. – В. Г. Распутин, В. П. Астафьев. В 1990-е гг. политические реформы и публикация ранее запрещенных произведений идеологов консерватизма способствовали актуализации интереса к данному идеологическому направлению.

**Правый консерватизм.** Доминирующей политической партией в партийной системе Российской Федерации является «Единая Россия». Процесс институционализации партии завершился к выборам в Государственную Думу 2003 г. С 2005 по 2008 г. «Единая Россия» пыталась идентифицировать себя с рядом идеологических доктрин. Соответствующая проблематика была также в повестке дня деловой и политической элиты страны, которая последовательно возвращалась к «проблеме выбора идеологических оснований для собственных представлений об окружающей действительности»<sup>1</sup>. К 2006 г. под руководством одного из деятелей «Единой России», первого заместителя председателя Госдумы О. В. Морозова был подготовлен информационно-политический проект «Идеи. Лидеры. Действия», судя по которому, партия «Единая Россия» все больше пыталась опираться на консерватизм – мировоззрение, мироотношение, идеологию<sup>2</sup>, в теории ориентируясь на взгляды И. А. Ильина и Н. А. Бердяева, а в государственной практике видя идеал в П. А. Столыпине. В то же время это дает основания относить официальную идеологическую позицию «партии власти» к правому крылу русского консерватизма, которое берет истоки в идеях славянофилов и русской религиозной философии и сосредоточено на проблемах поиска национальной идентичности и сохранения самобытности русского народа.

Официальная идеологическая платформа партии «Единая Россия» позиционируется ее руководством как центризм и консерватизм (признаками которого являются стабильность, традиции, развитие<sup>3</sup>), «государственническая» позиция, заявленный прагматизм, противопоставление себя более радикальным движениям. 23 нояб-

<sup>1</sup> Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008. С. 142.

<sup>2</sup> См.: Поляков Л. В. К сбережению России : первоначала государственной мудрости // Библиотека Единой России : идеи. М., 2006. С. 7.

<sup>3</sup> «Единая Россия» заполнила идеологическую декларацию // Коммерсантъ. Черноземье. 2008. 28 окт. С. 3.

ря 2009 г. на XI съезде партии в Петербурге идеология «Единой России» была четко обозначена как консервативная. Председатель высшего совета партии Б. В. Грызлов заявил: «Сегодня мы принимаем Программный документ партии, в котором вместе с задачами повышения качества жизни и проектами экономического развития будет четко обозначена наша идеология – российский консерватизм. Это идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций»<sup>4</sup>.

В мае 2011 г. на региональной конференции в Волгограде лидер «Единой России» В. В. Путин предложил идею создания «широкого народного фронта» в поддержку партии, вылившуюся затем в создание Общероссийского народного фронта. Одной из организаций, вошедших в состав этого объединения, являющегося фактически сателлитом партии власти, стал «Конгресс русских общин» Д. Рогозина, в программных документах которого значительное место отводится консервативным ценностям: установке на национальную самобытность русского народа и особую роль России в мировой цивилизации, идеалам православия, соборности, семейным ценностям.

Разумеется, на стадии подготовки к избирательной кампании 2011 г. в официальных программных документах «Единой России» присутствовали главные образующие принципы консерватизма как метаидеологии: преемственность, эволюционность, традиционные ценности и порядок<sup>5</sup>. Однако, провозгласив российский консерватизм своей идеологией, «партия власти» по сути вовсе не стала консервативной. Фактически внутри партии реально существовал плюрализм равноправных идеологий: консервативной, либеральной и отчасти социалистической.

**Левый консерватизм.** *Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)* ориентирована на последнюю, т.е. социалистическую, идеологию. В то же время экономические и политические реформы в России в первой половине 1990-х гг., достаточно критическое отношение населения страны к опыту советской эпохи и коммунистическим ценностям ориентировали руководство КПРФ

---

<sup>4</sup> Малер М. Философия консерватизма : противоречия и преодоления. URL: [http://www.katehon.ru/html/top-/philosophia/filosofia\\_conservatizma.html](http://www.katehon.ru/html/top-/philosophia/filosofia_conservatizma.html) (дата обращения: 08.09.2011).

<sup>5</sup> См.: Категории политической науки. М., 2002. С. 544.

на поиск новых смыслов, которые оно пыталось найти в консервативных (традиционных) ценностных установках.

Соотносимые с консервативной идеологией воззрения КПРФ отсылают к левому крылу русского консерватизма, делающему акцент не столько на православие, сколько на коллективизм, издревле присущий крестьянской общине и русскому народу в целом. Коллективизм также является органичным дополнением к этатистскому началу и имперскому тренду, которые выступают как его продолжение. При этом если для современных правых идеологов русского консерватизма характерна идеализация дореволюционной России, то для левых консерваторов объектом идеализации выступает Советский Союз, его социальная и экономическая политика.

Как отмечают В. И. Пантин и В. В. Лапкин, «одна из важнейших особенностей российской модернизации состоит в том, что в России традиционное общество с его сословиями, общинным укладом и основанная на автократии политическая система, а также адекватный всему этому ценностный строй были разрушены, но дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядков, которые бы соответствовали парадигме современного общества»<sup>6</sup>. В контексте сказанного весьма логичным представляется то, что в программных документах КПРФ, особенно в преддверии парламентских выборов 2011 г., в значительной степени присутствовали имперские и консервативно-державные позиции. В частности, еще в редакции программы партии, принятой в 2008 г., о КПРФ заявлено как о единственной политической организации, последовательно отстаивающей не только права людей наемного труда, но и национально-государственные интересы.

Значительное место в программных документах и работах лидеров компартии занимают «противостояние между новым мировым порядком и русским народом» с его тысячелетней историей, с его качествами – «соборностью и державностью, глубокой верой, неистребимым альтруизмом и решительным отторжением торгашеских приманок буржуазного, либерально-демократического рая»<sup>7</sup>, «русский вопрос».

<sup>6</sup> Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. 1998. № 2. С. 39.

<sup>7</sup> Зюганов Г. А. Кадры партии в действии. М., 2001. С. 11.

Для «Справедливой России», как и для КПРФ, характерно стремление к восстановлению позитивных сторон социалистической экономики, сохранению ряда советских традиций, прежде всего – обеспечения социального равенства. Но не чужды ей и некоторые консервативные установки. Так, важнейшим направлением работы, обозначенным в программе партии, является сохранение лучших отечественных традиций: «Новый социализм активно использует государство для сохранения духовных традиций и ценностей народа, защиты национальной культуры и языка. Сильное Российское государство – это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности»<sup>8</sup>.

**Популистский консерватизм.** Согласно официальной программе *Либерально-демократической партии России (ЛДПР)*, партия выступает за либерализм и демократию, однако на практике придерживается этатистских позиций. Главным выразителем интересов людей и общества для ЛДПР является государство; партия полагает, что все интересы граждан должны быть подчинены ему. Личная свобода также признается в той мере, в которой она не входит в противоречие с государственными и общественными интересами. Несмотря на свое название, в системе партийно-политических координат ЛДПР стоит рассматривать как популистскую, вождистскую партию («партию одного человека»), тем более, что ее программа совершенно не соответствует принципам ни либерализма, ни либеральной демократии.

Отметим, что на сегодняшний день постсоветское социокультурное пространство остается неоднородным. Оно «распадается на отчетливо выраженные субкультурные ареалы, среди которых можно выделить несколько базовых: «средний класс», «новые русские», «новые бедные», маргиналы, криминалитет, альтернативные молодежные субкультуры»<sup>9</sup>. Для каждой из этих социальных групп требуются свои лозунги, которые ЛДПР и стремится выдвинуть.

Некоторые тезисы в программных документах ЛДПР свидетельствуют о формальном присутствии консервативных постула-

---

<sup>8</sup> Справедливая Россия : программа действий. С. 7. URL: [http://spravedlivo.ru/upload/file/programma\\_2010\\_cs2-v4.pdf](http://spravedlivo.ru/upload/file/programma_2010_cs2-v4.pdf) (дата обращения: 08.09.2011).

<sup>9</sup> См.: Семененко И. С. Глобализация и социокультурная динамика : личность, общество, культура // Полис. 2003. № 1. С. 16.



тов. Так, ЛДПР заявляет о готовности отстаивать православную веру, интересы русского народа, в частности – защищать соотечественников за рубежом. Как и для консервативных движений, для ЛДПР свойственно настороженное, если не враждебное отношение к Западу и западничеству (кстати, совершенно не характерное для подлинных сторонников задекларированной у ЛДПР лишь в названии либеральной идеологии). Но в целом содержащиеся в документах партии националистические лозунги и консервативные ценности носят скорее декларативный характер и не соотносятся с реальной политической практикой.

**Либеральный консерватизм.** Исторически всегда в большей или меньшей степени либеральная идеология, сугубо рационалистическая и проникнутая прогрессистским духом, противостояла консервативной. Отчасти либерализму присущи идеал равенства (равенство возможностей), идеал меритократии, принципы терпимости и плюрализма. В России всегда были и будут либеральные партии, но они с трудом могут получить поддержку, поэтому вынуждены, наряду с либерализмом, хотя бы частично интегрировать консервативные ценности.

Так, *партия «Яблоко»* в социальной сфере предлагает принять меры по поддержке образования на селе: «реструктурировать старшие и средние классы сельских школ при сохранении и поддержке начальных классов малокомплектных сельских школ», выступает за «безусловное сохранение основных социальных гарантий работникам», предлагает «гарантировать права собственников на сохранение имущества»<sup>10</sup>. «Яблоко» категорически не согласно с тем, что наука должна сама приспособливаться к рыночным условиям: «Мы считаем, что государство должно играть определяющую роль в сохранении и развитии передовых направлений российской науки»<sup>11</sup>.

*Партия «Правое дело»*, созданная на основе объединения Союза правых сил, Демократической партии России и Гражданской силы в 2008 г., по названию и идеологии позиционирует себя как либеральная. Вместе с тем примечательно, что бывший Прези-

<sup>10</sup> Программа Демократической партии «Яблоко». URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/ch4.html> (дата обращения: 08.09.2011).

<sup>11</sup> Программа Демократической партии «Яблоко». URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/ch7.html> (дата обращения: 08.09.2011).

дент РФ Д. Медведев, характеризуя перспективы новой партии, назвал ее консервативной: «Мне думается, наш политический спектр только выиграет, если он увеличится в размере, если помимо тех, кто представляет левые взгляды, и партий центра в Государственной Думе появятся все-таки представители правых консервативных кругов»<sup>12</sup>.

Несмотря на то, что партия негативно относится к национализму, в ее программные положения все же включен выдержанный вполне в консервативно-националистическом контексте пункт «упорядочение внешней миграции, введение для мигрантов экзаменов (при необходимости после предварительного обучения) на знание русского языка и базовых основ российского законодательства, культуры, традиций, правил общежития и проч. (с использованием опыта европейских стран)»<sup>13</sup>. Заслуживает внимания также программное положение партии в сфере образования о необходимости «возрождения советской практики профильных школ-интернатов для особо одаренных детей с полным государственным обеспечением», «введения дуальной системы профессионального образования, совмещающей учебу по специальности с работой на передовом предприятии»<sup>14</sup>, также фактически по советскому образцу.

Подводя итоги, отметим, что, с одной стороны, в настоящее время в России в рамках содержательно-прикладного дискурса консервативных партий не существует. С другой стороны, ключевые консервативные постулаты растворены в программных документах практически всех политических партий, что подчеркивает актуальность мнения Н. А. Бердяева начала XX столетия: «Судьба русского консерватизма очень своеобразна, в ней чувствуется историческая ирония. Консерватизм властвует в русской жизни и держит в тисках ее творческие силы, но он умер в литературе, он не существует как идейное направление. У нас нет консервативной идеологии и быть не может»<sup>15</sup>.

---

<sup>12</sup> *Силаев Н.* Исправление имен. URL: <http://www.rusnano.com/Document.aspx/Download/31762> (дата обращения: 08.09.2011).

<sup>13</sup> Правое дело : программа партии. URL: <http://www.pravoedelo.ru/party/program> (дата обращения: 08.09.2011).

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные, литературные (1900 – 1906 гг.) / сост. и коммент. В. В. Сапова. М., 2002. С. 255.

Научное издание

**КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ:  
опыт интернационального диалога**

*Сборник научных трудов*

**Ответственный редактор –  
Минаков Аркадий Юрьевич**

Редакторы *Н. Н. Масленникова, В. В. Пушкаренко, З. С. Фоменко*

Обложка *Е. С. Селивановой*

Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Корректоры *Г. И. Старухина, М. Г. Щигрёва*

Подписано в печать 20.08.2012. Формат 60×90/16  
Уч.-изд. л. 13,5. Усл. п. л. 12,75. Тираж 1000 экз. Заказ 6668

Издательство Воронежского государственного университета  
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано в ОАО «ИПФ «Воронеж»»  
394077 Воронеж, ул. Лизюкова, 2